КОСТЁР

4

ЦК ВЛКСМ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1937



КОСТЁР

№ 4

АПРЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО
И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1937 *ЛЕНИНГРАД*

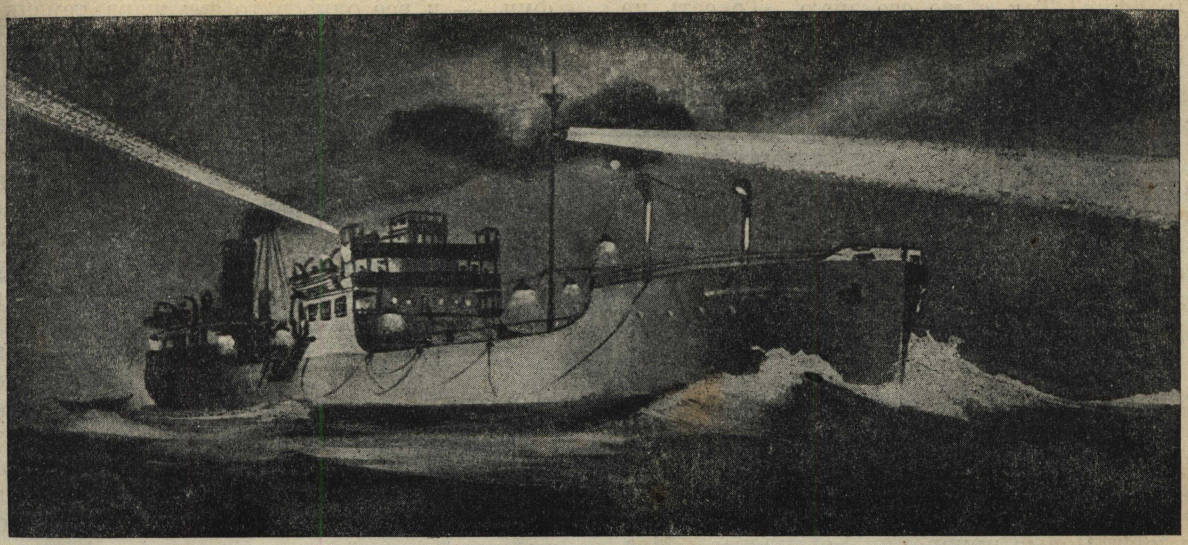
СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Л. УСПЕНСКИЙ. — На горизонте горящее судно!	3
В. ВДОВИН. — В страну эвенков	14
ЖИРШИ МАЙМБЕТ. — Песня над колыбелью сына	24
С. БЕЗБОРОДОВ. — Товарищ Серго. Рассказы о жизни Григория Константиновича Орджоникидзе	26
М. ИЛЬИН. — Очерки о родине. Оформление Ю. Слепян	33
А. СЛОНИМСКИЙ. — Рассказы о лицейской жизни Пушкина	49
ЛАСАРИЛЬО де ТОРМЕС. Старинная испанская повесть. Перевод и обработка Э. Выгодской. Рисунки М. Лелуара	58
ЯН ЛАРРИ. — Необыкновенные приключения Карика и Вали. Иллюстрации С. Петровича	64
Письмо к любознательным читателям	75
Проф. П. Ю. ШМИДТ. — Путешествия угря	76
Н. КОНСТАНТИНОВ И Б. РЕСТ. Железо и огонь. Рисунки Л. Коростышевского	80
С. А. ЯНЧЕВСКИЙ. — Советские паровозы. Рисунки В. Куле	88
М. ВАЛЬТИН. — Рисованный звук	96
А. АНТРУШИН. — Конец „Титаника“	101
Г. БЫКОВ — Миллион	105
Три волшебных картинки	108
Ответы на задачи, помещенные в „Костре“ № 1	—
Л. УСПЕНСКИЙ. — Начало повести. Рисунки Е. Косяковой	110

НА ОБЛОЖКЕ — ГИБЕЛЬ „ЖОРЖА ФИЛИППАРА“ — РИСУНОК *В. ТАМБИ*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Ленинград, ул. Лассаля, 2. Тел. 4-56-00.



Л. УСПЕНСКИЙ

НА ГОРИЗОНТЕ ГОРЯЩЕЕ СУДНО!

1. На траверзе мыса Гвардафуи

На закате 15 мая «Советскую нефть» обогнал большой пассажирский теплоход.

Западный горизонт, над далекими мглистыми берегами Африки, все еще пышно горел и пылал, как он всегда горит и пылает здесь, в тропиках: экватор был за плечами. Теплоход шел по правому борту танкера и далеко восточнее его. В той стороне уже сгущалась над морем тяжелая мгла. Еще пять, еще десять минут — и наверху загорятся тропические звезды, звезды Васко да Гама, звезды Лаперуза! Даже самые говорливые люди умолкают, видя, как шевелится, кишит, чуть что не шелестит этими звездами удивительное южное небо, одновременно чернильно-синее и огненное...

Каждое встречное судно всегда приносит и радость и грусть на море...

Человек пять наверху, на палубе «Советской нефти», долго следили за появившимся в виду кораблем. Маленький темный танкер неторопливо шел на север. Ярко освещенное чудовище неслось тоже на север и уверенно, неумолимо обгоняло «Советскую нефть». В бинокль можно было разглядеть три... нет, четыре линии иллюминаторов, бледный рубин сигнального фонарика, струйку голубоватого дымка у задней выхлопной мачты, высоко над приземистыми трубами. Эх, здорово идет, подлец!

— Эй, Маркони! — окликнул кто-то радиста. — Где мы сейчас? Не знаете, кто это обжимает нас?

Радист, выйдя из рубки, невозмутимо осветил карманным фонариком градусник на стенке, вздохнул, покряхтел.

— Ф-фу... будь оно не ладно, — чуть заикаясь, проворчал он. — Опять тридцать восемь Реомюра!..

— Десять нордовой широты, ребятки: тридцать один остовой долготы! К полночи будем на траверзе Гвардафуи.

Он поднялся на несколько ступенек по трапу и тоже повернулся туда, где сияющим призраком двигался далекий экспресс.

— Это «Филиппар»! «Жорж Филиппар». Иокогама—Марсель. Компания «Мессажери-Маритим». Француз. Славно чешет — а? Сейчас слушал их. Занятно: какой-то Луи Дрейфус, должно быть миллионер, едет домой. Интересуется курсами парижской и лондонской биржи. Приказывает подготовить виллу к приезду мадам. Гневается, почему до сих пор не прогнали каких-то четырех мерзавцев...

— Сам, наверно, мерзавец... — сердито вздохнул из темноты судовой электрик Сорокин.

— Постойте, постойте, Маркони!.. Как вы сказали? — переспросил еще кто-то. —

Дрейфус? Так я же его знаю... То есть не его, а эту фирму. Были какие-то склады в России до революции... Не то зерно, не то кожа... По всему югу. В каждом городе склад. Двенадцатибальный буржуище!

Помолчали. Теплоход уходил все дальше и дальше, уменьшался, тускнел, как будто дразня, как будто назло подчеркивая, что «Советская нефть» не экспресс, а всего только маленькое нефтеналивное судно, танкер, пловучий керосиновый бидон; ползун, а не ходок.

— А вообще что нового на свете, Маркони?

— Да то же, что и утром было, — зевая ответил радист.

— Слушаешь и диву даешься. Точно это не люди говорят. Горгулов, Горгулов, Горгулов! «Новые признания Горгулова». «Мог ли русский белогвардеец убить французского президента?» Хотят доказать, что этот прохвост Горгулов не фашист, а коммунист. Врут, клевещут... В общем мерзко...

И опять все замолкли.

Совсем стемнело. Звезды, одна, другая, а потом вдруг целая каша звезд высыпала над головами. «Жорж Филиппар» окончательно скрылся за горизонтом.

— И попер, и попер, и попер! — с задумчивой завистью пробормотал Сорокин.— А мы тащимся. Сегодня, завтра... Последний раз иду на танкере, ей богу! Все-таки, как там ни финти, отстаешь от жизни тут, на море.

— А ведь что творится-то?! — через минуту опять заговорил он. — Слышали? Французского президента убили... Японского премьера убили! В Германии тоже какая-то петрушка. А тут—ползешь, ползешь... Гвардафуи!.. Эх, помню, мальчишкой как мечтал я об этом самом Гвардафуи. О Мадагаскаре мечтал. О Сингапуре. О море. О пароходах. Какие слова! Казалось, только стань на палубу — и тут тебе со всех сторон волны, штормы, неведомые острова, геройство... А вот же нет ничего этого! Вот и Гвардафуи. Шестой раз прохожу этот самый Гвардафуи, — и все одно и то же: жара, темень... Где же тут красота? Где геройство? Где морская романтика? Подвиги где?

В темноте засмеялись.

— О, смотрите, пожалюйста, как наш Сорокин раскодился, — сказал сверху голос с нерусским акцентом. — Это ты ерундишь, Сорокин! Геройства тут, на танкере, конечно, не ошень много... Ну, а все-таки и тут корошо. Делаем свое дело. А надо будет — и героем станешь.

— Ну да, дожидайся, — нетерпеливо крикнул Сорокин, — на танкере — героем? Да что ты мне говоришь, товарищ Шнек? Разве я сам не знаю? Тебе хорошо, секретарь: ты и в гражданской войне участвовал, ты и бандитов ловил... Ты и в подполье работал. Ты всего повидал. А я тогда еще пешком под стол ходил. А ведь я тоже хочу этого... геройства какого-нибудь!..

Он умолк и вдруг совсем уже другим тоном сказал:

— Ну, ладно... Пойду спать. Утром вставать рано...

Легкий ветер дул сзади и справа. Он дул не торопясь, спокойно, одним горячим бесконечным выдохом, — как из пекла.

«Советская нефть» второй месяц шла с Дальнего Востока в Черное море. Всем давно уже приелись и дальнее плавание и вечная надоедливая осторожность с огнем. Ведь в хранилищах танкера все еще плескалось жирное нефтяное озеро в полметра глубины. Капитан готов был убить за каждую замеченную спичку.

Сорокин уверял, что, заметь капитан Алексеев костер у Порт-Саида, он непременно пойдет огибать Африку с юга: от греха подальше!

— Да уж насчет огня, — говорили в кубрике, — трусоват наш дядя Леша. Это верно!

Все нетерпеливо ждали дома, родины, берега, твердой земли. Хотелось отдохнуть. Хотелось увидеть своих родных, близких, просто советских людей. Хотелось, чтобы не качало больше. Чтобы не пахло керосином, не палила бы убийственная жара. Чтобы опять начало тянуть в море.

2. Путешествие благополучно подходит к концу

«Жорж Филиппар», новый дальневосточный экспресс, лучший ходок компании «Мессажери-Маритим», вез во Францию около 800 пассажиров.

Лучшие каюты — просторные аппартаменты — занимал своей персоной один невысокий смуглый человек, гладко бритый, с набухшими мешками у глаз, с брюзгливо поджатыми губами. Он вез с собой во Францию жену, с целым штатом камеристок и

екретарей, походную канцелярию, стенографистку, лакеев, несколько собак, обезьяну. А в судовом гараже, поблескивая лаком никелем, ехали три его автомобиля — белый, черный и «бэж».

Вечером этот пассажир принял ванну. На «Филиппаре» к услугам пассажиров первого класса всегда была вода, охлажденная мощной машиной.

Искупавшись, он вышел на палубу подышать перед ужином соленым воздухом моря.

Сквозь раскрытые иллюминаторы и двери из недр судна рвалась музыка. В салонах медленно крутились лопасти огромных вентиляторов. Прохладный, доведенный до весенней температуры, воздух струился из запрятанных труб. Несмотря на жару, молодежь охотно танцовала в этом освежающем дуновении.

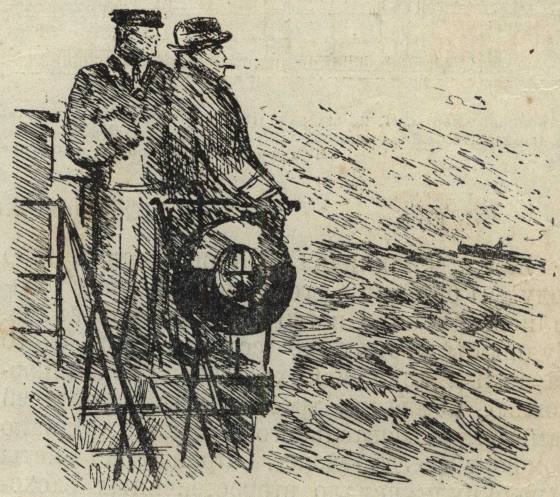
Внизу, в глубине судна, обливаясь потом, метались между машин «духи» — люди, обслуживающие дизеля. Им не подавали охлажденного воздуха; зато они вдоволь обливались ледяной водой.

В ослепительной кухне девять поваров пекали к ужину розовых лангустов; в металлических холодильниках замораживались целые батареи бутылок. По коридорам тянулись усталые за день дети. Впрочем здесь, в первом классе, детей было немного. Их было куда больше там, на нижних палубах, на палубах бедноты. Но двери туда в восьми часов вечера наглухо закрывались. Шумливые нижние дети не должны были мешать прогулкам людей с тремя автомобилями.

После ванны смуглый человек неторопливо поднялся на запретный для всех капитанский мостик и, опершись о поручни, замер. Небо пламенело на западе. Далеко в море между зарей и «Жоржем Филиппаром» виднелся коротенький дымовой хвостик; вглядевшись, можно было заметить маленькое, чуть зримое среди волн судно. Пассажир, вопросительно прищурившись, посмотрел в ту сторону. Капитан, мсье Вик, тотчас же подошел к нему.

— Угодно вам бинокль, мсье, — почтительно предложил он. — Мы у входа в Генский залив. Ах, это? Это... советский нефтеналивной пароходик. Сейчас мы оставим его далеко за собой. Жаль этих несчастных, не так ли? У них — нелегкая работа. Недели и недели на бочке с керосином... Ежеминутная опасность пожара. Никаких удобств. Мы подойдем к Марселю, а они все еще будут ползти по Красному морю. Но они идут и идут, эти русские. Всюду. Во все моря. Удивительное упорство! Их встречаешь теперь на всех путях мира.

Пассажир неторопливо взял бинокль и на секунду поднес его к глазам.



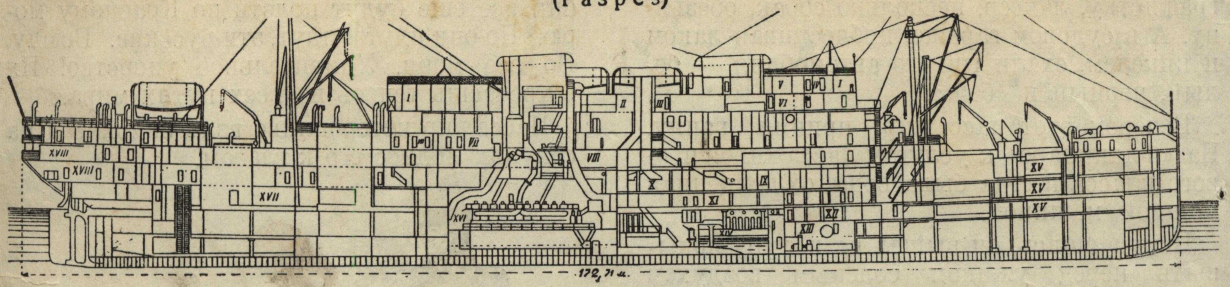
— М-м-да... — равнодушно пожевал он губами. — Что же? Значит, плавать на танкерах опасно? Однако они все же плавают! Кстати, вы, вероятно, помните, что 26 февраля, как раз в день вашего отбытия из Марселя, один из наших парижских коммунистов, — Богран? Богрон? — не помню фамилии, — уверял, будто на «Филиппаре» тоже опасно плавать. А? Каково! Он кричал, будто здесь плохо оборудованы огнетушители. Он говорил: «Мне безразлично, что произойдет с миллиардерами, для которых устроены эти салоны, эти бассейны, эти каюты! Но мы обязаны заботиться о матросах, о солдатах, о пассажирах третьего класса! Им не нужно ваших салонов и оркестров. Им нужны спасательные шлюпки и пожарные шланги». Однако наше путешествие благополучно подходит к концу. Когда мы будем в Марселе, капитан?

Мсье Вик любезно улыбнулся.

— О, — произнес он, — не позже воскресенья вы будете у себя в Ницце, мсье Дрейфус...

В темном тропическом небе, в нагромажденных у горизонта тучах, мигнула далекая зарница. Опять становилось нечем дышать. Но как раз в это время во внутренних помещениях мелодично зазвучал гонг: настала пора ужинать.

ТЕПЛОХОД „ЖОРЖ ФИЛИППАР"
(Разрез)



I. Теннисные корты. II. Компасная. III. Радиорубка. IV. Штурвальное. V. Каюты капитана. VI. Каюты офицеров. VII. Ванные. VIII. Души. IX. Обеденный салон 1 класса. X. Кухня. XI. Помещение прислуги. XII. Камбуз. XIII. Холодильник. XIV. Бассейн. XV. Помещение III класса. XVI. Машинное отделение. XVII. Гараж. XVIII. Помещение II класса.

3. Как умерла старая крыса

«Жорж Филиппар» был построен в 1930 году. 21 000 тонн его водоизмещения обошлись компании в 120 миллионов франков. Судно было отделано (если говорить о его парадных помещениях) с изысканной роскошью. Компания требовала от строителей самого исключительного комфорта. Однако комфорт всегда дорог. Правда, из сметы вычеркнули немало второстепенных расходов. Например, на лучшую изоляцию электропроводки. На запасные магистрали пожарных труб. На моторные спасательные катера. Нельзя же было разбрасывать деньги зря: плавательный бассейн, два концертных зала, зал кино, роскошный ресторан, пять роялей Бехштейна, хрустальные люстры, фарфоровые вазы, персидские ковры первого класса — все это и без того стоило очень дорого.

Зато и шифскарта на «Филиппаре» тоже стоила очень дорого. Далеко не все каюты поэтому были заняты. Пустовало и огромное роскошное помещение как раз между каютами капитана и радиорубкой. В него почти никто не заходил с самого Сайгона. И все же именно здесь, в этой каюте, неведомо когда завалилась за диван коробка пахучего японского печенья. Корабельные крысы прогрызли к ней дыру в углу, под плинтусом стенки. С каждым днем они расширяли ее все больше и больше. От печенья оставалось уже не очень много...

В эту душную майскую ночь большая старая крыса, огромный зверь со свирепой седеющей мордой и бурыми зубами, тоже пробралась знакомым путем к остаткам бисквитов. Наевшись, она вымыла лапами морду и отправилась обратно сквозь дыру под плинтусом.

Но раздувшийся живот помешал ей проскользнуть туда так легко, как раньше. Сердито попятившись, животное село на задние лапы и яростно вонзило крепкие зубы в то, что мешало его пути, в пару каких-то толстых шнуров, кое-как небрежно обмотанных дешевой изоляционной лентой.

Почти в ту же секунду ее тело вдруг свела судорога. Сверкнула голубая искра. Запахло паленым. Крошечный огонек, размером с ноготь, заметался в толще прогрызенной переборки — маленькое, ничтожное подвижное пламя... Крыса скорчилась, и...

И — песенка «Жоржа Филиппара» была спета...



4. В третьем классе!

Семейство Лебрен возвращалось из Индокитая на родину. Разбогатеть там по-настоящему Лебренам не удалось, но кое-какие сбережения они везли с собою. Достаточно, чтобы открыть небольшое кафе или хорошую парижскую зеленную лавку.

В общей каюте 3-го класса рядами, как в железнодорожных вагонах, были размещены 24 спальные койки. Лебрены занимали три из них, ближние к двери, к одной из тех дверей, которые наглухо закрывались в восемь часов вечера, отрезая пассажиров низшего ранга от палуб, от внешнего мира.

И изнывая от нестерпимой жары, вся семья рано легла спать. Первой в половине третьего ночи проснулась Люси Лебрен. Она громко заплакала, неизвестно, в сущности, почему. Никто не удивился этому. Люси родилась только 6 месяцев тому назад.

Люси разбудила бабушку, бабушка — мать. Мать Люси растолкала своего мужа — плечистого, крепкого человека, бывшего сержанта, учителя бокса, плавания и фехтования там, в колонии.

— Покачай-ка девочку на руках, Поль,— сказала ему жена. — Слишком жарко. Я не в силах двинуться. Я хочу спать.

Поль заворчал было, потом потянулся, хотел взять на руки дочку, но вдруг встревоженно повел носом. Пахло гарью. Пахло дымом. Пахло жженой резиной. Откуда это? В недоумении он пожал плечами, посмотрев направо, налево, потом на стенку прямо против своей койки. Там над дверью висел большой электрический колокол, колокол тревоги, колокол опасности. Выпучив глаза, Лебрен, не отрываясь, смотрел теперь на него. Колокол беззвучно звонил. Его язычок быстро-быстро колотился под металлическим колпаком, но не доставал до краев. Звонок не мог «звонить вслух». По-видимому, он был испорчен или плохо устроен. И тем не менее он безмолвно и страшно кричал Лебрену:

— Спасайтесь! Опасность! Гибнем! Смерть!



Учитель плавания и фехтования вздрогнул с головы до ног.

Не издав ни звука, он прыгнул к спасательным нагрудникам и поясам, размещенным в особых гнездах на переборках. Он схватил три пояса, четыре нагрудника, швырнул их на свою койку и сам сел на них. Под подушкой нащупал револьвер и сунул его в карман ночного халата. И только теперь, наконец, закричал изо всех сил:

— Эй, эй, спасайтесь! Вставайте! Опасность! Сигнал! Эй, вставайте!

В ту же секунду язычок звонка, неизвестно как, дотянулся наконец до края. По третьему классу, тускло освещенному синими ночниками, среди вздохов, храпа и сонного бормотанья, раскатился долгий, пронзительный, страшный звон. Но тотчас же этот звон заглушили вопли, топот, плач, стук.

5. Огонь в виду!

Капитану Алексееву не спалось. Трудно, должно быть, по-настоящему привыкнуть к этой жирной, приторной, пропахшей керосином жаре!

Капитан долго сидел в своей чисто выбеленной, аккуратно прибранной каюте. Он покашливал, записывал что-то в толстую общую тетрадь, вычищал, записывал снова...

В два часа семь минут он пошел бродить по судну, заглядывая во все углы. А вдруг где-нибудь кто-нибудь какую-нибудь проклятую спичку, какую-нибудь искру... Больше всего на свете капитан боялся огня. Огня на танкере!

В два часа двадцать три минуты духота выгнала его на мостик, под ослепительное и черное южное небо.

Зарницы на востоке прекратились. За кормой танкера далеко на юг уходил прямой серебристый след: море светилось миллиардами голубоватых огоньков. Тьма во-

круг была глухой и горячей — еще глуше и еще горячей под тяжелым, звездным небом. Помощник, позевывая, ходил взад-вперед по капитанскому мостику.

— Ветер зюйд вест, товарищ капитан, — с трудом дыша, сказал он. — Занзибарский ветерок! Пять баллов, а не освежает... Волна шесть баллов. Имеет тенденцию слабеть. Не спится, товарищ капитан?

— Не спится, Василий Константинович,— ответил капитан. — Душит! Не дождусь Одессы. А что это у вас там, правее по носу, какой-то свет? Встреча, что ли?

Помощник поднял голову сначала равнодушно, потом с любопытством.

— Минут пять как вижу... Позвольте?.. Постойте-ка!.. Что же это такое в самом деле?

Далеко впереди, на горизонте, брезжило во мраке слабое желтоватое пятнышко. С минуту оно казалось неподвижным и неизменным. Потом, на мгновенье померкнув, оно резко переменило окраску, стало розоватым, рыжим, огненным... Небольшой золотистый фестончик вырос, выбросил из себя три или четыре острых языка, лизнул небо и вдруг вспыхнул ярким мигающим пламенем. В небе сразу же выступили тяжелые клубы облаков, подкрашенные снизу тревожным заревом. Помощник схватил капитана за руку.

— Товарищ капитан... А ведь это — пожар... Это... горит кто-то...

— Поднимайте всех на ноги,—тихо сказал Алексеев. — Я — к радисту... Будите секретаря, да поскорее...

Радист слушал во все наушники: «Молчат!..» Он недоуменно взглядывал на капитана. «Почему молчат? Горят, а молчат. В чем дело?»

— Все равно, — сказал Алексеев. — Может, у них рация в огне. Передайте тотчас же: «Идем к вам на помощь». Все время передавайте. Стоп! Кто это с нами говорит?

— Это маяк говорит. Мыс Гвардафуи. «Вижу, вижу на горизонте ост-зюйд-ост горящее судно».

— Ответьте: «Да, горящее судно вест-норд-вест. Видим. Идем на помощь. «Советская нефть».

— Есть сообщить, товарищ капитан.

— Все время передавайте: «Идем на помощь». Слышите? Я — пошел.

— Есть все время передавать, товарищ капитан.

• • •

— Товарищ секретарь ячейки. Прости, что потревожил. Имею в виду горящее судно. Отдал команду идти на сближение. Как считаешь?

— Ну, что же, правильно, товарищ капитан. Что прикажешь делать мне лично?

— Полагаю — пожар порядка катастрофы, товарищ Шнек. Не могу скрывать — дело опасное. У нас в трюме на полметра нефти. А все-таки думаю рискнуть... А? Как, по-твоему?

— Ну, что ж, правильно... О чем же разговаривать? Кто горит?

— Да они почему-то молчат. Боюсь, не тот ли француз — помнишь, вечером? Становитесь к подготовке ботов, товарищ Шнек!..

— Слушаю, товарищ капитан!

6. На помощь...

И вот в третьем часу ночи 16 мая 1932 года танкер «Советская нефть», закрыв все люки, на ходу подготовляя пожарные средства, вынеся за борт на талях гребные шлюпки и моторный катер, собрав на палубе все наличие пробковых нагрудников, пошел на сближение с «неизвестным заревом». Все набортные трапы наготове, люди размещены по банкам спасательных судов, винт работает на полный. Большой прожектор, сухо потрескивая, щупает ярким снопом непроглядный тропический мрак впереди. Зажжены все огни, все, какие можно: надо, чтобы люди там, на горящем корабле, уже издали увидели приближающуюся помощь. Кто знает — может быть, этот свет спасет не одного охваченного смертельным страхом?!

— Что за шут, ребята, — говорит электрик Сорокин, постукивая зубами, точно на студеном ветру. — Жарко, а чего-то холодно!.. Что же мы так ползем?..

— Ну да, ползем! Ерунду городишь... Идем полным ходом. Ой, смотрите, смотрите, как полыхает! Це-це-це! Вот беда-то какая... Поскорее бы в самом деле...

— Сорокин! А Сорокин, — весело и тревожно кричат из мрака оттуда, с носа. — Ну что, герой, дождался подвигов? Чем пожар заливать будем? Как думаешь? На-

илучшей сахалинской, а? Отличная пожарная команда — с керосинчиком!

— Пустое, — говорит Сорокин, — у нас нефти только на дне.

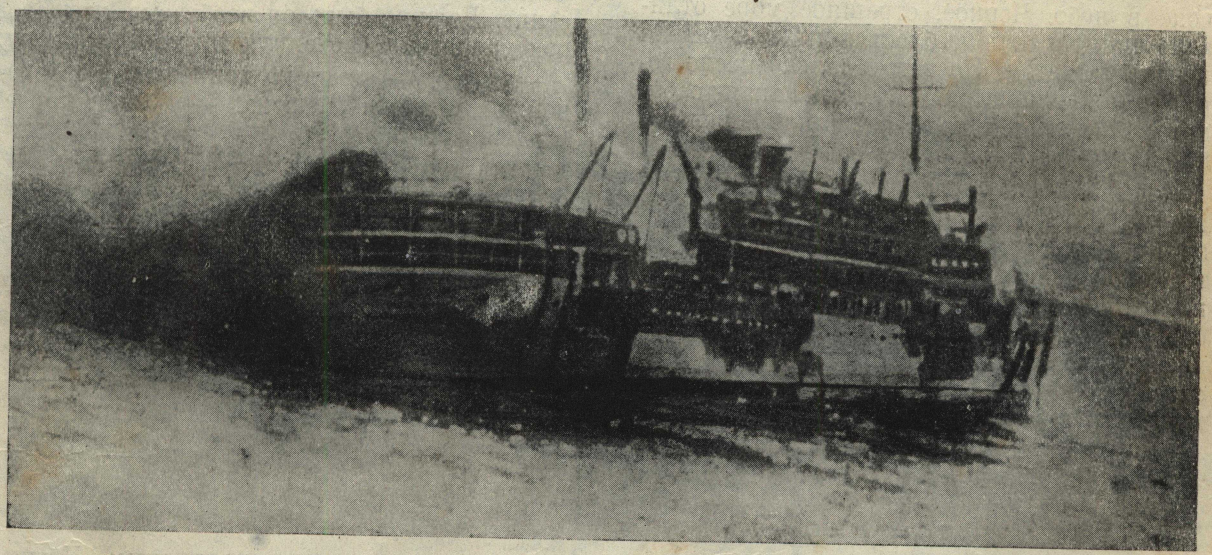
— Тютя, — отвечают ему с трех сторон сразу. — На дне! А над нефтью что? Нефтяные газы. Одна искорка и трам-тарарам! Эх, прибавить бы ходу...

— Рыбалки-и-ин! — доносится с мостика. — Проверь мотор на катере. Ничего, еще раз проверь... Если там шлюпки ихние будут — сразу бери, сколько на буксир захватишь. Гони все сразу сюда... Одиночек не лови; это уж наше дело.

— Братцы, братцы, смотрите, что там делается! Это — француз, тот француз. Всю среднюю часть так и рвет. Ай, ай, ай... Ай, ай, ай!.. Товарищ капитан! Что же мы еле ползем-то? Подгоните механиков. Ведь люди же горят. Люди!

— Брось чепушить, Моцкин. Сам видишь — полный дан до отказа... Просмотри-ка лучше еще разок, как люки задраены. Помните, ребята, не горох везем... а лезем в пекло. Следите за огнем, — может ветерком нанести. Глядите в оба. Эх, смотреть страшно, что там творится...

— Скорее, скорее, скорей!



„Филиппар" в огне. Снимок очевидца.

7. Вода и пламя

А на «Филиппаре» в самом деле творились страшные вещи.

В тот самый миг, когда Поль Лебрен, фехтовальщик и пловец, поднял тревогу в помещениях 3-го класса, наверху уже бушевала паника. Люди метались по палубам; полуголые, ничего не понимающие со сна, они выскакивали из всех дверей и люков, кидались к шлюпкам, дрались из-за спасательных кругов...

Огонь, возникнув в верхних надстройках, моментально охватил почти всю середину корабля. Персидские ковры, мягкие диваны, пушистые шторы дверей вспыхивали как бумага. С шипеньем и воем, брызжа черным удушливым дымом, пламя двигалось во все стороны сразу. Несколько десятков человек уже задохнулись внизу, в дыму и горькой вонючей гари. Многих огонь отрезал от выходов на палубу. Пожарные помпы неистово качали воду, но их было так мало, так безнадежно мало!.. Скоро все их двинули к нефтяным бакам: надо было во что бы то ни стало уберечь от пламени эту страшную, в несколько тысяч тонн, пороховую яму...

Про обитателей 3-го класса в суматохе забыли. Упустили из виду, что они закупорены там, внизу.

Тяжелые двери оставались наглухо запертыми. Неистовые вопли, удары ног и кулаков, плач, стоны могли бы, казалось,

сорвать потолок с места. Но наверху ничего не слышали.

Наконец, мужчины, оттиснув кое-как женщин и детей назад от двери, расшибая в кровь кулаки, надрываясь, увеча друг друга в давке, навалились все разом на белые створки. Они подались...

И вот вся эта обезумевшая, воющая толпа ринулась по внутренним трапам на палубу. Но еще до этого все шесть больших ботов были уже спущены на воду и почти до отказа набиты первыми подоспевшими.

На палубе стало светло, как днем. Огненные космы вздымались над ней высоко в небо. Черное, страшное море отливало темнокрасным, блестящим, как сырая печонка, цветом. По ветру далеко несло горящие клочки материи, летела какая-то бумага. Сверху, искрами, сыпались огненные клочья.

Поль Лебрен, бывший солдат, быстрее других сообразил, что делать. С одного взгляда он увидел и яростную драку на трапе возле последней отчаливающей лодки, и бурно ревущее пламя, и безнадежную борьбу с огнем пожарных помп, и — главное, главное! — далекий, чуть заметный отсвет на горизонте... С юга подходила помощь.

«С «Филиппаром» все кончено, — подумал он. — Надо в воду... В воду, пока не поздно... Только бы... Только бы здесь не было акул!»

Подняв высоко над головой дочку, наспех завернутую поверх пеленок в спасательный пробковый жилет, он начал расталкивать толпу, пробираясь к опустелому трапу. Шлюпка от этого трапа отчалила уже давно. Обе женщины, тоже затянутые в пробковые жилеты, опоясанные кругами, с плачем догоняли его.

Они были уже около самых релингов, когда какой-то коренастый человек в легкой ночной пижаме бросился перед ними к лесенке. Должно быть он вообразил, что Лебрен увидел незамеченную другими шлюпку.

— Клэр! — неистово хрипел этот человечек, отталкивая Лебрена. — Клэр! Скорее! Сюда!

Солдат закусил губу.

— Куда?!. — бледнея от ярости, закричал он. — Назад! Успеешь! Пусти женщин вперед! Дрянь!

И одним ударом колена он отшвырнул далеко с дороги Луи Дрейфуса, пассажира верхней палубы, миллионера, везущего с собой три автомобиля — белый, черный и «бэж».

• • •

Теплая, почти горячая вода мягко охватила Лебрена. Вокруг стоял невнятный гул голосов. Кто-то поблизости рыдал, кто-то хрипел, кто-то задыхался. Отовсюду из низких волн доносились непонятные возгласы, всплески, протягивались руки. Между округлых темных гребней то показывались, то скрывались головы, с широко открытыми глазами, с прилипшими прядями мокрых волос, головы обожженных, измятых, полуголых, захлебывающихся людей. Эти люди судорожно хватались друг за друга, боролись, плыли. Но куда?

Поль Лебрен, умело действуя ногами, без труда держался на воде. Но руки его были не свободны. Вытянув их как можно выше, он поднимал над водой единственного из пассажиров, который не подозревал в этот миг об опасности.

Прошло только десять или пятнадцать минут, и мускулы стали затекать. Пальцы утратили чувствительность. А помощь? Где она, эта помощь? Отсюда, с воды, горизонт казался совершенно темным. Неужели он ошибся?

Женщины из последних сил старались держаться ближе к Лебрену. «Жорж Фи-



липпар», огромный, жарко полыхающий на черной воде костер, уходил все дальше и дальше от них. Лодки тоже исчезли. Сразу стало тише. По волнам во все стороны плыли, тускло сияя во мраке, шарики светящихся спасательных буйков.

8. Почему это случилось...

Радио о пожаре у входа в Аденский залив пошло с «Советской нефти» через Гвардафуи, через Джибути—Суэц, туда, в Марсель, в контору «Мессажери-Маритим».

Дежурный по конторе усталыми глазами посмотрел на радиста, потом на карту.

— Ну что же, ясно... — вяло произнес он. — Это «Филиппар» горит. Он как раз к утру должен был быть в Джибути.

— Слушайте, мэтр, но ведь это ужасно! — воскликнул радист.

— Этого надо было ожидать, — равнодушно сказал дежурный. — Проклятая посудина дважды горела еще во время постройки. Не корабль, а плавучий крематорий. Об этом исписаны горы бумаги. А что толку-то?

— Но в таком случае как же посмели выпустить его в рейс? Что скажут об этом в палате?

Дежурный поднял голову и тускло посмотрел прямо в лицо молодому человеку.

— Я ничего не говорил вам, мсье Мишель... И вы ничего не слышали от меня. Палата!.. Что скажут!.. Да вы сами сообразите — очень ли нужно нашей компании сейчас, когда дела идут так плохо, лишнее судно? А наличные деньги? Вот они-то всегда нужны до зареза!

— «Филиппар» стоил 120 миллионов, а приносит десятки тысяч убытка в месяц. Сгорел он? Ну что ж? Компания получает свои денежки чистоганом... Сто десять миллионов страховки! Ясно, как лунный свет... Дирекция будет только молить бога, чтобы он сгорел до последней тали, до последнего пассажира... Сгорел — и баста. Да и вряд ли в океане ночью найдутся спасители...

9. Спасители нашлись

В четыре часа утра «Советская нефть» остановилась в полукилометре от пылающего, но все еще не опустевшего корпуса. Капитан подвел танкер с наветренной стороны пожара. Катер и шлюпки оказались наплаву почти в ту же самую секунду. Большая часть экипажа (на танкере было всего 48 человек) повела шлюпку на помощь — туда, откуда доносились крики, то слабые, то громкие.

Капитан Алексеев остался на мостике один. Он отлично понимал, что останавливать машины ему нельзя. Ведь и «Филиппар», и «Советская нефть», и шлюпка, и множество бьющихся в воде людей — все это дрейфовало, увлекаемое течением, в одну сторону, но с разной скоростью.

Танкер могло отнести слишком далеко. Могло, наоборот, продвинуть в опасную подветренную зону. А там какие-то пылающие хлопья неслись по воздуху, падали в волны, с шипеньем гасли в воде. Одного такого летучего факела было достаточно, чтобы «Советская нефть» вспыхнула, как жестянка с бензином.

Надо было непрестанно маневрировать, давать то задний, то передний ход, класть руля то направо, то налево. А ведь и спереди, по носу, и возле бортов, и за кормой — всюду в непроглядном мраке были лодки, были барахтающиеся, беспомощные, крошечные в этом хаосе люди. Один неосторожный оборот винта, одно неловкое движение руля — и спасители могли стать убийцами.

Капитан Алексеев, потный, бледный, в расстегнутом белом кителе, со сбитой на затылок фуражкой, стремительно кидался с мостика на корму и вглядывался в чернильную темень за ахтерштевнем. А через секунду он уже несся обратно на мостик, зловеще освещенный багровыми пляшущими отсветами, хватался за ручку машинного телеграфа, неистово орал на рулевого и тотчас же опять мгновенно исчезал.

С правого борта кричали: «Эй, на «Нефти», принимайте людей! Жива-а!» Капитан командовал: «Принимать!»

С левого борта неслись невнятные, нерусские выкрики. И капитан, коверкая трудные чужие слова, прижимая к груди руки, взывал: «Кураж! Ту де сюит! Кураж... Держитесь, товарищи!»

Механики внизу, ничего не понимая, давали то тихий, то полный, то ход назад, то ход вперед. И рулевой вертелся как белка в колесе...

Первая лодка подобрала семерых пассажиров «Филиппара», оказавшихся вблизи от судна. Шатаясь, поднялся по трапу на «Советскую нефть» Поль Лебрен. Он все еще держал на вытянутых руках драгоценный сверток. «Доктор! Товарищ Вьюнов! Это вам...» — закричал капитан, сразу догадавшись, что это за сверток.

10. На борту „Советской нефти"

Пальцы Поля Лебрена с величайшим трудом разжались. Выпустив свою ношу, Поль застыл на месте, тяжело дыша и недоуменно оглядываясь. Потом, видно, он сообразил что-то, резко повернулся к капитану и вытянулся перед ним во фронт.

«Alors, camarade, — хрипло выговорил он, и голос его дрогнул. — Благодарить будем потом. Я еще могу работать»...

Вслед за Лебреном на палубе появились и другие спасенные. Одни, почувствовав под ногами твердую опору, бросались на колени и застывали в молитве, другие пускались в полубезумный пляс.

Прибыла вторая лодка «Советской нефти». Потом, пыхтя и фыркая, подбежал к борту катерок. Он привел на буксире сразу три шлюпки с «Филиппара». На палубе становилось все теснее и теснее. Люди толпились, смеясь и плача, протискивались к капитану, обнимали друг друга, падали в обморок, бормотали невнятные слова благодарности.

Команда на руках вносила притихших, растерявшихся ребят. Скоро целый детский сад собрался на носу. Детей было больше двадцати человек. Всех их надо было накормить, одеть, уложить спать. Одна девчурка свалилась тут же у трапа и спала тяжелым сном, прижимая к груди раскисшую, облезлую, облысевшую в воде куклу.

«Семьдесят два человека... сто восемнадцать... Двести девяносто семь... Триста восемьдесят...», — стуча зубами от волнения и усталости, считал капитан Алексеев. Шум стоял такой, что его команды уже почти никто не слышал. Но и без него все знали, что надо делать, все работали так, как должны работать большевики.

В ту лодку, которая раньше других подошла к горящему судну, последним прыгнул длинный плешивый человек, официант «Филиппара». Он совсем обезумел от страха. «Катя, Катерина Федоровна! — бормотал он отчаянным шопотом на чистейшем русском языке. — Понимаешь, — это советский корабль! Ради бога ни слова по-русски. Если они узнают, что мы белые, нас вышвырнут за борт...»

Его успокоили. Он останется цел и невредим. Никто пальцем его не тронет.

Наконец, официант поверил и, когда лодка подошла к борту «Советской нефти», первым бросился вверх по трапу. Вслед за ним поднялся на борт миллионер Луи Дрейфус.

Он был голый, весь в синяках и ссадинах.

— Мои друзья... — рыдал он, еле держась на волосатых кривых ногах. — О, мои друзья, дорогие русские друзья! Моя бедная жена... Она еще там...

Но и жену его тоже спасли вместе с другими.

• • •

Восточный горизонт быстро светлел. С юга и севера приближались два английских судна. Подходя, они тревожно запрашивали «Советскую нефть» о случившемся. Тех, кого не успел подобрать танкер, подобрали англичане.

«Нефть» уже была набита битком.

48 человек ее команды растворились в густой толпе «филиппаровцев». Четыреста двенадцать человек лежали, сидели, стояли на палубе. Всю эту ораву надо было прежде всего накормить. Девять поваров с «Филиппара» отправились на камбуз помогать судовому коку.

Снизу из помещений судна выносили на палубу простыни, скатерти, занавески. Из них спешно шили халаты и плащи для полуголых «филиппаровцев». Еле двигаясь от усталости, команда подняла на борт и свои шлюпки и четыре больших филиппаровских бота.

Едва живой от усталости, капитан Алек-

сеев стоял на мостике рядом с таким же измученным капитаном Виком.

— Что это делают ваши малыши? — чуть ворочая языком, спросил он у Вика. — Зачем они спускают в море какую-то куклу на бечевке? Шли бы спать!..

Капитан Вик вслушался в голоса маленьких французов. Потом он, слабо улыбнувшись, покачал головой.

— Мой отважный друг! — сказал он. — Знаете ли вы, что они делают? Они играют в «пожар на «Филиппаре»...

Капитан Вик хотел засмеяться и вдруг, сам того не ожидая, расплакался.

11. Сенсация

Утром 17-го мая по парижским улицам, неистово крича, прыснули во все стороны маленькие газетчики.

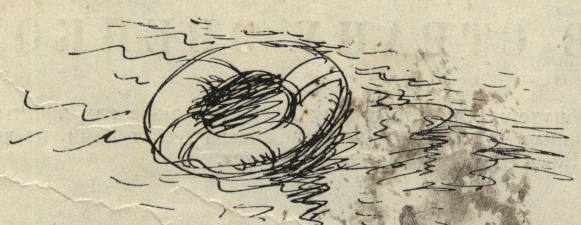
«Страшная гибель «Жоржа Филиппара» в Индийском океане! 90 человек утонувших и заживо сгоревших!» — орали одни.

«Газета «Журналь». Газета «Пти Паризьен», — кричали другие. — Большевики подожгли лучшее французское судно! Подозрительная быстрота помощи, оказанной красным нефтевозом! Рука Москвы в тропическом океане!!»

Высокий рабочий, с автогенными очками на лбу, купил свежий номер газеты. Он пробежал телеграмму и протянул листок своему спутнику.

— Какие канальи! — с брезгливой гримасой сказал он. — Какие продажные твари сидят в этих газетах! Большевики подожгли «Филиппар»... А? Кто этому поверит? Да ведь я сам сваривал на нем арматуру. Мы и тогда знали, что этому пловучему ресторану не долго жить на свете. Все говорили, что он сгорит от первой же искры... А вся штука в том, что «Филиппар» был хорошо застрахован. Ты понимаешь, что это значит? Застрахован! Подождем вечера, почитаем свою газету...

Оба они свернули с тротуара. И дверь заводской проходной конторы захлопнулась за ними.





В СТРАНУ ЭВЕНКОВ

Этот рассказ о путешествии в страну эвенков, также как и четыре рассказа о зимовке в Заполярье, напечатанные в третьем номере „Костра", взят нами из книги „Мы из Игарки". Автор рассказа Вена Вдовин — школьник 14 лет.

1. ТУРУХАНСК

Папа получил командировку в Туруханский район и Эвенкийский национальный округ. Ехал он знакомиться с работой пушных факторий. В школе у нас были летние каникулы, и папа взял меня с собой.

Третьего июля мы вылетели из Игарки с известным полярным летчиком Яном Степановичем Липп.

Я лечу не в первый раз, но летом над Енисеем никогда еще не летал. Как только самолет, отбрасывая от себя большие волны и тучи брызг, оторвался от воды и начал набирать высоту, я устроился у иллюминатора и стал смотреть вниз.

... Высота две тысячи метров. Самолет не летит, а тихонько-тихонько плывет. Вни-

зу, как серебристая ленточка, вьется маленький Енисей. А вокруг него, куда ни взглянешь, тайга и тайга. Сверху она кажется зеленой полянкой. Так и хочется побегать по ней.

До Туруханска летели час. Здесь мы должны были пересесть с гидросамолета на катер и плыть по реке Подкаменной Тунгуске.

Город Туруханск — старинный северный город. При царе сюда ссылали политических. До сих пор здесь сохранился маленький домик-полуземлянка, в котором жил в ссылке Я. М. Свердлов. Возле домика тов. Свердлов развел небольшой садик. В Туруханске на одной из улиц я видел старый, ветхий дом. Когда-то это был дом полиции, и сюда должен был являться на регистрацию ссыльный товарищ Сталин.

Сейчас Туруханск — центр богатого пушного района. В городе выстроен клуб, кино, есть и телефон. В восьми километрах от города расположен большой питомник ценных чернобурых лисиц.

Лисицы живут со своими маленькими лисятами в клетках. Лисята интересные, а в каждой клетке их по семь-восемь штук. Похожи они на котят.

Я взял кусочек мяса и бросил в одну из клеток. Лисята накинулись на него и стали драться. Какой-то лисенок выхватил этот кусочек и побежал в норку, за ним бросились все остальные, догнали его и снова принялись драться.

Во второй половине питомника лисицы живут на воле в больших-больших клетках. Каждый год выросших лисиц убивают, снимают с них шкурки, а мясом кормят маленьких лисят.

2. БОЙ С КОМАРАМИ

Мы едем на катере. Кругом нас обступают горы и леса, на небе нет ни одного облачка.

— Вы куда едете? — спрашивает рулевой.

— В Подкаменную Тунгуску, в поселок.

Рулевой был веселый. Вся команда катера была молодая, комсомольская.

— Скоро комарики, Вена, кусать будут, — говорит мне рулевой посмеиваясь.

«Ну что ж, — думаю, — пусть покусают». Я и не представлял себе тогда, как они по-настоящему кусаются. Но через два дня в селе Бакланихе я узнал, как могут кусаться комары.

Катер остановился там, чтобы забрать продукты. Мы зашли в факторию и застали там много старых крестьян, охотников с белкой. У порога я первый раз увидел дымокур от комаров.

Осмотрев поселок, я отправился на катер. Дорогой ко мне подкрались комары. Сначала я не замечал их, но они становились все навязчивее и навязчивее. Я добежал до берега, размахивая руками. На берегу все стоявшие люди были похожи на мельницы — махали руками, хлопали себя по лицу и по шее. Скорей в каюту, там нет комаров. Вбегаю к себе, а там их уже тьмы-тьмущие. Кажется, что вся комната заполнена комарами; убьешь одного, на его место садится десять, и все кусают. Я вспоминаю, что в трюме прохладно, и бегу туда. Но комары встречают меня и там. Как сумасшедший, бегаю по палубе, по всему катеру, ища убежища от маленьких истязателей.

Катер наш медленно ползет вверх по реке. Комары не отстают. Я решаю не обращать на них внимания, опускаю руки в карманы и спокойно разгуливаю по палубе. Минуту я еще терпел, но потом сильная боль от укусов снова заставила меня броситься к себе в каюту. Хотелось схватить что-нибудь в руки и бить, бить их.

В каюте папа лежал на койке и курил папиросу.

— Как тут у тебя? — с плачем спрашиваю я его.

— Как видишь, ни один комарик не укусил. Они боятся дыма.

Я схватываю простыню и закутываюсь с головой. Через две минуты под простыней становится так жарко, что невозможно дышать. Что же делать? «Стоять нельзя, выходить на палубу немыслимо, там комаров больше. Куда же деваться от них?» — с отчаянием думаю я. Я беру две коробки спичек и начинаю охоту за комарами. К сидящему комару я подношу зажженную спичку. комар вспыхивает и пропадает. Там, где он только что сидел, остается только пятнышко.

Так я воевал с комарами долго, но комаров не убавилось. Бороться с комарами у меня больше не было сил. Не обращая внимания на укусы, я взял одеяло, простыню и стал искать спасения наверху у рулевого. Там я устроил шалаш, спрятал голову в одеяло и заснул.

3. В ГОСТЯХ У ТАЕЖНЫХ ОХОТНИКОВ

В селе Нижне-Имбатском, что стоит на Енисее, мы слезли с катера. Отсюда надо было подняться вверх по реке Сургутихе в село Сургутиху.

«Вот это здорово будет, — мечтал я, — в Сургутихе живут кеты, интересно посмотреть на них».

Сургутиха — небольшая фактория. Здесь принимают у охотников пушнину. Летом сюда привозят товары, а зимой отсюда развозят их по маленьким базам для снабжения охотников на белку. Строения в Сургутихе у русских жителей деревянные, а у местных — у кетов — чумы. Когда мы проходили по зимовке, два охотника возвращались из тайги и несли большого бурого медведя. В Сургутихе я в первый раз ел медвежатину. Когда я осматривал зимовку, меня очень удивила колхозная конюшня, в которой стояли лошади. Войдя в нее, я подумал, что нахожусь где-нибудь под Москвой. Лошади стояли в светлых, чистых отдельных стойлах, чисто вымытые. Сверху были прибиты дощечки с именами.

Мы подошли к чуму лучшего ударника-охотника. Снаружи чум был покрыт сосновым корьем и берестой. Сверху из отверстия ровной струйкой выходил густой, черный дым. Возле чума играли девочки и ребята — кеты. Играли они в какую-то игру, похожую на «чижика». Ребята были совсем маленькие, здоровые, крепкие, но они все курили. То и дело бегали они к матери или отцу, выпрашивая табак. Играли они с таким увлечением, что на меня даже не обратили внимания. Я, конечно, обиделся и зашел в чум, где между охотниками и папой уже завязался дружеский разговор.

Чум был весь завален оленьими шкурами. Кругом висели ружья и капканы, а у самого входа — большая медвежья шкура. Посредине чума горел костер. Возле огня сидели папа и охотник. Звали этого охотника Николай. Он приветливо поздоровался со мной и пригласил к костру. Это означало, что хозяин чума считает меня за гостя и допускает к своему огню. Хозяин был маленького роста, но широкоплеч, в нем ясно чувствовалась сила и выносливость. Лицо круглое, с выпуклыми скулами, с маленьким, плоским носом. Одет он был в меховую оленью накидку, красиво расшитую бисером. На этой накидке не было такого места, где бы не блестела какая-нибудь светлая пуговица. На ногах пимы, сделанные из оленьей шкуры, также расшитые бисером. Хозяйка чума тоже с ног до головы была увешана бисером. На ситцевой кофточке у нее был вышит красный цветок. В чуме было чисто.

Мы пили густой чай, такой густой, словно деготь. Только такой чай и любят на севере. Костер разгорался, удушливый дым наполнил чум, щекотал в носу, ел глаза. Я долго терпел, слезы лились у меня из глаз, но потом я не выдержал и быстро выбежал на улицу. На улице меня, наконец, заметили играющие ребята. Увидев, что я плачу, они так расхохотались, что я поспешил опять убраться в чум.

Сижу, прислушиваюсь к разговорам у костра. Прямо передо мной на оленьей шкуре прибит большой портрет товарища Сталина.

— Много, много били мы нынче зверя, — весело рассказывал охотник. — Белку, медведя, сохатого, птицу били, утку, тетеря, рябчика. Здесь птица дурной, сама к дулу лезет. Теперь много товару куплю на фактории, много чаю, много муки, масла, сахара. Хорошо теперь. Новое ружье куплю.

— Надо, надо, — сказал отец. — Медведя осенью добывать будете?

— Будем.

— Сегодня нужно бы совет собрать, — сказал охотникам отец. — В школе.

— Собирай, собирай, — сказал охотник и пошел звать народ.

4. АМИКАШКА-МЕДВЕДЬ И МЯЧИК

Взрослые ушли на собрание совета, а я остался с ребятами возле чума. Игра у них теперь была уже какая-то другая, похожая на охоту за зверем. Но они скоро бросили игру и обступили меня.

— Будешь с нами играть? — вдруг по-русски спросил меня шустрый, с черными волосами, мальчик.

— А какая у вас игра?

— Стрелять Амикашку-медведя.

— Буду.

— Давай, давай!

— Я Амикашка! — крикнул один из мальчиков.

Мы быстро разбежались по поляне, а «медведь» убежал в лесок. Взяв по палке,



Эвенки и кеты живут в шалашах, покрытых оленьими шкурами. Даже летом они носят меховую одежду. Ребята у них растут здоровые и рано привыкают к суровой жизни в тайге и тундре.

мы пошли на «охоту» за медведем. Я полез в карман за ножичком, чтобы лучше подстрогать свой «дробовик», и очень обрадовался, когда нашел в кармане мяч. Сейчас же в голове у меня мелькнула мысль подарить его моим первым друзьям-северянам. Сделать это решил я после игры.

В лесу «медведя» мне найти не удалось. Хитрый мальчик так спрятался, что его хоть днем с огнем разыскивай. Но мои спутники-охотники оказались еще хитрее «зверя». Они скоро разыскали его и, как полагается, «убили». Здесь впервые я увидел, насколько мои сверстники и ребята моложе меня уже до тонкости изучили охотничьи уловки и приемы.

Созвав всех ребят, я сказал им, что хочу дать им что-то хорошее и интересное.

— Давай, давай!

Я вытащил мяч и высоко подбросил кверху. Он упал на землю и подскочил несколько раз. Сначала ребята не понимали, в чем дело, потом бросились к мячу, сшибая друг друга с ног. «Видно, не завозят им игрушек», — подумал я.

— Мне дай!

— Какой он?

— Я посмотрю, я посмотрю! — раздавались голоса в куче.

— Это теперь ваш, — сказал я. — Называется он мячик, играйте все вместе.

— Все, все! — обрадовались ребята. Но играть в мяч они не умели. Я показал им, как играют в «лапту» и в «лунки». Им понравилось играть в «лапту».

В совете, когда я зашел, эвенки и кеты обсуждали проект новой Сталинской Конституции. Новый закон нашей страны в этом глухом уголке тайги встречен был с большой радостью. Помню, как выступил старик-кет и сказал:

— Новой дорогой жизнь ходить будет. Новый «красный закон» — шибко хороший закон. Кто его думал — умная голова у того. Бывало, промышляешь зверя и ждешь, когда с Ангары приедет за ним купец и поп. Те люди водку привезут, пить дают, шкуры берут. Худо жили. Теперь другой жизнь пришел в тайгу, хороший жизнь. Так и будем жить. Я сказал.

Провожали нас хорошо и очень просили все — и маленькие и большие — на обратном пути заехать опять. Катер отошел от берега, а из толпы слышались крики:

— Опять приезжай!

— Оленя убью, гостевать приезжай! — кричал охотник Николай.

5. ТЫ СТАЛИНА ЗНАЕШЬ?

Скоро мы приехали в поселок Подкаменную Тунгуску, расположенный при впадении Подкаменной Тунгуски в Енисей. Отсюда мы должны были ехать в тайгу по реке Подкаменной Тунгуске. Снова, метр за метром, продвигается катер. Узкую речку обступают высокие горы и леса.

Хорошо сидеть у самого борта, опустив руку в воду. Вода теплая, приятная.

Высоко над головой летал сокол, — он высматривал в тайге неосторожную птичку. Вдруг он сорвался и упал в чащу, а через минуту опять вылетел оттуда, держа что-то в когтях. Я взял карабин и два раза выстрелил в сокола, но промахнулся.

Я спал, когда мы подъехали к фактории с таинственным названием «Черный остров». Кругом низко навис туман. Берег был еле-еле виден. Папа занялся своими делами, а я своими. В кармане у меня всегда были крючки и лески. Я быстро срезал себе удилище, побежал к берегу и, выбрав хорошее место, сел рыбачить. Рыба клевала очень хорошо. За короткое время я поймал двенадцать большущих окуней.

Вдруг я услышал какой-то приглушенный возглас за своей спиной. Я оглянулся. В двух метрах от меня стояло пять мальчиков-эвенков. Трое были совсем маленькие, а двое постарше. Самый маленький из мальчуганов был одет в одни только оленьи штанишки. Когда я обернулся, он задорно показал мне язык. Ребята подошли ко мне, я встал. Знакомство наше началось с рассматривания друг друга. Старшие были одеты в расшитые бисером рубахи и оленьи сапоги. Остальные преимущественно в собачьи и звериные шкуры. Долго мы присматривались друг к другу, и вдруг один из мальчиков спросил:

— Ты Сталина знаешь?

Минуты две я молчал, потому что не ожидал такого вопроса. Затем опустился на землю и начал рассказывать им обо всем, что знал сам: о товарище Сталине, о Москве, об Игарке, о самолетах, о трамваях и метро. Не знаю почему, но рассказывал я просто и понятно. Я уверен, что они много поняли из моего рассказа.



Удачная охота.



Летнее жилище эвенков.

Старшего из ребят звали Никита. Мы как-то сразу подружились с ним. Оказалось, что мой ровесник Никита — лучший охотник-ударник Черного острова.

Пока мы разговаривали с Никитой, младшие ребята, завладев моей удочкой, таскали окуней. Каждую пойманную рыбу кто-нибудь из них брал за хвост и долго колотил головой о камень, а потом бережно клал за пазуху. Один из них, выбрав большого окуня, только что вытащенного из воды, принялся тут же есть его, даже не очистив.

Никита пригласил меня к себе в чум — «гостевать». Жилище у него было берестяное. Возле чума лежала берестяная лодка, похожая на карбас. По-кетски она называлась «илимка». Летом на этой илимке плавают по реке, а зимой к ней приделывают полозья и запрягают собак. Настоящий таежный вездеход.

Мы зашли в чум. Костер сразу же заставил меня присесть к земле, потому что вверху было дымно. Сажусь на шкуру и оглядываюсь. Над костром кипит чайник, возле огня сидят четверо охотников. В чуме пахнет любимым кушаньем эвенков и кетов — квашеной рыбой.

Никита стал что-то рассказывать остальным охотникам, показывая на меня. Не успел он кончить рассказ, как один из них обратился ко мне на чистом русском языке:

— Вы из Игарки приехали?

— Да.

— Как там жизнь идет?

Увидя мои удивленные глаза, охотник смеясь пояснил:

— Я тоже оттуда, в совпартшколе там учился. Знаете?

— Знаю.

Разговор прервался. Охотник вытащил из кармана часы и, поглядев на них, сказал:

— Уже четыре часа. Надо пойти на собрание.

Никита повел меня осматривать Черный остров. Теперь настала моя очередь расспрашивать его. Мне не верилось, что этот маленький мальчик знаменит в тайге, как хороший охотник.

— Никита, как белку бьют?

— Белку? Собака белку ищет, увидит — лает, я подхожу бью.

— Сколько ты убил?

— Не знаю. Тыщу рублей на фактории дали.

— А чего ты купил, Никита?

— Ружье купил, две шубы купил, книжку купил. Остальные деньги сейчас есть.

На Черном острове я впервые увидел, как ухаживают охотники за своими помощниками — собаками из породы тунгусских лаек. За всей сворой присматривала специально выделенная женщина. Она варила им обед и лечила больных. Между прочим, сын этой женщины тоже учится в Игарке в совпартшколе. Он — лучший отличник учебы, член бюро городского комитета партии. Зовут его Иван Хирогир.

6. ПОРОГИ

За факторией «Черный остров» начался край эвенков. Эвенки — тоже охотничий народ. Отличаются они от кетов прежде всего тем, что разводят оленей. На собаках эвенки не ездят. Одеваются они лучше, чем кеты, наряднее.

На реке Подкаменной Тунгуске — три больших порога. Они делают ее недоступной для судоходства. Пороги эти называются: Вельминский, Большой Порог и Дедушка. Вскоре мы подъехали к первому порогу. Приближение его начало чувствоваться километра за два. В воде стали попадаться острые камни, а на берегу высокие скалы, похожие на столбы. Эти столбы были из разноцветных камней, точно мраморные Солнце красиво играло на них.

Река становилась все беспокойнее. Скалы обоих берегов сходились все теснее и теснее. Вот, наконец, вдали показался над рекой разноцветный извивающийся столб водяной пыли. Под ним билась о камни, бурлила, клокотала река. Вода в пороге была белая, как молоко.

По коже у меня пробежал мороз. «А что, если нас туда затащит и стукнет о подводные скалы?»

Капитан катера и матросы насторожились, готовясь к опасному участку пути. Течение с огромной быстротой мчит нас к порогу. Виднеется первая гряда камней. Вода бурлит, как в котле. Течение прекращается, и вода только бродит на месте сердитыми бурлящими валами. Когда смотришь в воду, кажется, что не едешь, а мчишься, а взглянешь на берег — оказывается, стоишь на месте. Так пробираются люди в Эвенкию через три порога, которые достигают длины до пяти километров.

После первого порога стал накрапывать дождь. Я уснул и проснулся только около второго порога. Через него капитан нашего катера пройти не решился, и катер ушел обратно. А мы продолжали свой путь вверх по течению реки на лодке, которую тянули, идя по берегу, два человека, специально занимающиеся этой работой. Их называют лямщиками. До ближайшей фактории «Коченята» нам предстояло проехать таким образом четыреста километров.

Было как-то очень неловко сидеть в лодке, которую тащат люди. Очень часто мы с папой вылезали на берег и помогали лямщикам тянуть лодку с грузом.

Второй порог был интереснее первого. Провели нас через него лямщики. Спокойные, они стояли у нас в лодке и молча работали баграми, увертываясь от камней и выбирая нужную дорогу. Только иногда сквозь шум порога слышалась команда лямщика, стоявшего на носу:

— Стоп!.. Тихо!.. Ход!..

Вот вал высотой в два метра. Мы должны въехать на него, и мы въезжаем. Мне становится жутко. Лодка проделывает необыкновенные вещи — лезет вверх.

К вечеру порог был пройден. Достался он нам не легко. Мы ночевали тут же, на берегу. Развели костер, сварили обед и пили чай. С утра я взял ружье и пошел впереди лямщиков. Дорогой я убил трех уток, дождался лодки и незаметно сунул добычу под брезент. В обед мы остановились на пустынном берегу. Как были рады лямщики и папа, когда я с гордостью вытащил своих уток. Обед был вкусный.

Вот и «Коченята». В селении нас встретила гурьба эвенкийской детворы. Я скоро сдружился с ними.



На маленьких лодках охотники и рыбаки Севера пускаются в далекие плавания. По реке Подкаменной Тунгуске до порогов мы плыли на такой лодке.

Это путешествие было для меня полно неожиданностей. Удивляться было чему. В «Коченятах» местный комсомолец играл на гармонике русскую плясовую, а девушка с комсомольским значком на груди ловко и хорошо танцовала. Я слышал, как молодежь далеких «Коченят» пела «Песнь о Чапаеве», партизанские песни и рассказывала хорошие, новые советские сказки.

В «Коченятах» я познакомился с одним русским мальчиком, прожившим в Эвенкии шесть лет. (Сейчас ему 15). Он любит охоту, как и эвенки, ходит в таких же оленьих шкурах и меховых сапогах. Мы пошли с ним охотиться. Захватили с собой лодку, и я взялся тащить ее против течения на лямке. Утки здесь совсем не пуганые, они близко подпускают людей. Пока я шел по берегу с лямкой, мой спутник убил трех уток. На третьем километре я не выдержал и попросил устроить привал. Мы растянулись на берегу.

— Вена, а в Игарке весело жить? — спрашивает у меня мой новый товарищ. — Наверное, клубы, кино, театры есть.

Я рассказал ему об Игарке, а он мне о тайге.

— Зимой наденешь лыжи — и в тайгу с ружьем за зверем. Сколько белки припрешь. Я раз сохатого убил. Но нет лучше, как ходить на охоту с собаками: одна белку нашла, другая бурундука, а третья глухаря. Лают все, зовут. Вот и бегаешь от собаки к собаке, стреляешь.

Накрапывал дождь. Мы разделись совсем, вытащили легонькую лодочку на берег, перевернули ее и положили под прикрытие белье. А сами стали боксировать, бороться и бегать. Но потом пошел град. Пришлось и нам залезть под лодку. Домой мы вернулись, на удивление всем, сухие.

Из «Коченят» — дальше, в глубь Эвенкии, в Байкит, мы прошли опять через пороги, мокли под дождями и сушились под солнцем. И, наконец, добрались до Байкита.

Байкит — это районный центр. Отсюда до Енисея две тысячи километров, а до Игарки целых три. В поселке есть клуб, две школы, одна из которых национальная, совпартшкола, столовая, ясли, детсад и больница.

Когда наш «ледокол» подходил к Байкиту, в поселке был праздник.

Между домов стояли толпы людей в пестрых костюмах, среди них были пионеры в белых рубашках, в красных галстуках. Тут собрались и кеты, и эвенки, и русские. Торжество было по поводу того, что катер, пришедший за час до нас, привез из лагерей ребят. Это их так пышно встречали родные.

Из Байкита мы пробрались в самый отдаленный уголок Эвенкии — поселок Сталино. Раньше здесь стояла купеческая фактория. Семь лет назад здесь построили новый поселок, с радиостанцией, больницей, кооперативом, с прямыми улицами, с самой лучшей во всей Эвенкии факторией.

Эвенки, живущие около поселка, потребовали, чтобы новый город, построенный в тайге, назвали именем великого вождя народов И. В. Сталина. Здесь я познакомился с необычайным мальчиком, история которого очень интересна.

Этот мальчик — сирота. Когда он был совсем маленький, у него умерли все родные. Ему даже не успели дать имя. Воспитывать мальчика взялось все стойбище. И вот, когда город был готов, когда в хорошую факторию привезли много-много разных товаров, эвенки собрали свой суглан — собрание и решили назвать воспитанного стойбищем мальчика именем человека, который дал эвенкам новую, счастливую жизнь. Суглан решил назвать мальчика Сталиным.

Все стойбище очень любит и бережет общего питомца, который носит такое великое имя — Сталин.

**
*

Так закончилось мое интересное путешествие в далекий край эвенков.

Вена Вдовин.



ЖИРШИ МАЙМЕЕТ

ПЕСНЯ НАД КОЛЫБЕЛЬЮ СЫНА

Хороши на кошме цветы,
Для тебя их вышила мать.
Великаном вырастешь ты,
Батырем тебя будут звать.

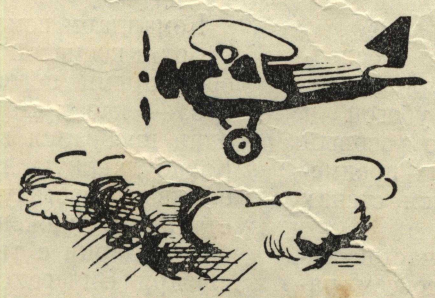
К твоей люльке заяц придет,
Он в степь тебя позовет.
А у зайца уши остры,
А у зайца ноги быстры,
А у зайца шкурка сера,
Лунной ночью светлей серебра.
Когда был твой отец малышом,
Ездил он на собаке верхом,
На бесхвостой собаке верхом,
Подгонял он собаку прутом.
Ты же сядешь в автомобиль,
Над аулом подымешь пыль
И помчишься, как заяц степной,
Мой батырь, мой сынок родной.

Рыба к люльке твоей приплывет,
К быстрой речке тебя позовет.
А у рыбы — жабры красны,
Плавники у рыбы сильны,
Чешуя светлей серебра,
Рыба — светлой реке сестра.
Когда был твой отец малышом,
Плавал он на плоту нагишом.
Ты же лодку построишь, сынок,
У тебя будет лодка нырок.
Ты как рыба скользнешь под водой,
Мой батырь, мой сынок родной.

К твоей люльке беркут придет,
В облака тебя позовет.
А у беркута крылья сильны,
А у беркута когти страшны.
Беркут облаку сизому друг,
Далеко он видит вокруг,
Он летит, как степной ураган,
Ты догонишь его, мальчуган!
Когда был твой отец малышом,
Ползал он по земле голышом.
Ты же сядешь в крылатый дуль-дуль,
Повернешь уверенно руль
И взлетишь над своей страной,
Мой батырь, мой сынок родной.

Серый волк к твоей люльке придет,
Волчью стаю с собой приведет,
А у волка шкура сера,
Чуть темней она серебра.
А у волка клыки сильны,
И глаза у него зелены.
Когда был твой отец малышом,
Он из лука стрелял хорошо,
Он носил за поясом нож.
Ты же в руки винтовку возьмешь,
Волка свалишь ты пулей одной,
Мой батырь, мой сынок родной.

Хороши на кошме цветы,
Для тебя их вышила мать.
Великаном вырастешь ты,
Батырем тебя будут звать.
Ветер песни поет тебе,
И сам Сталин несет тебе,
Точно солнце, поток лучей,
Счастье будущей жизни твоей.





С. БЕЗБОРОДОВ

ТОВАРИЩ СЕРГО

Рассказы о жизни Григория Константиновича Орджоникидзе

1

Решено было отступать.

Командарм XI Левандовский в последний раз тяжелым, угрюмым взглядом осмотрел всех собравшихся в этой убогой и душной комнатке. Была ночь, но розовый трепетный свет — зарево горящих предместий — играл на потрескавшихся стенах комнаты.

Стекла дребезжали и пели от частой артиллерийской пальбы. Где-то, совсем рядом, тяжко, как подземные удары землетрясения, рвались фугасные бомбы, вот уже семь дней превращавшие город в дымную груду развалин.

Командарм всмотрелся в каждое лицо.

Вот в косматой папахе, в шинели с плохо срезанными погонами сидит начдив Дьяков, — казак станицы Марьинской. Это он один пробрался в тыл к белым, в станицу Карабулакскую, поднял в тылу восстание, объявил советскую власть и, собрав по станицам Сунженской линии 7 тысяч сабель, ударил с тыла на армию полковника Лазаря Бичерахова и отбросил ее за Терек.

Рядом с ним, в английском френче, сидит Тасуй — начальник штаба дивизии, бывший офицер, с первых же дней граждан-

ской войны перешедший на сторону красных.

Вот этот — в кубанке, в простой гимнастерке, туго перепоясанной тонким наборным ремешком, — это Гикало. Сто дней, до последнего патрона, с горсточкой бойцов он защищал Грозный от наседавших белоказачьих полков.

А это — Бутырин, военный комиссар Терской республики.

Тут и комбриги, и начдивы, и комиссары, и рядовые партизаны. Балкарец Бетал Калмыков и армянин Назаретян, казак Автономов, ингуш Орцханов и мингрелец Гегечкори.

А в самом углу, прислонившись к стене, не спуская глаз с командарма, стоит в простой гимнастерке с солдатским кушаком, в солдатских штанах, в мягких горских сапогах без каблуков чрезвычайный комиссар юга России, особоуполномоченный ЦК партии и Совнаркома — Серго Орджоникидзе.

С тоской опускает командарм глаза на карту, водит по карте карандашом.

— Левое крыло деникинской армии под командованием генерала Геймана, — медленно говорит командарм, — уже подошло вот сюда, к селениям Кантышево и Далоково. Генерал требует, чтобы ингуши пропустили его через Ингушетию...

— Ингуши не пропустят, — угрюмо отзывается Хизир Орцханов.

— Ингуши будут драться до последнего патрона, — говорит командарм, — это мы знаем, но Гейман, в конце концов, раздавит их и возьмет нас в клещи. Тогда погибнет вся армия, все до одного человека. У нас нет патронов, нет снарядов, нет продовольствия. Лихая зима, а бойцы полуодеты. Сыпной тиф косит людей. Нет медикаментов—простого аспирина, иода, бинтов. Обессиленная в беспрерывных кровопролитных боях, окруженная со всех сторон, отрезанная от Советской России XI армия больше драться не может. Надо спасать хоть остатки армии. Путь только один — уходить безводной, промерзлой пустыней на Кизляр, Астрахань. Я знаю — не мало людей погибнет в этой пустыне от стужи, от болезней, от голода, но те, что дойдут, снова будут сражаться за власть советов...

Командарм опять осмотрел угрюмые, потемневшие лица, положил обе руки на исчерченную цветными карандашами карту и негромко, но твердо сказал:

— Предлагаю немедленно отступать...

Тихо в комнате, только слышен глухой гул и гром отчаянного ночного боя. Тогда из своего угла заговорил Серго Орджоникидзе.

— Армия должна уходить, — сказал он. — Но партийные работники останутся на своих местах. Нехватит сил бороться открыто — уйдем в подполье, в горы. Поднимем чеченцев и ингушей. — Он сделал шаг вперед и, яростно сверкнув глазами, сжав кулаки, крикнул: — Весь народ поднимем, восстание поднимем! И к весне, не горюй, Левандовский, встретим тебя здесь же. — Он опустил руки, улыбнулся.

— По-хорошему встретим, с хлебом-солью, с молодым имеретинским вином! — Он притиснулся к столу, положил свою большую руку с растопыренными пальцами на карту, закрыл, словно защищая, своей большой ладонью и коричнево-черные горы, и зеленые долины, и синюю гладь моря:

— Но республику не отдадим! На то мы и большевики!

К вечеру следующего дня XI армия в полном порядке, имея во главе санитарные поезда с больными и ранеными, а позади— подрывников, начала отход на Кизляр...

2

Ночью 11 февраля ветер покрепчал и ударил мороз.

Черно на дворе, как в колодце, воет, гудит, свистит ледяной зимний ветер, несет сухой колючий снег с голых промерзлых гор. Несет сухой снег, засыпает маленькую ингушскую деревушку Мужичи. В темноте и не найдешь деревушки, не различишь темных молчаливых домишек, прилепившихся тесно, как соты, к высоченным черным кручам.

Только бывалый опытный путник не собьется с дороги. Опытный путник да еще верный горский конь, который копытом чует тропу и вынесет седока из бурана, из стужи, из мрака.

Уже за полночь въехал в Мужичи всадник в запорошенной снегом, замерзшей бурке. Усталый, почерневший от пота конь мотал головой и просил повода. Тихим прогулочным шагом, покачиваясь в седле, всадник проехал по кривой уличке, уверенно свернул от фонтана вправо, и конь его, обрываясь и высекая копытами искры,

стал карабкаться по крутой каменистой тропинке вверх, туда, где гудят голые, черные сады.

В душной, темной избе люди спали вповалку — на полу, на скамейках. Спали не раздеваясь, не снимая оружия. А хозяин уступил свой дом гостям и сам спал с овцами в глинобитном теплом хлеву. Он и встретил первым позднего ночного гостя, завел коня его во двор, под навес, отпустил у седла подпруги, внес к себе в хлев переметные седельные сумки-хурджины.

Гость сбросил бурку, размял затекшие ноги, подул в сложенные горсточкой окоченевшие руки. В темноте проснулись ягнята и жалобно, удивленно заблеяли, завозились. Звякнул медным колокольцем старый баран.

— Ну?—сказал хозяин, беспокойно глядя в темноту — туда, где дул в руки его гость. — Пусть будет приход твой к добру.

Гость молчал. Он знал, что приход его был не к добру, и не хотел сразу опечалить хозяина. Он потоптался на месте, вздохнул и коротко сказал:

— Идут галифексы.

Потом вздохнул и добавил:

— Идут. Хотят комиссаров резать.

Тихо прошли они — гость и хозяин — черным ветреным двором, тихо вошли в темный дом, полный тяжелого дыхания спящих людей. Хозяин присел на корточки и тронул в темноте чью-то ногу в сапоге со шпорой.

— Друг, — тихо сказал хозяин, — идут галифексы. Хотят вас резать. Скажи скорее товарищу Серго.

Разбуженный человек подобрал ногу, молча сел, долго шарил что-то в темноте. Вспыхнуло желтое, робкое пламя спички, осветило косматую папаху хозяина, высокую неподвижную фигуру гостя у дверного косяка, сверкнуло на серебряной рукоятке чьей-то шашки и потухло.

— Серго! — спокойно позвал проснувшийся. — А, Серго! Вставай, Серго. Уходить надо!

Еще один человек завозился во тьме, зашумел кукурузной соломой, потом протяжно зевнул и бодрым, веселым голосом сказал:

— Уходить надо? Ну, если надо, — будем уходить. Поднимайтесь, товарищи!

Сразу ожил темный спящий дом. Дымное пламя плошки, в которой горела тряпка, пропитанная бараньим салом, — дымное пламя металось из стороны в сторону, и так же метались по низкому потолку и выбеленным стенам большие, черные тени торопливо сбиравшихся в дорогу людей.

За окном выл и шумел ветер, глухо били копыта коней, кто-то гремел железным ведерком и нетерпеливо покрикивал, — наверное, поили лошадей в дорогу.

Женщина, закутанная в баранью шубу, вынесла поближе к огню крошечную спящую девочку и торопливо принялась завертывать ее в какую-то рваную шаль.

— Разве это одежа для маленького ребенка, когда на дворе зима? — изумленно сказал скуластый, словно вырубленный из камня, балкарец Бетал Калмыков. Неодобрительно покачивая головой и щелкая языком, он неспеша вынул из ножен длинный и узкий кинжал, тускло сверкнувший гурдалийским клинком. Бетал внимательно осмотрел на себе шубу, потрогал мех на подоле и ловким ударом отсек от подола широкую полосу густого и теплого меха.

— Заверни девочку, — сказал он, подавая женщине отрезанную полу. Потом он, кряхтя, стал снимать со спины шитый галуном голубой башлык. Снял башлык и, снова подав его женщине, добавил:

— И в это заверни девочку.

А из избы уж поспешно выносили на двор седла, бурки, винтовки, плетеные сумки с сеном. И Гегечкори, гулко стуча прикладом кавалерийского карабина, на который он опирался, как на костыль, прыгал по избе на одной ноге. Вторую ногу, пробитую в недавних боях пулей, Гегечкори оставил в военном госпитале.

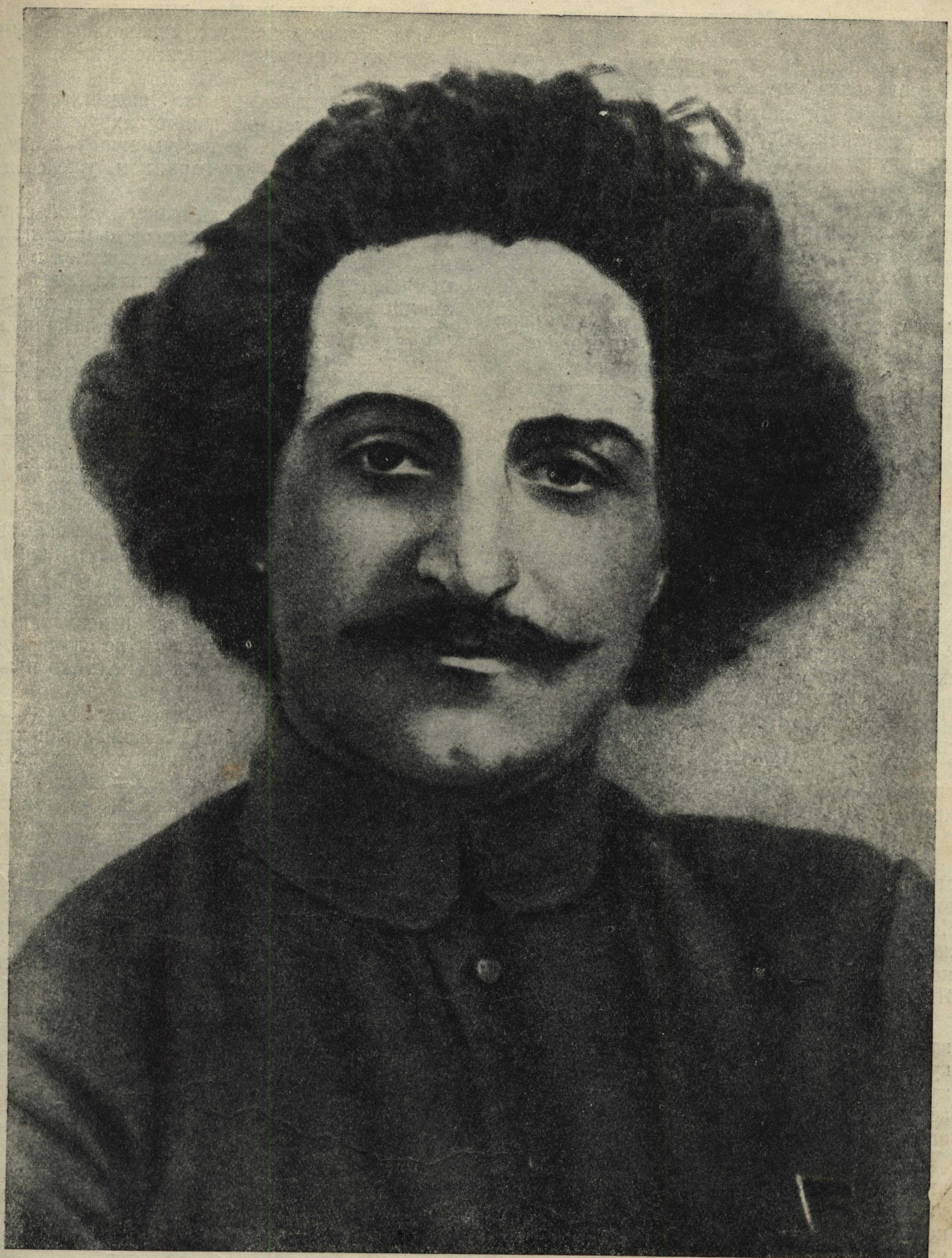
Все вышли во двор, на улицу. Попрежнему стояла непогожая зимняя ночь. Ветер относил набок конские хвосты. Понурясь, хмуро стояли уже побелевшие лошади.

— По коням! — бодро крикнул Серго.

Безногого Гегечкори на руках посадили в седло, помогли сесть женщинам. Девочку, закутанную в теплый бараний мех, увязанную башлыком, взял на руки военком Бутырин.

— Так и понесу, — сказал он. — Верхом с ребенком не проедешь. Уронишь еще, кой грех.

Хизир Орцханов выехал вперед, за ним Серго Орджоникидзе, Бетал Калмыков, потом Дьяков, Тасуй, мать девочки, которую нес на руках, увязая в сугробах, Бутырин, потом безногий Гегечкори, потом вторая женщина — верный спутник, жена и друг Серго, вместе с ним делившая якутскую ссылку, скитания по фронтам, победы и поражения. Безмолвно ехали позади ингуши, чеченцы, какие-то казаки, только вче-



ТОВАРИЩ СЕРГО в 1919 году.

ра прибывшие в Мужичи от Гикало, отступившего со своими бойцами в Чечню.

Караван вышел из деревушки и свернул в Ассиновское ущелье.

Все круче и круче уползала куда-то вверх, во мрак, обледенелая тропа. Проводник-ингуш, шедший впереди, запалил факелок и держал его высоко над головой, указывая передним всадникам путь. А тропинка была узкая, скользкая. Только шаг вправо — и верная смерть во тьме глубокого каменного ущелья.

Медленно, пригибаясь от жгучего ветра, от слепящего снега, путники взбирались все выше и выше, уходили от преследования «галифексов» — шкуровского офицерья в английских галифе, расшитых серебряной тесьмой, витым шелковым шнуром.

Через час пути Серго Орджоникидзе остановил коня, легко спрыгнул в снег и зашагал куда-то в конец каравана. Он нашел Бутырина и тронул его за рукав.

— Иди, садись на моего коня, а я понесу девочку.

— Товарищ Серго!.. — сказал Бутырин.

— Иди, иди, — нетерпеливо перебил его Серго Орджоникидзе. — Не задерживай людей.

— Товарищ Серго...

Но Серго уже взял у него запорошенный снегом комок.

— Ты что ей — отец? — смеясь говорил он. — Ведь не отец. Ну и я — тоже не отец. Значит, оба имеем равное право.

Девочка начинает плакать.

— Ты чего плачешь, скажи, пожалуйста? — удивленно и строго говорит Серго, низко склоняясь к маленькому личику. — Чего ты плачешь? Разве дочка чекиста может плакать? Чекисты не плачут. Н-е-е-т, не плачут. Вот и ты не плачь, пожалуйста. Я тебя от всего сердца прошу.

Он бережно несет ее на руках, заглядывает ей в лицо, может быть даже потихоньку напевает ей что-то. Какую-нибудь песенку, которую ему самому певала старая тетка Эка, сидя под густой и тенистой грушей на залитой солнцем улочке Гореши...

Не беда, что он вязнет в глубоком снегу, что ветер, пронзительный ветер горных ущелий, стегает его по лицу, леденит руки, колени. Не беда, что сзади, быть может, уже настигают «черные волки» Шкуро. Он несет на руках маленького человечка, который вырастет и не будет знать ни ночных погонь, ни тюрем, ни ссылок...

Дорога пошла ровнее, шире стала тропа, зашумел, закачался над головами черный голый кустарник, пробившийся сквозь расщелины скал.

Вскоре сделали привал. Лошади, тяжело вздымая бурые бока, жадно захрустели сеном, люди сбились в тесную кучку, и кто-то, треща и шумя кустарником, уже собирал сушняку на костер.

Когда под укрытием большой пегой скалы весело загудело, заплясало дымное пламя, Серго Орджоникидзе протиснулся к самому костру. В руках он держал большую эмалированную солдатскую кружку, до половины наполненную чистым серебряным снегом.

— Что, комиссар, чайку захотелось? — ласково засмеялся ингуш и, смутившись, отступил назад.

Серго подмигнул ингушу и пристроил кружку на костре так, чтобы пламя лизало ее со всех сторон. Снег растаял, и на жарком огне скоро запузырилась, закипела вода. Тогда Серго откинул полу шинели и, хмурясь и шевеля усами, полез в карман солдатских штанов.

Он вытащил из кармана какой-то сверток газетной бумаги, бережно перевязанный ниткой. Окоченевшие пальцы не слушались его, и он передал сверток жене, тихо и ласково сказав:

— Развяжи, пожалуйста, Зина.

В газете было какао. Посмеиваясь и кряхтя, Серго насыпал в кипящую воду пахучего шоколадного порошка, помешал свежеструганной ореховой палочкой. Остаток какао он снова бережно завернул в газету и спрятал в карман:

— Пригодится, путь не малый.

Потом он снял кружку с огня и подал ее матери ребенка:

— Дайте дочке покушать,—сказал он.— Это какао. Когда-нибудь, живы будем, всех ребятишек станем какао кормить...

На рассвете путники добрались до хутора Ерши. Совсем перед самым хутором чуть не стряслась беда. Бетал Калмыков вез девочку, сидя в седле. Тропинка была совсем плохая — скатом под кручу, обледенелая, разбитая. Вдруг лошадь Бетала, вместе с ним и с ребенком, сорвалась и покатилась вниз. Но недаром Бетал пас когда-то овечьи стада над обрывами родной Балкарии. В один миг выскочил он из седла, опустил ребенка на снег и обеими руками ухватился за гриву лошади. Тут к нему подбежали казаки, подхватили девочку и общими силами вытянули коня.

Так день за днем двигались они все дальше и дальше.

У селения Цори со скал вдруг загремели частые выстрелы. Пули запели, заныли вокруг путников, смачно защелкали по камням.

— Тут врагов не должно быть, — уверенно сказал Серго. Он подозвал проводника ингуша.

— Пойди скажи им, что это Серго со своими друзьями идет. Пусть не стреляют.

Проводник, размахивая шапкой, надетой на дуло винтовки, медленно пошел вперед по тропинке, потом свернул и полез прямо на скалы. Он пропадал долго, и, когда, наконец, вернулся, скуластое, заросшее спутанной бородой лицо его сияло от торжества.

— Идем дальше! — закричал он.—Стрелять больше не будут!

И когда путники проходили мимо нависших над тропинкой заиндевевших черных скал, из-за камней показалось несколько голов в косматых бараньих шапках. Кто-то помахал в воздухе рукой и крикнул что-то на чужом, резком, как орлиный крик, языке...

3

В селении Гул заболел Бутырин.

Утром, когда все в избе поднялись и Серго на жарком огне очага уже варил для девочки какао с козьим молоком, один только Бутырин продолжал лежать на своей скамейке, укрытый с головой буркой.

Серго держал девочку на коленях и что-то шептал ей, показывая на огонь.

Все в избе были заняты делом. Кто пригонял обувь, кто чинил седло или разбирал и смазывал оружие. Предстояло дойти до перевала в Хевсуретию по дикой, непроходимой в зимнее время дороге.

Вдруг из-под бурки раздался сиплый негромкий голос:

— По пулеметному гнезду!.. Бомбой... Заряд первый... Орудиями правое — огонь!

Чуть не опрокинув кружку с какао, Серго встал, передал девочку матери и, подойдя к лавке, приподнял край бурки, прикрывавшей лицо Бутырина. Тот лежал багрово-красный и, вытянувшись во весь рост, бредил:

— Эскадрон! Справа по три... Марш-марш!

Тихо стало в избе. Даже девочка, кажется, поняла, что надвигается беда — заплакала девочка, уткнувшись в плечо матери.

Неторопливо, спокойно расстегнул Серго обшлага своей солдатской гимнастерки, закатал рукава, а потом вышел в сени, на мороз, и долго мыл руки, все время приговаривая:

— А ну, Бетал, еще! Лей, лей, брат! Больного осматривать — это тебе не из ружья стрелять. Тут руки должны быть чистые!

Бетал Калмыков лил ему на руки ледяную воду из медного кумгана. Уж давно бы, кажется, пора кончать — руки у Серго стали красные, как говяжье мясо, и начали скрипеть, словно резиновые, а он все трет, все отмывает каждый палец, чистит ногти, скоблит ладони.

— Да ты, и правда, как настоящий фельдшер, — с удивлением сказал Бетал.

Серго тряхнул головой:

— Я и есть самый настоящий фельдшер. И якутов лечил, и армян лечил, и тюрков, и грузин. Всех. Якутов — в ссылке, а остальных — в Баку. На нефтяных промыслах Шамси Асадулаева.

— Тогда вылечи, пожалуйста, Бутырина, — тихо и просительно сказал Калмыков, беря Серго за рукав. — Хороший человек Бутырин, вылечи его, пожалуйста.

— Я и сам знаю, что хороший, — нахмурившись ответил Серго и пошел в избу.

Он опустился перед лавкой на колени и принялся осматривать больного. У лавки столпились обвешанные оружием, угрюмые, заросшие бородами люди. Не спуская глаз, следили за проворными и ловкими пальцами Серго.

Долго возился Серго около затихшего Бутырина, выстукивал ему грудь и спину и все качал головой, тихонечко бормоча в густые, черные усы:

— Да... Да... Ну, конечно...

Потом он встал, а за ним поднялись все головы столпившихся вокруг людей.

И все глаза устремились на него, посмотрели ему в глаза.

— Сыпняк, — глухо сказал Серго и пошел в сени опять мыть руки. Ему опять поливал Бетал. Он долго вздыхал, кивал головой, а потом не выдержал и спросил:

— Ну, что — вылечишь Бутырина?..

— Нет, — твердо сказал Серго, глядя на свои руки, — думаю, что не вылечу. — Он поднял голову и посмотрел на Бетала. — Нечем, брат, лечить... Умрет Бутырин...

Серго Орджоникидзе никогда, даже для того, чтобы дать минутное утешение, не говорил неправды.

И в самом деле, Бутырин вскоре умер. Его хоронили в горах. В глубокую, вырубленную в камнях яму опустили его тело, покрытое той же косматой черной буркой.

Была лихая зима, и ветер обжигал лица стоявших вокруг могилы людей, шевелил волосы на непокрытых головах.

Похоронили Бутырина и пошли дальше к перевалу.

Дорога здесь была совсем плохая. Женщины часто падали с лошадей. Над туманными пропастями висели деревянные обледенелые мосточки, которые качал ветер. По этим мосточкам люди переползали на четвереньках, ведя за собой в поводу коня. Сорвется конь — так хоть упадет один, без всадника.

Выбиваясь из последних сил, дотащились они до перевала. Впереди была Хевсуретия, а там и дорога в Грузию!

Но перевал оказался непроходимым. Тогда решено было оставить в селении обеих женщин и всех наиболее истощенных, больных и усталых.

Через перевал должны были идти только самые сильные, самые выносливые.

Пошли Серго, Калмыков, Махарадзе, Дьяков, Тасуй. Целый день они карабкались по кручам, с камня на камень, цепляясь за малейшие выступы скал, за обледенелый кустарник. Ночью добрались до селения Шатиль.

А дальше совсем не было пути. Обвалы и метели завалили тропинки, обрушили висячие, шаткие мосты.

— Только орел, если он не замерзнет от стужи, смог бы сейчас попасть в Хевсуретию, — задумчиво сказал старый ингуш и показал Серго на безмолвные, сизые, как вороненая сталь, горы. Даже снег не залеживался на их гладких, отвесных, как стена, обрывах...

Через сутки, спустившись с перевала, они вернулись назад, в селение Гул. Пути не было. Надо было ждать весны, которая откроет дорогу в Хевсуретию, в Грузию...

Но Серго не сидел до весны сложа руки. Из маленькой горной деревушки Гул во все стороны рассылал он письма, воззвания, объявления.

Он ездил один по ингушским селениям и хуторам, собирал и стариков и молодежь, спорил, доказывал, убеждал.

Он не сдавался, не отступал, не складывал оружия. Его смелый, правдивый голос облетел все горы, и горы откликнулись на его призыв.

Однажды усатый горец в бараньей шубе привез ему из села Ханки клочок захватанной руками бумаги: постановление съезда ингушского народа в ответ на его письмо к горцам.

Вот что было написано на этом клочке бумаги:

«Крепко верить дорогому Серго Орджоникидзе и все его указания принять к неуклонному руководству и проведению в жизнь. Категорически отказать Деникину в выдаче оружия и уплате контрибуции»...

М. ИЛЬИН

Оформление Ю. СЛЕПЯН

ОЧЕРКИ О РОДИНЕ

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

СТРАНА БЕДНАЯ—СТРАНА БОГАТАЯ

1. СКАЗКА АНДЕРСЕНА

Когда-то в царской России произошел такой случай. На севере в Ухтинском районе нашли нефть. Пробурили скважину, начали качать. Нефть пошла.

Об открытии ухтинской нефти написали в газетах. Газетное сообщение попалось на глаза нефтепромышленнику Нобелю, которому принадлежали большие заводы и промысла в Баку. Нобелю открытие не понравилось. Ухтинская нефть могла стать соперницей бакинской. Начнут качать нефть на Ухте, цены от этого упадут, придется и ему, Нобелю, снижать цены. А снижать цены Нобелю совсем не хотелось — невыгодно.

И вот Нобель посылает на север, в район Ухты, своего геолога, Андерсона или Андерсена. Тут-то и начинается андерсеновская сказка.

Геолог приехал и спросил: «Где нефть?»

Его подвели к скважине и показали: «Вот».

Геолог протер очки и сказал: «Не вижу».

К самым его глазам поднесли ведро нефти.

Геолог поморщился и сказал: «Обман зрения. По всем законам геологии нефти здесь нет и быть не может!»

Сказал, надел шапку и уехал.

Нобелю было невыгодно, чтобы геолог Андерсон нашел нефть. И геолог Андерсон ее не нашел. В газетах написали, что произошла ошибка: нефти при проверке не оказалось.

Правда, не все геологи в прежней России были такие услужливые, как Андерсон. Были и честные геологи, которые никогда не пошли бы на сомнительную сделку. Если имя Андерсона пятнает нашу науку, то одного имени Карпинского достаточно, чтобы снять с нее этот позор.

Но геологов-ученых, геологов-исследователей, а не приказчиков, было в стране очень мало.

Составлением геологической карты перед революцией занималось только сорок два человека, по одному геологу на площадь в 500 000 кв. км. В 1906 г. была послана всего одна разведочная партия, в 1916 г.— две. Что могла сделать кучка геологов там, где нужны были тысячи?

Восточная Сибирь, Дальний Восток, Северный край были просто белым пятном на карте. Да что говорить о геологической карте, когда даже обыкновенная географи-



Гонимые нуждой крестьяне потянулись в город на заработок; эта иллюстрация была помещена в журнале 1893 г.



Разоренная и опустевшая деревня в царской России.

ческая — и та была составлена кое-как! Теперь выяснилось, что целые хребты идут совсем не так, как показано было на прежних картах.

Академик Обручев открыл в Восточной Сибири хребет Черского в тысячу километров длиной. И этакого-то слона не приметили в прежней России.

Страну считали бедной. Управляющий Государственным банком Жуковский писал в своей книге «Промышленность»:

«Наши естественные богатства не так уж велики... Главным нашим естественным богатством надо считать полосу чернозема... Громадная часть империи производит так мало хлеба, что не в состоянии себя прокормить... Кроме лесов и болот, дурной почвы и сурового климата, вся северная половина Европейской России ничем другим не отличается. Здесь нет тех ископаемых или руд, которые могли бы дать настоящий материал для обработки. То же следует сказать и о всей северо-западной полосе».

Итак, «главное богатство — чернозем». И все-таки «громадная часть империи не в состоянии себя прокормить».

Под землей было сколько угодно богатств, о которых даже не знали, а на земле был недостаток во всем: жгли лучину, потому что нефтепромышленники подняли цену на керосин; берегли каждый гвоздь, потому что железозаводчики вздули цены на железо.

В Россию везли из-за границы серпы и косы, кирпич и глину. Как будто у нас мало было своего железа, мало было своей глины. Недоставало только, чтобы воздух и воду тоже везли из-за границы.

Правда, и от нас везли кое-что в другие страны, но совсем не от избытка.

Хлеба нехватало, а его везли за границу — ради обогащения хлеботорговцев, кулаков и помещиков. Крестьянин обходился без сахара и пробавлялся вместо чая водицей, а сахар везли в чужие страны. Да еще правительство поощряло вывоз сахара, уплачи-

вая сахарозаводчикам премию за каждый пуд, переехавший границу. Но откуда брала казна деньги на такие премии? Со своих же «верноподданных» в виде всяких налогов, акцизов и пошлин.

Люди у нас в стране платили не за то, чтобы есть сахар, а за то, чтобы его не есть.

Русским дешевым сахаром кормили за границей свиней. И свиньи, должно быть, думали: вот так страна — Россия, с сахарными берегами, с кисельными реками!

2. ОБОГАЩЕНИЕ ПРИРОДЫ

Какая же наша страна теперь: бедная или богатая?

Почва у нас осталась прежняя, климат тот же, руды под землей как лежали, так и остались лежать.

И все-таки кто же теперь скажет, что у нас бедная страна!

Что изменилось?

А то, что бедное стало богатым.

Возьмите белорусские болота. Что могло быть беднее!

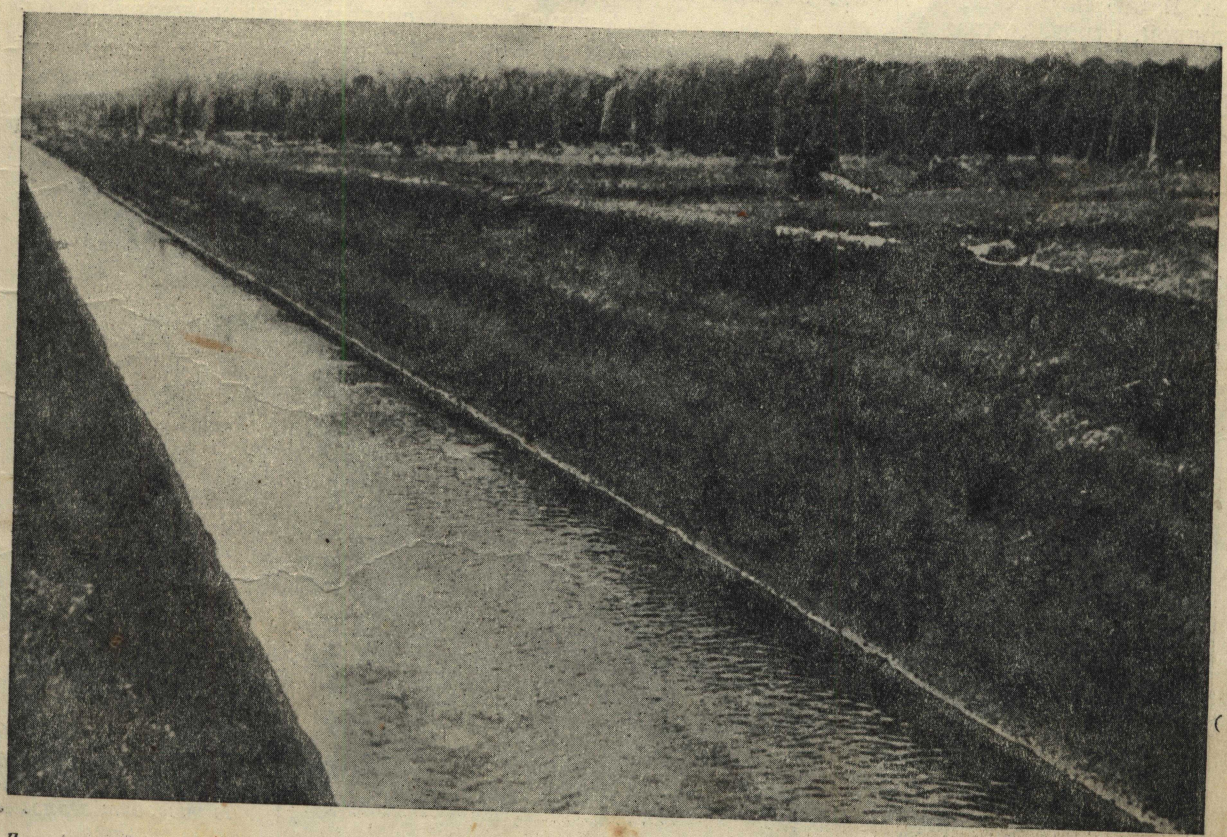
Путеводитель по России Бедекера, изданный в 1914 году, говорит: «Белоруссы — самые бедные и самые отсталые из всех русских».

А теперь? Белорусские болота дают в пять раз больший урожай, чем соседние песчаные земли.

Или возьмите такую страну, как Камчатка. Бывало, каждый новый камчатский губернатор приказывал сеять хлеб.

Один распорядился, чтобы прежде всего была построена мельница. Мельницу построили, но оказалось, что на ней нечего молоть, потому что хлеб не вырос.

Другой губернатор основал поселок свое-



Для осушения болот в Белоруссии прорываются каналы. Этот канал осушил территорию совхоза „10-летие БССР" (фото 1933 г.).

го имени и потребовал, чтобы поселок стал образцовой земледельческой фермой. Но ферма стала образцом того, как нельзя устраивать фермы. Там были и серпы и косы, только нечего было косить и жать.

Третий губернатор приказал жечь сухую траву — для удобрения полей — и сжег леса.

Четвертый губернатор велел засеять сразу тридцать тысяч десятин и разослал по рыбачьим поселкам казаков, чтобы силой заставить рыбаков стать землепашцами. По словам академика Комарова, «люди мучились, как в аду, сидели голодные: рыбу запасать было некогда, а урожай был самый малый, толку от него не было никакого».

И эти четыре губернатора правили не в какой-нибудь выдуманной Глуповской губернии, а в таком месте, которое можно точно указать на карте.

А теперь? На полях Мильковского и Петропавловского районов колосятся прекрасные хлеба. На грядках в огородах растут помидоры, огурцы и даже кое-где клубника. И это на открытом грунте в такой холодной, суровой стране!

Хлопок, который всегда рос на далеком юге, теперь растет у нас и под Одессой. Другой обитатель жарких краев — рис—не только растет, но и дает громадные урожаи около Днепрогэса.

У нас не росли лимоны, апельсины, эвкалипты, бананы, бамбук, каучуковые деревья, а теперь растут.

В Красноярске вызревают яблоки, а в Горьком — растет виноград. Таких примеров можно было бы привести много.

Наследники не промотали наследство, которое получили, а увеличили во много раз.

Как же это бедное удалось превратить в богатое? В чем секрет обогащения природы?

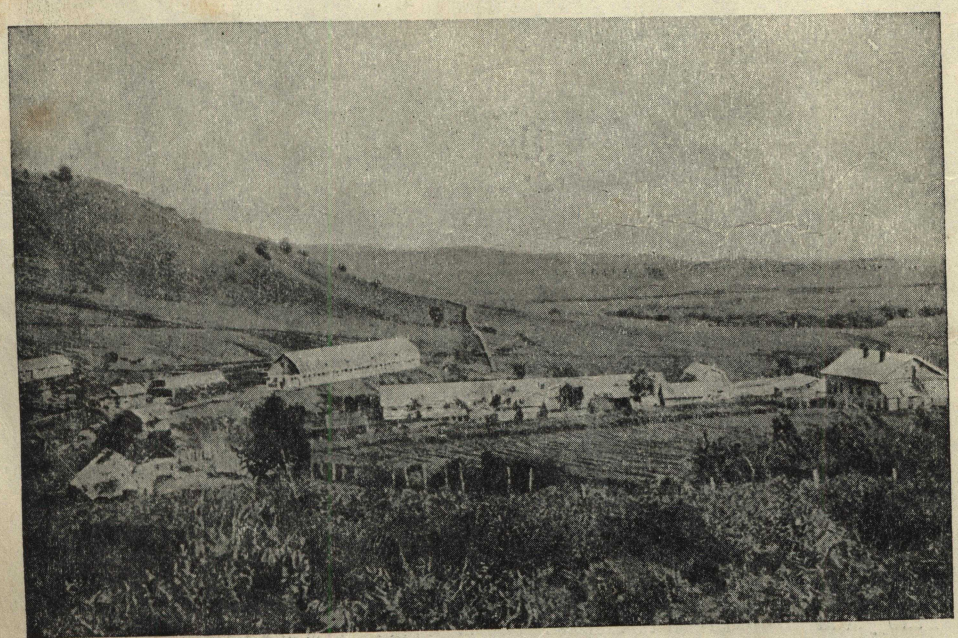
Секрет — в труде.

Белорусские болота стали давать такой большой урожай оттого, что они перестали быть болотами. На огромном пространстве они уже осушены. Земля под болотами не хуже, чем чернозем. Уже сейчас осушено около 700 тысяч га, а к концу третьей пятилетки будет осушена половина всех болот Белоруссии. Про белоруссов уже никто не скажет, что они «самые бедные из всех», как никто не скажет, что они отсталые.

Вот пример: зимой прошлого года некоторые белорусские колхозы вывезли на поля сто миллионов возов торфа для удобрения. Некоторые из ученых доказывали, что зимой этого сделать нельзя, проку не будет. Но оказались правы не ученые, а колхозники.

Торф, богатый фосфором, улучшил почву, и она дала с каждого гектара на три центнера больше, чем давала раньше.

Разве это не обогащение природы?



Совхоз „Камчатский пионер" теперь успешно разводит зерновые культуры.

Ну, а на Камчатке — почему там удалось сделать то, чего не удавалось раньше?

И тут все дело в труде.

Четыре губернатора, о которых шла речь, думали, что достаточно издать приказ и поставить под приказом подпись с завитушками, чтобы хлеб на полях начал расти. Но хлеб не понимает приказов. С хлебом надо разговаривать иначе. Язык науки, например, он понимает очень хорошо. И вот большевики на Камчатке заговорили с хлебом на языке науки.

Раньше, бывало, губернаторы не заботились о том, чтобы были подходящие семена, сеялки, плуги, удобрения. Горе-хлебопашцам приходилось возделывать землю крючковатой палкой и расплевывать семена по земле. Да и семена привозили негодные, лежалые, которые не давали всходов.

Теперь работа идет по всем правилам науки, потому что большевики умеют не только распоряжаться, но и учиться. И результаты — другие.

Разумный, научно-продуманный социалистический труд — вот что делает бедное богатым, вот что превращает бедные селения и скудную природу Белоруссии в безбедные селения и в природу, щедрую к людям.

Страна у нас была нищая, и люди были нищие. Но у этих нищих под ногами лежали богатства.

Давайте опять перенесемся с одного конца страны в другой, из Белоруссии в Таджикистан.

Академик Н. И. Вавилов, который посетил Бухару (Таджикистан) в 1916 году, пишет: «Трудно представить себе большие пределы нищеты, чем та, которую можно было наблюдать во время эмирата в горных земледельческих районах Таджикистана».



Улица в Старой Бухаре.

А ведь у этих нищих были под ногами: золото в Дарвазе, свинец и цинк в Карамазаре, серебро, уголь, нефть, ляпис-лазурь, графит, корунд и еще много других богатств.

И все-таки народ был нищим, потому что его держали в нищете.

По словам таджикского поэта, в Бухаре только за воздух не платили податей.

Страна была колонией, в которой не строили ни дорог, ни заводов.

Теперь в Таджикистане свои гидростанции, свои нефтяные промысла, свои шахты, свои фабрики, свои книги и газеты, свои школы, техникумы и даже свой балет.

Освобожденный социалистический труд сделал уже нищую Бухару безбедным Таджикистаном. И сделает его богатым.

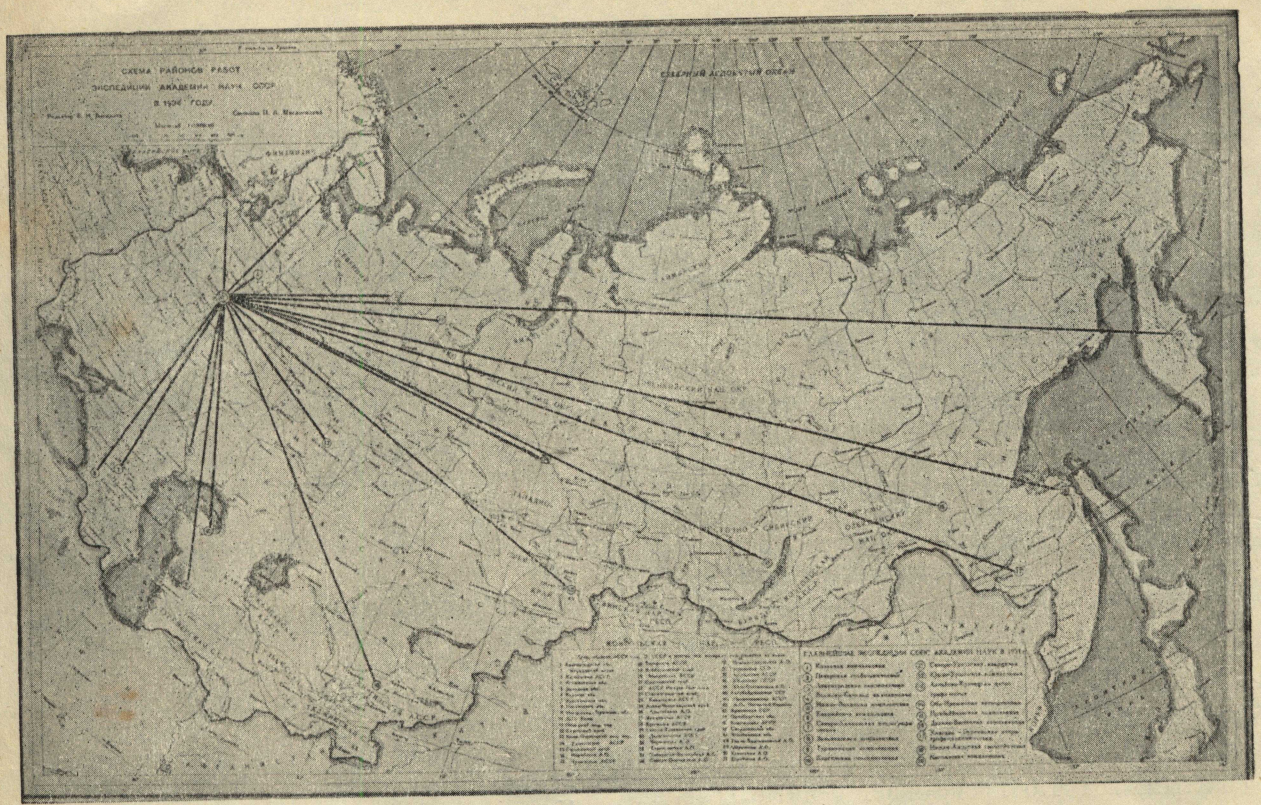
3. ГЛАЗА НАУКИ

На карте красным кружком отмечена Москва. От красного кружка, как от солнца, идут лучи. Карта помещена в сборнике «Экспедиции Академии Наук за 1934 год», а лучи показывают, куда Академия Наук направляла свои экспедиции.

Впрочем, кружок с лучами похож, пожалуй, не на солнце, а на что-то другое. От солнца лучи идут во все стороны. А тут больше всего лучей идет в одну сторону — на восток. Это скорее — прожектор, направляющий свет на те просторы страны, которые меньше всего изучены.

Лучи идут туда, где темно, куда еще не заглядывали глаза науки. Лучи проникают и на Камчатку и на Амур. Они освещают и великие реки Сибири, и горы Алтая, и Урал, и пустыни Туркмении.

Сотни разведочных партий, тысячи разведчиков разыскивают сокрытые под зем-



Карта главнейших экспедиций Академии Наук в 1934 году. Линии показывают, куда выехали ученые для изысканий.

лей и в горных толщах богатства, наносят на карту каждый выход руды, каждое найденное месторождение.

Недавно еще думали, что у нас нет олова. Олово — нужная вещь в хозяйстве, особенно, если это хозяйство такое большое — на шестой части суши! Некоторые сомневались, можно ли вообще найти олово в нашей стране. Другие убежденно доказывали: не может быть, чтобы на шестой части суши не было олова. Не такая уж редкость!

Но где его искать? Наша страна — это не ящик стола, где можно пошарить, чтобы найти завалившуюся монету.

Геологи говорили: искать надо там, где расплавленное подземное «тесто» — «магма» — внедряется в земную кору и застывает. Таких мест немало в нашей стране.

Олово принялись искать. И нашли сразу в нескольких местах.

А вот в Хибинах, где целый край скоро будет сплошной химической лабораторией, нужна серная кислота, нужна сера. В обыкновенной лаборатории химические вещества — реактивы — держат в склянках, банках, бутылях. В кладовых природы реактивы заключены в минералы.

Принялись шарить по кладовым и полкам — по горам и долинам, — нет ли где минерала, в котором была бы сера. И нашли — минерал пирротин, который содержит серу да еще железо, да еще никель, да еще много чего другого. Остается только откупорить эту каменную «банку» и извлечь из нее вещества, которые в ней спрятаны.

Кузнецкому заводу нужен был марганец. Три года искали разведчики марганец, и теперь он обнаружен как раз недалеко от тех заводов, где в нем есть нужда.

Нашли целую марганцевую полосу, длиной в десятки километров.

Для радио нужен пьезокварц — горный хрусталь с особыми свойствами. Пьезокварц регулирует радиоволны. Его к нам раньше везли издалека — из Японии.

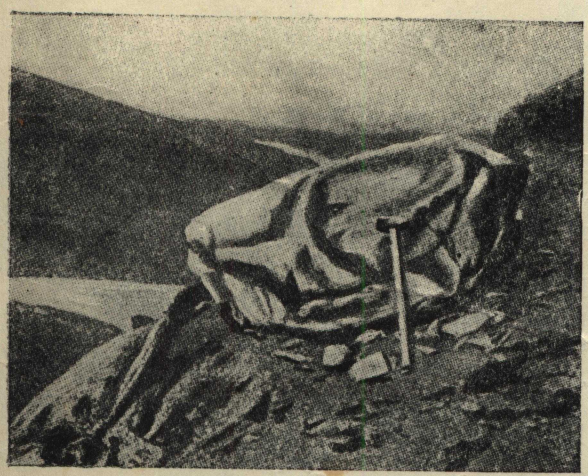
Принялись за поиски у себя дома на Урале.

Два отряда двинулись на лодках по порожистым и бурным горным рекам. Недалеко от горы Неройки сделали остановку, разбили лагерь. Здесь найден был еще в 1932 году кристалл горного хрусталя весом в 200 кг. Он все еще лежал на прежнем месте. Да и какой вор мог бы украсть, спрятать в карман такую тяжеловесную драгоценность!

Разведчики тщательно осмотрели всю местность вокруг. Нужно было сообразить, откуда камень сюда попал. Свалиться с неба он не мог, хотя есть и такие камни, которые падают с неба — метеориты. Но никогда еще не бывало, чтобы с неба упал горный хрусталь.

Откуда же он мог упасть? Скатываясь с гор, камни образуют иногда целые каменные моря и реки, которые так и называются в науке: «моря скал» и «каменные потоки». От какого же «каменного» потока, от какой россыпи или осыпа горных хрусталей отделился камень, прежде чем он закончил свое путешествие у подножия горы Неройки?

Разведчики целых четыре дня искали попутчиков и родичей двухсоткилограммового путешественника. Наконец заметили на краю крутого обрыва угол гигантского кристалла. Когда его отрыли, оказалось, что он весит 1000 кг! Вот так камешек! Его не повесишь на шею и не вставишь в кольцо.



Знаменитый „Додо".

Кристалл назвали «Додо». У камней тоже, оказывается, бывают клички, на которые они, впрочем, никогда не откликаются. Если бы откликались — легче было бы их находить.

«Додо» отвезли на оленях в Сарапул, а из Сарапула его повезли по воде и по рельсам в Москву.

Рядом с «Додо» разведчики отыскали, как и предполагали, целую россыпь кристаллов, среди которых попадаются кристаллы пьезокварца.

Еще один пример. Считали, что у нас нет бора (это тот самый, который в борной кислоте). Ввозили из-за границы, платили миллионы рублей золотом. Бор нужен и в медицине, и в промышленности, и в военном деле. Все, вероятно, помнят, как одно время борную кислоту давали в аптеках понемножку и только по рецептам. Но теперь бор нашли — в Казахстане. Бор у нас есть.

Там же, в Казахстане, у нас есть медная руда, есть уголь, есть много других минералов. Но нехватает минерала, которого в других местах сколько угодно — нехватает воды.

Вода ведь тоже минерал, и очень ценный, когда ее мало.

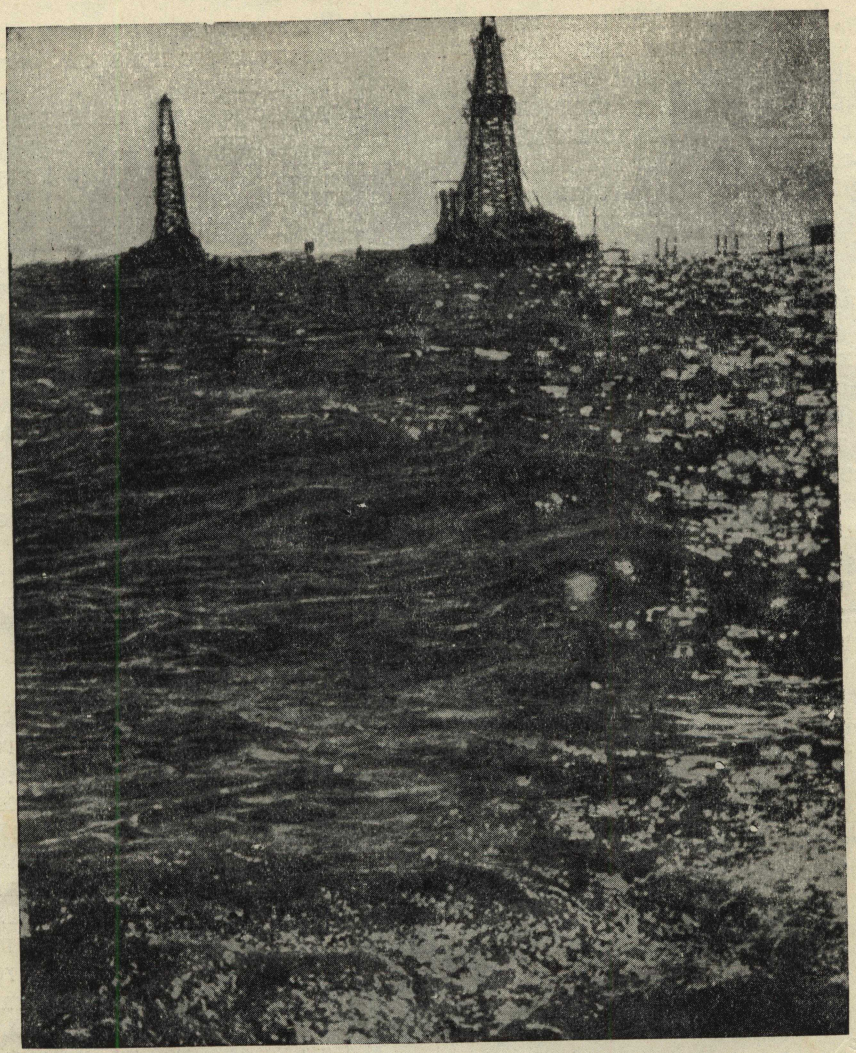
Чтобы найти воду для шахт Караганды, для рудников Прибалхашского комбината, принялись бурить скважины. Долго пришлось их бурить, пока, наконец, не наткнулись на гранит. В трещинах гранита оказались жилы воды, как бывают жилы золота. Да и обрадовались ей не меньше, чем золоту. Кое-где вода сама пошла вверх — в артезианские колодцы. Теперь глубинную, подземную воду пьют в городах и поселках. Подземная вода работает в паровозах и заводских котлах.

В Казахстане сверху, из туч, воды падает мало, так вот достали ее снизу. Нехватает рек на земле — нашли реки под землей.

Разведчики разыскивают в стране не только то, чего нет, но и то, что есть. Уголь есть, но его нужно еще больше. Железо есть, но хорошо было бы и запасы железа увеличить.

И запасы растут. Все наши запасы и угля, и железа, и нефти, и других ископаемых за последние годы выросли во много раз. В 1936 году у нас стало в шесть раз больше угля, чем было в 1913 году.

Запасы угля увеличиваются потому, что открывают все новые и новые залежи. Нашли уголь на Печоре, — вот еще один Донбасс в придачу к прежнему. Нашли уголь в Якутии, Казахстане, на Дальнем Востоке, — вот, примерно, еще три Донбасса. А громадный Кузнецкий бассейн, а уголь Колымы и еще многих других бассейнов! Да



Нефтяные промысла Биби Эйбат в Азербайджане.

и прежний Донбасс оказался богаче, чем думали.

Запасы угля в нашей стране — 1200 миллиардов тонн. Когда-то на одной из Чикагских выставок был поставлен обелиск из угля высотой в 50 футов. Если бы из всего нашего угля соорудить обелиск, его высота равнялась бы шести Эверестам, а площадь основания — всей площади Москвы!

Нефти в нашей стране по последним подсчетам 3 200 миллионов тонн. Если бы всю Волгу заполнить нефтью вместо воды, эта нефть текла бы в море целую пятилетку.

Железных руд у нас 10 612 миллионов тонн — столько, что из этого железа можно было бы проложить железнодорожный путь «Москва—Солнце».

Мы занимаем первое место в мире по запасам железа, марганца, нефти. Второе место в мире по углю. Огромные запасы золота, меди, свинца, цинка, никеля и еще множества других ископаемых.

Есть уголок в нашей стране — на Тянь-Шане, где, по шутливому выражению ученых, можно на протяжении нескольких десятков километров найти всю таблицу Менделеева, т. е. все химические элементы.

А белый уголь — энергия наших рек! Наша страна богаче белым углем, чем все другие страны в мире. У нас тысячи рек, и их общая длина пятьсот тысяч километров, а их общая мощность — это пятьсот Днепростроев! На одной только Волге можно было бы построить двадцать таких станций, как Днепрогэс. А на реке Лене — целых девяносто!

280 000 киловатт — вот какова мощность наших рек. Когда их энергия или хотя бы

половина ее потечет по проводам единой электрической сети, не будет места в стране, где по первому приказу человека не явились бы к нему тысячи электрических слуг.

Голова кружится от всех этих чисел, похожих на поезда с внушительными паровозами впереди в виде нескольких значащих цифр с длинным хвостом нулей-вагонов. У этих нулей-вагонов особое свойство: ни один не идет порожняком, каждый значит, и значит немало.

Громадные запасы уже найдены нашими разведчиками. Но это еще не все наши запасы. Геологически изучена, освещена прожектором только, примерно, треть нашей страны. Что таят в себе остальные две трети, покажет будущее.

4. БОЛЕЗНЬ, КОТОРОЙ НЕ ЗНАЮТ ВРАЧИ

Прежняя Россия не ведала своих богатств. Но и те, которые у нее были на счету, она не умела беречь и разумно расходовать.

Есть болезнь, неизвестная врачам. Иногда она называется «нефтяной горячкой», иногда «угольной», иногда «железной», но всегда это горячка. У нас люди не болеют такой болезнью. Но в капиталистическом мире она заражает иной раз целые страны.

Где-нибудь открывают залежи угля или нефти, или руды, и сейчас же вспыхивает эпидемия горячки. Человек, который заболевает этой болезнью, бросает все дела, семью, детей, собирает свои наличные деньги и устремлятся туда, где найдены залежи. На месте, которое еще недавно было пустым, с лихорадочной быстротой вырастают наскоро сколоченные сараи, бараки, лавчонки, трактиры.

Если болезнь — нефтяная горячка, все пораженное место в какой-нибудь месяц покрывается, как волдырями, буровыми вышками.

У каждого одержимого этой болезнью является желание поскорее, раньше других, добраться до нефти и качать, качать, качать. Случается, что буровые вышки возникают так близко одна от другой, что один владелец качает воздух из скважины на участке соседа. Каждый день образуются новые товарищества и акционерные общества для разработки недр, в которых может быть ничего и нет.

Был в прошлом веке во Франции ловкий делец, которого звали Христофор Колумб. Разумеется, это был не тот Христофор и не тот Колумб, который открыл Америку, а его тезка. Злые языки поговаривали даже, что фамилия у него такая же фальшивая,



Лагерь золотоискателей в Канаде на Юконе (1890 г.).

как и тот громадный бриллиант, который украшал его галстук. Так вот этот Колумб № 2 основал в Париже акционерное общество для проведения туннеля из Африки в Америку. Свои акции тезка Колумба продавал недорого — по франку за штуку. Говорят, что прежде, чем переменить псевдоним и удрать, он положил в карман кругленькую сумму.

Такие «Колумбы» водятся во всех местах, охваченных эпидемией нефтяной или какой-нибудь другой «горячки». На сто разорившихся дельцов приходится один разбогатевший. Но разорение дельцов — это не

такая уж беда. Гораздо хуже разорение и разграбление земли.

Чем богаче залежи, тем прибыльнее их разрабатывать. Поэтому дельцы разрабатывают только лучшие месторождения и забрасывают их, как только они перестают давать высокую прибыль. Заброшенная шахта или скважина — хуже, чем отсутствие шахты или скважины. Заброшенную шахту, с обвалившимися креплениями, с залитыми водой штреками и штольнями, неизмеримо труднее исправить, чем построить новую шахту.

И уголь в изуродованных рубцами земных недрах делается еще более недоступным, чем до прихода человека.

А это прямой вычет из запасов страны.

5. ПЯТЬ ЛОЖЕК И ОДНА МИСКА

Представьте себе, что пятеро ребят едят щи из одной миски, как это делалось в старину.

Миска — одна. Ложек — пять. Каждый старается как можно быстрее есть и чаще зачерпывать.

Кто будет зевать, тот останется голодным. Впопыхах проливают щи на стол и на пол. Дело не обходится без ссор и споров.

— Ты что торопишься, потише, не жадничай!

— А ты не зевай. Разиня!

Этак доходит и до драки, особенно тогда, когда щей в миске остается мало — только на донышке.

Такая же история происходит и с взрослыми людьми, если эти люди — владельцы нефтеносных участков.

Нефтяной бассейн — это громадная миска, в которую налита нефть. Скважины и буровые вышки — это ложки. У каждого нефтяника — свое место за столом, свой участок, который принадлежит ему по праву собственности. Но миска-то ведь одна!

И вот каждый старается выкачать нефть поскорее, чтобы меньше досталось соседу. При этом в спешке нефть разливают по земле, забрасывают скважины, как только они начинают сдавать, — одним словом, люди ведут себя за нефтяным столом не как порядочные люди, а как невежи и обжоры.

А нефти все меньше и меньше. Вмешивается государство и для защиты «священного права собственности» устанавливает правила. В Соединенных Штатах, например, установлены правила, по которым в Техасе каждый имеет право выкачивать только сорок баррелей (около шести тонн) в день на каждую вышку. Это совсем не так плохо, можно быть «сытым». По подсчетам Стюарта Чейза, за год можно вернуть затраченный капитал да еще почти столько же нажить. Но прожорливым нефтяникам этого мало. Они пускаются на всякие хитрости и жульничества: прокладывают трубы так, чтобы их не было видно, устраивают ложные днища у резервуаров, чтобы при замере казалось, что нефти мало. Строят рядом с одной настоящей вышкой три фальшивых, чтобы иметь право выкачивать сто двадцать баррелей вместо сорока.

Власти в Техасе бессильны что-нибудь сделать. Впрочем, это объясняется тем, что у властей есть свои «любимцы», которые умеют во-время подкупить кого надо.

6. ЛУННЫЕ ГОРЫ НА ЗЕМЛЕ

То, что я рассказал сейчас о нефти, это только пример.

Капиталисты «любят» свою родину, как дети любят пирог с начинкой. Надо поскорее съесть самое вкусное, всю начинку, оставив другим только сухую корку.

Американский писатель Стюарт Чейз в своей книге «Богатая страна, бедная страна» подробно подсчитывает все, что за триста лет в Соединенных Штатах растрачено и расхищено.

Нефть израсходована, расхищена больше чем наполовину, медь — наполовину, свинец и цинк на две трети, золото — на четыре пятых. С 1900 года, то есть за 36 лет, Америка потеряла больше минеральных богатств, чем за предыдущие триста лет.

Кроме золота, меди, нефти, свинца, есть

и другие богатства, которые лежат не в недрах земли, а на поверхности. И самое большое и драгоценное из этих лежащих на поверхности богатств — почва, плодородная почва.

Почву тоже в Америке разграбили и расхитили. Когда подымались цены на хлеб, распахивали без остатка земли на огромном пространстве, не оставляя лесов для охраны вод.

Когда шли в гору цены на шерсть и мясо, выгоняли на пастбища столько овец и коров, что они своими копытами вытаптывали травы на миллионах гектаров. Когда выгодно было продавать хлопок, из года в год почву заставляли родить хлопок, хлопок и хлопок и ничего больше.

И от этого почва истощалась, не получая ничего взамен веществ, которые она отдавала хлопку. Посев люцерны мог бы вернуть ей часть потерянного, но люцерну было неприбыльно сеять. И почва из года в год делалась все беднее.

Воды, не сдерживаемые лесами и травами, устремились в поля, смывая почву. Каждый год из полей и пастбищ США вымывается три миллиарда тонн почвы. А почва ведь растет медленно: на каких-нибудь пол-сантиметра в столетие.

Воде помогает ветер. Ему есть где разгуляться. Ведь леса повырублены. Земляная пыль с распаханных полей — любимая игрушка ветра. Тучами подымает он ее и несет над землей, так что не видно солнца. Тысячи земельных участков, тысячи ферм разлетаются пылью по ветру. «Еще несколько поколений, — говорит Чейз, — и у нас будут пустыни, каких мало на других континентах».

И для примера он рассказывает о тех пустынях, которые уже созданы человеком в Соединенных Штатах. В книге есть и фотографии. На эти фотографии страшно смотреть. Голые, изрытые, безжизненные склоны, напоминающие горы на луне, и где-то одинокая фигура человека. Кажется странным, как же он попал сюда — на луну, где нет ничего живого.

Лунные горы на земле!

Вот во что превращают капиталисты землю своей родины.

То же было и в России. Каждый купец, каждый промышленник, каждый чиновник старался схватить, «урвать куш» побольше.

У Салтыкова-Щедрина выживший из ума чиновник-взяточник забыл все слова, кроме



„Лунные горы"— опустошенные земли в Америке Иллюстрация из книги Чейза.

одного: «рви». О чем бы ни шла речь, он бормотал: «Рви, рви!»

Это короткое слово лучше всего выражает смысл того, что творили в стране люди, обезумевшие от жадности.

Вырубали и распродавали леса, распахивали луга, истощали поля, превращали степи в пустыни.

«После нас хоть трава не расти. Рви!»

Истребляли зверей в лесах. Перегораживали реки в Восточной Сибири, на Камчатке, чтобы не дать рыбе уйти в море. А от этого рыбы делалось все меньше, потому что рыба там проводит в реке только детство, а зрелого возраста достигает в море. Избивали на северных островах морских зверей — котиков, не щадя и детенышей.

«После нас хоть шаром покати. Рви!»

Выцарапывали начинку из пирога — руду из земной коры. Хватали, давились, выплевывали непрожеванные куски — забрасывали старые шахты и скважины, чтобы наброситься на новые, нетронутые.

— Рви! Рви!

По всей стране шел гигантский грабеж. И этот грабеж вежливо называли «использованием естественных богатств».

7. ГЛАВНОЕ НАШЕ БОГАТСТВО

В нашей стране — хозяйство разумное, плановое, ради блага родины. Мы работаем не на фабриканта, не на помещика, а на себя.

Нам нет расчета снимать сливки с той полной чаши, которая называется природой; нам нет расчета оставлять нашим детям одно только снятое молоко.

Вот пример, еще один пример, еще одно доказательство в придачу к многим.

У нас под Москвой есть уголь. Этот уголь не так хорош, как донецкий, но зато он рядом. Всякому ясно, что в Москве надо жечь московский уголь. Так оно и делается сейчас в Московской области. Но в Московской губернии делалось иначе. Из года в год добыча местного угля падала, а привоз донецкого угля — за тысячу километров — возрастал.

И это опять оттого, что капиталистам выгоднее было «снимать сливки» в Донецком бассейне. Донецкие углепромышленники, чтобы погубить Подмосковный бассейн, стали брать с углеторговцев пеню с каждого пуда угля, купленного под Москвой, а не у них. И это сразу убило подмосковный уголь.

Так было и с торфом и со всеми другими видами местного топлива. Дальнепривозный донецкий уголь и бакинский мазут пылали чуть ли не во всех заводских топках. Треть всех вагонов на железных дорогах была загружена донецким углем и бакинской нефтью. То и дело образовывались пробки на путях. Заводы неделями стояли без угля. В стране был вечный угольный голод. Профессора объявили его неизбежным, также как и голод хлебный. В Петербург везли уголь из-за границы.



Разведывательные партии геологов на Алтын-Мазаре (Памир).

И это в стране с громадными запасами угля!

В нашей стране не растрачивают даром человеческий труд, не возят уголь туда, где он есть.

Везде, где у нас местное топливо—торф, бурый уголь, сланец — его добывают, его жгут в топках.

Сжигая уголь второго сорта, мы сберегаем запасы угля первого сорта. Даже вредные примеси в угле — и те мы стараемся не выбрасывать и не сжигать даром. Ведь то, что кажется вредным, может оказаться полезным. Сера вредна в угле и полезна в серной кислоте. Зола в сланцах плохо горит, но зато она хороший материал для цемента. Плохое топливо может оказаться хорошим сырьем, а плохое сырье — хорошим топливом.

Каждое вещество надо по-хозяйски изучить, чтобы взять от него все, что оно только может дать.

Так у нас и делают. Подмосковный уголь содержит вредную примесь — серный колчедан. На Сталиногорском заводе из него будут получать серную кислоту.

Даже от такой дряни, как сапропель — гнилой ил, который образуется на дне стоячих вод — может быть толк: из него можно перегонкой получить жидкое топливо. В Кемеровском химическом комбинате сапропелиты дадут и жидкое топливо для моторов и твердое топливо — полукокс. Сгорая в топках теплоэлектроцентрали, полукокс даст заводам тепло и энергию.

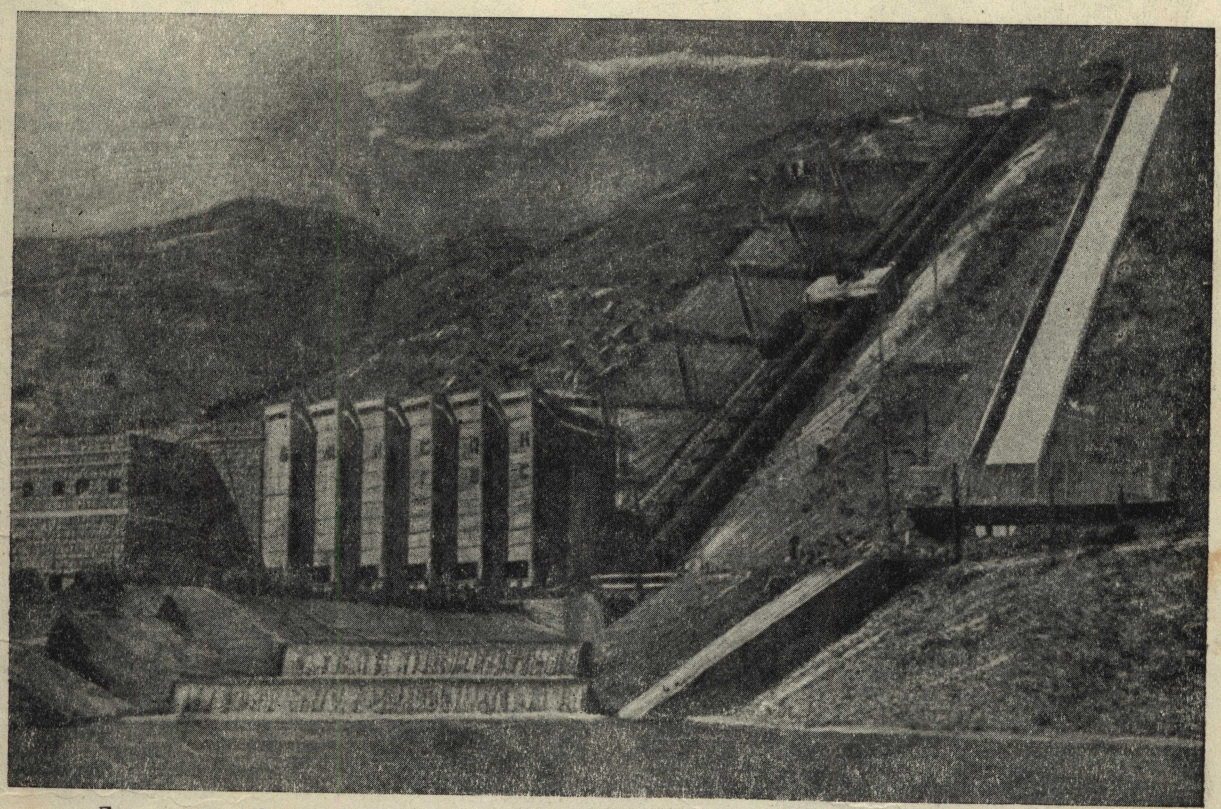
Так в разумном хозяйстве ничто не пропадает.

По правилам разумного социалистического хозяйства, ни одна шахта не должна быть заброшена, пока в ней есть уголь, ни одна примесь в руде не должна идти в отвал, если из нее можно сделать что-нибудь путное. Нередко бывает, что у нас теперь разрабатываются горы отвалов и отходов, которые сохранились на рудниках со времен прежних владельцев.

Они выбросили, а мы по-хозяйски подобрали и пустили в дело.

Они вырубали леса без разбору, мы их бережем.

В нашей стране действует закон, по которому леса в бассейнах больших рек —



Баксанская гидростанция не первая и не последняя в орденоносной Кабардино-Балкарии.



Кино в колхозе им. Чапаева на Украине.

Волги, Дона, Днепра, Урала, верхнего течения Западной Двины — считаются водоохранной зоной и охраняются от чрезмерных порубок, от пожаров, от вредителей. Люди охраняют леса, леса охраняют воду.

Идет борьба с оврагами, с размывом почвы. Колхозы и совхозы насаждают деревья по оврагам.

Охраняются не только леса, но и звери в лесах. Прежние хозяева не берегли лесных зверей. Многие породы исчезли. Истребили благородного оленя и зубра. Истребили бобра почти везде, где он водился, загнали соболя в неприступные дебри.

Советский закон охраняет зверя. В десятках заповедников звери живут под охраной закона. В питомниках выращивают соболя, лисицу, бобра, песца — для пополнения лесного народа.

Охраняют рыбу. Населяют рыбой и «необитаемые» озера. Перевозят икру и мальков на самолетах из одних водоемов в другие, чтобы больше было у нас рыбы ценных пород. Рыбы летают на самолетах!

В нашей стране люди охраняют и недра земли и то, что на земле — поля, леса, реки.

Но самое главное, что мы охраняем и бережем и чего не берегли прежние владельцы, — это человеческий труд. Мы строим фабрики хлопчатобумажных тканей там, где есть хлопок. Возить хлопок взад и вперед — это растрата человеческого труда. Мы не ввозим из-за границы то, что дешевле сделать дома. Когда-то в нашу страну везли из-за границы серпы и косы, а теперь мы делаем сами из своих материалов автомобили и сложнейшие станки. Зачем переплачивать деньги, ведь это значит растрачивать даром не просто деньги, а человеческий труд.

У нас заводы идут к сырью, а не сырье к заводам, — чтобы меньше было перево-

зок, а значит и растраты труда. И если делается наоборот, то тогда только, когда это сберегает труд. Вот, например, мы везем бокситы — сырье для производства алюминия — с севера на юг — на Днепровский Металлургический комбинат. Но мы это делаем не зря: у нас на Днепре дешевая энергия, там Днепр работает. Пусть он поработает за нас, пусть плавит для нас алюминий.

Богатства нашей страны велики.

Но самое главное наше богатство — человеческий труд. Где нет труда, нет и богатства. Руда, которая лежит под землей и о которой никто не знает, не стоит ничего. Чтобы она начала что-то стоить, нужно ее открыть. А открыть — это значит затратить труд, труд разведчика.

Но и этого мало: чтобы руда стала богатством, надо проложить к ней путь, надо построить рудник, надо достать ее. То, чего нельзя достать, не богатство. Луну нельзя достать, и она ничего не стоит. Даже вопрос такой кажется бессмыслицей: сколько стоит луна?

Труд — это то, что дает ценность вещам. Поэтому труд — единственная настоящая ценность на земле.

Каждый час труда — это час нашей жизни. День труда — это день нашей жизни. Мы живем только один раз. Не будем же растрачивать даром, бесцельно то, что дороже всего на свете — человеческую жизнь.

8. ВЕРА В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

— Как это случилось? — спрашивает американский писатель Стюарт Чейз. — Как это случилось, что карта Америки покрылась пятнами разграбленных территорий, с вырубленными лесами, с полями, потерявшими плодородие, с истощенными недрами?

И он отвечает: социалисты скажут, что виноват в этом капитализм. Но дело не только в капитализме. Главная причина — это «вера в бесконечность». Эта вера виновата во всем. Люди думали: зачем беречь леса, поля, прерии, руды, залежи, когда им нет конца?

И вот, — говорит он, — настало время, когда надо понять, что Америка не такая уж молодая страна, что довольно безумствовать—ведь и так уже половина наследства растрачена и прокучена. Старикам свойственно быть бережливыми. А поэтому пора остепениться и подумать о будущем. Главной заботой американца должно быть в будущем сохранение того, что еще осталось.

Я рассказываю своими словами содержание нескольких страниц книги Чейза. Но смысл их именно таков.

Прав ли Стюарт Чейз?

Я думаю, что не прав. Не Америка состарилась и не американский народ, а капитализм. Не Америке надо думать о старости, а капитализму. Он действительно быстро идет к своему концу.

Стареет и умирает капиталистический порядок, народы не стареют. В нашей стране нет больше класса помещиков, нет больше класса капиталистов. Но наш народ стал только крепче и сильнее от этого. И чем ближе подходит он к обществу, в котором совсем не будет классов, тем больше чувствует он в себе жизненных сил.

Да и как может наш народ стать старым? У нас и старики чувствуют себя молодыми. У них есть эта вера в бесконечность, которая делает человека молодым.

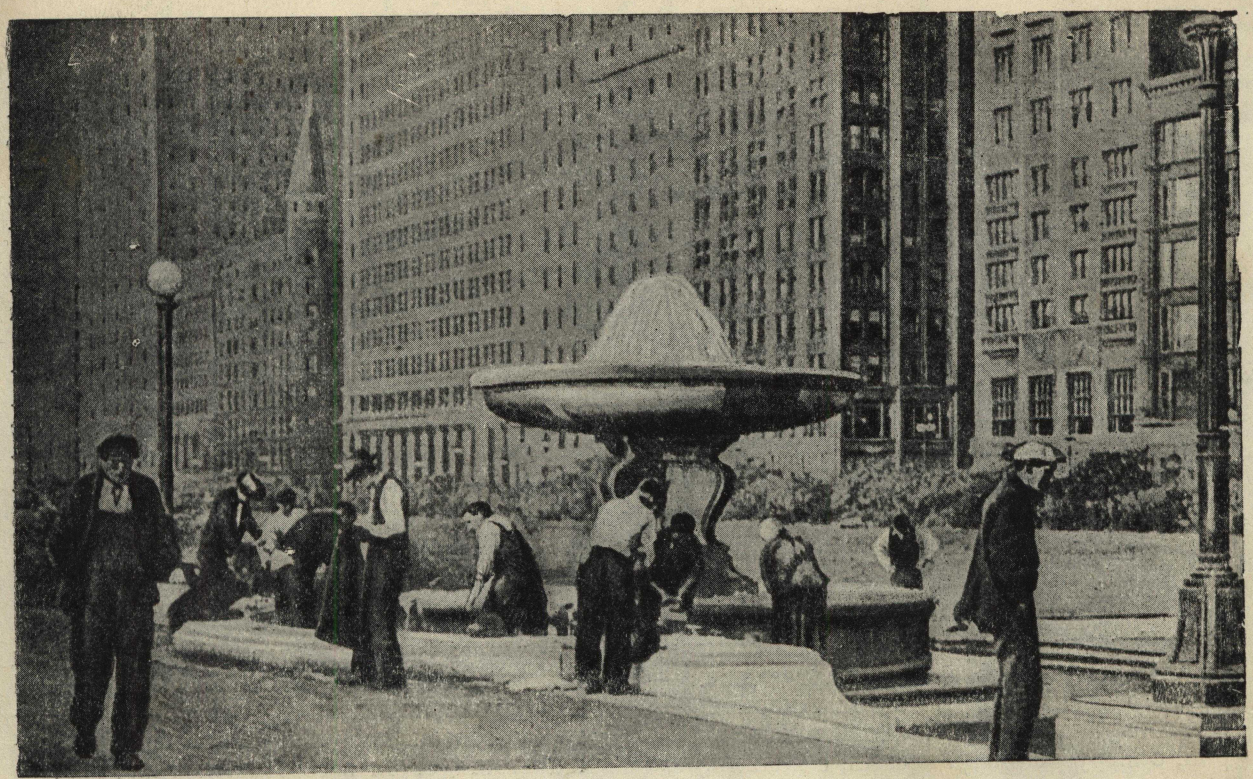
Мы верим в бесконечную мощь социалистического труда.

Труд при капитализме истребил наполовину богатства Америки и угрожает сделать эту богатую страну бедной. Труд при социализме обогащает природу нашей страны, превращает страну, которая всегда считалась бедной, в богатую.

Наши богатства бесконечны. У нас довольно угля, чтобы безбедно дожить до того времени, когда уголь уже будет не нужен, когда энергию будут брать у солнца, минуя всякие топки. У нас довольно железа, чтобы перебраться из века железного в век алюминия, магния и других легких металлов. Алюминия столько в земной коре, в той же глине, что его хватит на миллионы лет.

Мы живем не в пустоте, мы окружены веществом и энергией. А где есть вещество и энергия, там человек не пропадет.

Стюарт Чейз все это знает. Но его смущает другое. Он говорит, что по данным обследования, которое было произведено в Америке, невозможно больше увеличить производство. Фабрик и без того слишком много. Рудников тоже. Железных дорог то-



Фонтаны служат не только для украшения квартала миллионеров в Нью-Йорке. Утренний туалет безработных.

же. Народное хозяйство Америки «достигло зрелости».

«У нас столько фабрик, — говорит Чейз, — что мы могли бы каждой семье дать товаров на 5000 долларов в год».

Вот тут-то я и позволю себе прервать м-ра Чейза. Разве в Америке каждая семья получает ежегодный доход в 5000 долларов? Разве каждая семья может купить себе все, что ей нужно: достаточное количество еды, платья, книг, мебели, музыкальных инструментов, театральных билетов?

В Америке десять миллионов безработных. С семьями это уже не десять миллионов, а десятки миллионов. Им нехватает многого. Чтобы перестроить и привести в пристойный вид одни только их лачуги, понадобилось бы вложить в народное хозяйство Америки миллиарды долларов. Но, по словам Чейза, «у финансистов нет доверия к такого рода помещению денег».

В том-то и суть! Капитализм, и только капитализм, застопорил работу, а не старость Америки.

У нас пока что меньше фабрик, чем в Америке. Но когда у нас будет их даже вдвое больше, чем там, все-таки нам будет их мало. Ведь мы идем к богатству и изобилию, мы хотим, чтобы в будущем — при коммунизме — каждый в стране работал по способностям, а получал по потребностям. А потребности растут. То, без чего обходился король тысячу лет назад, без того теперь трудно обойтись пастуху. Короли тысячу лет тому назад не слушали радио и не смотрели кинокартины. А теперешнему колхозному пастуху подавай и кино и радио. Его внукам и этого будет мало. Подавай им карманные телевизоры и складные самолеты, умещающиеся в чемодане.

Работы впереди бесконечно много. При социализме, а потом и при коммунизме человечество никогда не будет безработным.

Одна борьба с микробами — борьба до победного конца — каких потребует усилий! Ведь это унижает человека — бояться простейших существ, у которых нет даже ни глаз, ни ушей, ни ног, ни рук. Разве не страшно, когда какой-нибудь грипп выключает из работы мозг Горького или Павлова?!

Дела впереди без конца. Энергии и вещества вокруг — без конца.

Мы верим в бесконечность нашего труда, наших богатств, нашей молодости.

А. СЛОНИМСКИЙ

РАССКАЗЫ О ЛИЦЕЙСКОЙ ЖИЗНИ ПУШКИНА

(Окончание)

13. „ПРАВО ЕСТЕСТВЕННОЕ“

С осени 1814 года, после перехода на окончательный курс, профессор Куницын приступил к лекциям по «естественному праву». Лекции эти сразу заинтересовали лицеистов.

Юноши-лицеисты росли в эпоху войн и политических переворотов. Только что свергнут был император Наполеон, которого называли «похитителем престола» и обвиняли в том, что он нарушает «права народов». Новый король Людовик XVIII, представитель старой королевской династии Бурбонов, принужден был для укрепления своей власти присягнуть на верность конституции.

Все эти события волновали умы. Монархическая власть, опиравшаяся, как верили прежде, на «милость божию», теперь оказывалась делом рук человеческих. В журналах и в обществе толковали о «правах народных», о конституции и о том, что такое «законная власть».

Об этом самом говорил и Куницын в своих лекциях. Он говорил о том, что все люди равны и свободны от рождения, что им от природы присущи какие-то «естественные», т. е. прирожденные, права на вольность и что этих «естественных» прав не может лишить их ни одна власть в мире. Куницын доказывал, что «законной» является только та власть, которая имеет источник в народе и ограничена конституцией, обеспечивающей «естественные» права граждан. Конституция, как говорил Куницын, есть договор между монархом и народом, и если монарх нарушает этот договор, то тем самым он лишается права на власть. При этом Куницын на всем протяжении курса не уставал повторять, что рабство крестьян есть явное беззаконие, противоречащее «естественному праву».

Пособий по «естественному праву» никаких не было, кроме «Общественного договора» Руссо, который надо было читать по-французски. Русского перевода этой книги, которую считали опасной революционной книгой, не существовало. Поэтому Куницын диктовал то, что надо было выучить к следующему разу, и требовал, чтобы ему отвечали слово в слово, как записано в тетрадке.

Профессор спрашивал, лицеисты вставали и отвечали наизусть по параграфам:

«Власть монарха ограничена договором, на основании коего он получил ее от народа».

«Употребление власти общественной без всякого ограничения есть тиранство, и кто оное производит, тот есть тиран».

«Никто не может приобресть право собственности на другого человека, ни против воли, ни с его на то согласия, ибо право личности неотчуждаемо».

Кроме Куницына, еще двое профессоров влияли на лицеистов: профессор французской словесности де-Будри и профессор Галич.

Де-Будри был старик маленького роста на коротеньких ножках, живой и подвижный. Он ходил в грязном парике и неряшливо одетый. Сначала лицеисты посмеивались над ним и докучали ему разными шалостями. Но вскоре отношение к нему переменилось. Де-Будри сумел завоевать симпатии лицеистов.

Однажды после лекции де-Будри показал лицеистам табакерку с каким-то портретом. На портрете был изображен человек некрасивой наружности, с фригийской шапкой на голове.

— Знаете, кто это?—сказал де-Будри.— Марат.

Лицеисты много слышали о якобинце Марате. Как же были они удивлены, когда узнали, что их профессор де-Будри — род-

ной брат знаменитого якобинца и что настоящая его фамилия Марат!

После этого де-Будри часто заговаривал о своем брате. Он рассказывал о его доброте, о любви его к родине, о том, что, несмотря на малый рост, он был необыкновенно силен.

В «Лицейском мудреце» Илличевский нарисовал карикатуру на профессоров, «ищущих милости у графа Разумовского». Граф Разумовский сидит на вершине наклонного помоста, а к нему по скату взбираются профессора — кто с книжкой, кто с грифельной доской. И только двое стоят внизу в независимой, гордой позе: Куницын и де-Будри. Оба они известны были своими «демократическими» либеральными убеждениями.

Такие же либеральные убеждения были и у профессора Галича. Пушкин так обращался к нему в стихотворном послании:

Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден...

Галич недолго преподавал в Лицее — всего только один год, с лета 1814 года до лета 1815 года. Оттого он и не попал в карикатуру «Олосеньки». Галич замещал Кошанского во время его болезни и читал вместо него курс латинского языка и российской словесности, хотя по специальности был философ. Жил он в Петербурге и приезжал в Царское Село на занятия. В его комнате происходили веселые сборища лицеистов, с которыми он обходился по-товарищески.

Лицеисты любили и де-Будри и Галича. Но особенным уважением среди них пользовался Куницын, который своим курсом «права естественного» воспитал в них дух гражданственности.

В стихотворении, написанном 19 октября 1825 года, в день лицейской годовщины, Пушкин посвятил несколько стихов воспоминанию о Куницыне:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...



Профессора, ищущие милости у графа Разумовского. Карикатура Илличевского.

30 июля 1814 года вернулась из-за границы гвардия. Гвардейские полки разместились в самом Петербурге и в его окрестностях. Местопребыванием гусарского гвардейского полка назначено было Царское Село.

Тихое Царское Село оживилось. В аллеях парка, на улицах, на гуляньях у дворцовой гауптвахты, где по воскресеньям играл духовой оркестр, — везде замелькали гусарские высокие кивера и нарядные ментики.

Лицеисты скоро перезнакомились со всеми гусарскими офицерами. Все это были люди молодые, немногим старше лицеистов. А один из них, Николай Раевский, — сын знаменитого тогда генерала Раевского, подвиги которого изображались на лубочных картинках, — был даже моложе. Ему было всего 13 лет. Однако он успел уже совершить, находясь в корпусе отца своего, все заграничные походы и заслужить воинскую славу.

Гусары посещали лицейские балы и спектакли. В свою очередь и лицеисты уча-



Гусар времен Александра I.



Штаб- и обер-офицер карабинерных полков в начале XIX века.

ствовали иногда в гусарских пирушках. На этих пирушках не только пили — за бокалом вина или стаканом пунша здесь велись горячие политические беседы.

Гусарские офицеры вернулись под свежим впечатлением того, что они видели в Европе. Они рассказывали о прениях во французской палате депутатов и о парижских бульварах, с утра до ночи бурливших народом; напевали французские оперные арии и остроумные куплеты, так называемые «водевили», раздававшиеся на шумных улицах Парижа. Во Франции они были очевидцами ожесточенной борьбы, какую вела либеральная партия против аристократов-реакционеров, вернувшихся из эмиграции и пытавшихся вернуть себе былые феодальные привилегии, и все их симпатии были на стороне либералов. В Царское Село гусары принесли с собой раскаленную политическую атмосферу Европы.

Среди гусарских офицеров особенно заметен был один — ротмистр Петр Яковлевич Чаадаев. Он был богат, хорош собой, щегольски одевался. Ему было всего 20 лет. Однако, несмотря на молодость, это был европейски образованный человек. Казалось, не было ни единой книги философской или

политической, которой он бы не прочитал, не было вопроса, о котором он не имел бы своего мнения.

Чаадаев с первого знакомства отличил Пушкина в толпе его товарищей-лицеистов. Чаадаеву было 20 лет, Пушкину 15, но это не помешало им вскоре стать друзьями. Они видались почти ежедневно. Пушкин просиживал целые вечера в кабинете Чаадаева, заставленном книгами. Иногда Чаадаев заходил за Пушкиным в Лицей, и оба отправлялись в парк на прогулку.

Чаадаев вообще был горд и холоден в обращении с людьми, но к Пушкину проявлял особое внимание и даже нежность. С ним он говорил просто, искренно и свободно, как с другом, равным ему по летам.

Гуляя с Пушкиным по берегу царскосельского озера, Чаадаев иногда рассказывал ему о Париже. Он вспоминал, как утром, перед вступлением в Париж русских войск, он стоял на горе и смотрел на распростертую у ног его прекрасную французскую столицу — «колыбель свободной человеческой мысли», как он называл ее.

— Мы тогда воображали себя освободителями Европы, — говорил он. — Но разве можно освобождать чужие народы, когда собственный народ стонет под игом рабства?

Пушкину казалось, что Чаадаев рожден быть великим политическим деятелем, вождем вроде римского республиканца Брута или вождя афинской демократии Перикла.

И это Пушкин высказал в надписи к портрету Чаадаева:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской.
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
У нас он — офицер гусарской.

15. ГРАЖДАНСКИЕ СТИХИ

Чаадаев вообще был равнодушен к поэзии. Пушкина он любил совсем не за его поэтический талант, а за его трезвый, проницательный ум, необыкновенный для его возраста. Однако стихи Пушкина нравились Чаадаеву: в них всегда чувствовалась живая, яркая мысль.

Новые либеральные идеи, едва только зародившиеся в передовых кругах общества, впервые высказаны были публично пятнадцатилетним Пушкиным.

В 1815 году в журнале «Российский Музеум» появилось стихотворение Пушкина «Лицинию». В подзаголовке было сказано, что это перевод с латинского. Но это была хитрость. На самом деле в римской литературе не было ничего подобного. Пушкин выдал свое произведение за перевод с латинского, чтобы избежать цензурных придирок. Обличая развращенные нравы императорского Рима, он на самом деле имел в виду императорскую Россию: русских вельмож, русское рабство, хищную стаю русских чиновников и русский угнетенный народ.

Стихотворение «Лицинию» было самым смелым либеральным произведением того времени.

Стихотворение начинается обращением к другу Лицинию:

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
Венчанный лаврами, в блестящей багряницe,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой?
Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!

Картина всеобщего рабства возмущает автора, и он вспоминает о древней республиканской доблести Рима:

О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?

Автор предлагает Лицинию последовать примеру «друга истины», философа Дамета, и навсегда оставить Рим,

Где все продажное: законы, правота,
И консул, и трибун, и честь и красота...

Стихотворение заканчивается мрачным пророчеством:

Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокой;
И путник, обратив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

Чаадаев мог быть доволен этим стихотворением.

Здесь высказано было все то, о чем он часто говорил с Пушкиным: государство, основанное на рабстве, обречено на уничтожение.

В декабре 1815 года, после почти двухлетнего отсутствия, вернулся, наконец, из-за границы Александр I. В либеральных кругах ходили слухи о какой-то перемене в настроении царя—о его дружбе с реакционным австрийским министром князем Меттернихом, о его обращении к религии, о свиданиях его с квакерами и пророчицей госпожей Крюденер. Но в обществе все-таки еще сохранилась надежда на то, что Александр I, победоносно закончив войну с Наполеоном, займется внутренним благоустройством своей империи и, прежде всего, обратит внимание на положение крестьян.

Пушкин написал оду Александру I. Он восхвалял царя за то, что тот освободил Европу «от рабских уз», а вместе с тем призывал его позаботиться и о собственном отечестве: оставить «шлем стальной» и «склонить на свой народ смиренья полный взгляд».

Он рисовал картину будущего благоденствия народного:

И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан.

И наградой царю за его заботы послужит народная любовь. Потомки соберутся некогда вокруг старца, и тот

Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

Когда-то Державин гордился тем, что он «истину царям с улыбкой говорил». Но эта «истина» касалась только злоупотреблений отдельных вельмож.

Пушкин высказывал царю иную «истину» — политическую. И речь его звучала серьезно и внушительно. Пятнадцатилетний воспитанник Лицея, под видом похвал, давал царю политический урок и диктовал ему программу действий.

Когда Пушкин прочел Чаадаеву свою оду, тот сказал:

— Русские владыки иногда могут быть добрыми, это верно, но они редко обладают умом. Вас не поймут, мой друг, и ваших советов не услышат.

16. НОВЫЙ ДИРЕКТОР

В январе 1816 года кончилось лицейское «безначалие». В Лицей был назначен новый директор — Егор Антонович Энгельгардт, с давних пор пользовавшийся доверием и дружбой Александра I.

Энгельгардт был немец-лютеранин, человек сентиментальный и набожный. Он выхлопотал 20 000 рублей на постройку лютеранской церкви в Царском Селе, чтобы лицеисты-лютеране, его единоверцы, не оставались без религиозного руководства. Служить в этой церкви он пригласил пастора из Риги, своего друга, который умел произносить трогательные проповеди.

Главной задачей воспитания новый директор считал укрепление религии и нравственности.

— Добродетель, кротость и нравственность, — говорил он на конференции профессоров, — составляют истинную цену человека и гражданина, и без них и самое просвещение и ученость теряют цену свою.

Энгельгардт не был ни ханжа, ни лицемер, как прежний инспектор Пилецкий. Он был добр, честен и с лицеистами обращался ласково. Выговоров в случае какого-либо проступка он не делал. Он просто переставал разговаривать с провинившимся, дожидаясь, пока тот сам не явится к нему с раскаянием.

С назначением Энгельгардта лицейский быт сильно изменился. Для того, чтобы постоянно держать воспитанников под своим надзором, директор старался занять весь их досуг развлечениями. По вечерам он собирал их в зале и читал им вслух по-французски (немецкого языка почти никто из лицеистов не понимал) «Телемака» Фенелона, проповеди Боссюэта, романы мадам Жанлис и тому подобные нравоучительные произведения. Летом он делал с ними дальние прогулки по окрестностям, иногда с ночевкой где-нибудь в деревне. Зимой в праздничные дни ездили на тройках за город, пили там чай и завтракали. В парке на пруду катались с гор и на коньках.

Директор жил рядом с Лицеем в только что отстроенном одноэтажном домике. Над подъездом красовался лицейский герб — сова и лира, эмблемы мудрости и поэзии.

По воскресеньям директор приглашал лицеистов к себе в гости. Их встречала приветливо жена его, родом англичанка. Она



Директор Лицея Е. А. Энгельгардт.

угощала их чаем с вишневым вареньем и, пока они пили и ели, смотрела на них с доброй сентиментальной улыбкой.

На собраниях у Энгельгардта присутствовали близкие его семейству дамы и молодые девицы, жившие в Царском Селе. Директор считал женское общество полезным для молодых людей, так как оно, по его мнению, должно было научить их светскому обращению. На вечерах у директора пели, играли на клавесине. Иногда устраивались танцы.

Всем лицеистам нравился новый директор, и они охотно ходили к нему. Один Пушкин отчего-то чуждался Энгельгардта. Ему не нравилась набожность директора. Доброта его казалась ему напускной. Чинные вечера у директора наводили на него скуку. Он предпочитал общество Чаадаева и гусаров.

С своей стороны и Энгельгардт был о Пушкине дурного мнения. Он с неудовольствием смотрел на его дружбу с гусарами и вольнодумство его считал следствием испорченной нравственности. Стихи Пушкина, в его глазах, были блестящими побрякушками, лишенными внутреннего содержания.

Энгельгардт не оставлял попыток исправить Пушкина — укротить его своеволие и направить его на путь истины.

Бывало, Пушкин засидится у Чаадаева или у других гусаров и опоздает в Лицей. На другое утро директор спрашивает его с особенной вежливостью:

— Хорошо ли провели вчера время, господин Пушкин?

Однако, напрасно он ожидал, что Пушкин сам выразит раскаяние. Пушкин молча сносил «опалу» и каяться не желал.

Это злило директора. Он решил, что Пушкин неисправим.

Составляя нравственную характеристику воспитанников, Энгельгардт так писал о Пушкине:

«Высшая и конечная цель Пушкина — блестеть и именно поэзией. Но едва ли найдет она у него прочное основание, потому что он боится всякого серьезного учения и его ум, не имея ни проницательности, ни глубины, — совершенно поверхностный, французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкине. Его сердце холодно и пусто; в нем нет ни любви, ни религии. Может быть, оно так пусто, как никогда еще не бывало юношеское сердце».

Пушкин угадывал, что о нем думает директор. Он скоро совсем перестал бывать у него.

За директора очень горячо заступился Пущин. Он спорил с Пушкиным, доказывал, что Пушкин несправедлив, уговаривал его помириться с директором.

Однако Пушкина трудно было поколебать в его мнениях. Мысли свои он открывал только вполовину. Длить споры не любил. Если видел, что его не понимают с первого слова, то переводил тотчас разговор на что-нибудь другое.

Директор Энгельгардт хоть и был человек честный и добрый, но ограниченный и притом с предрассудками. Поэтому он и ошибся так жестоко в оценке своего гениального воспитанника. Он считал Пушкина юношей без сердца. А вот какую запись сделал Пушкин в альбом Энгельгардта при окончании Лицея:

«Приятно мне думать, что, увидя в книге ваших воспоминаний и мое имя между именами молодых людей, которые обязаны вам счастливейшим годом жизни их, вы скажете: в Лицее не было неблагодарных. Александр Пушкин».

Пушкин был справедливее и снисходительнее к директору, чем тот к нему.

В те годы, как Пушкин учился в Лицее, шла ожесточенная литературная война. В литературе боролись тогда две партии: приверженцы «старого слога» и старой торжественной поэзии — и последователи знаменитого писателя Карамзина, не признававшие старых «классических» правил и считавшие, что надо писать так, как этого требует свободное «вдохновение». Защитники старины, образовавшие общество «Беседа любителей российского слова», называли своих противников «карамзинистами», а те их «беседистами» или «славяно-россами», так как авторы из «Беседы» наполняли свои произведения церковно-славянскими выражениями, неупотребительными в обыкновенной речи.

В 1815 году «славяно-россы» предприняли решительное наступление против «карамзинистов». Застрельщиком выступил драматург князь Шаховской, самый бойкий и талантливый из «славяно-россов».

В сентябре 1815 года на сцене Малого театра в Петербурге была поставлена его комедия «Липецкие воды», в которой он высмеивал Жуковского, лучшего из поэтов карамзинского направления. Жуковский выведен был здесь под именем сочинителя баллад Фиалкина.

Надо было дать отпор дерзким врагам, на их насмешку ответить насмешкой — и вот один из «карамзинистов» написал статью о некоем «Видении» в арзамасском трактире, в которой насмехался над Шаховским. А затем было основано шутливое общество «Арзамас», куда вошли все «карамзинисты», в том числе и Василий Львович Пушкин, дядя Александра. Эмблемой общества был арзамасский гусь (город Арзамас славился жирными гусями).

Общество «Арзамас» подражало порядкам французской академии. Там академиков было ровно сорок, и новый академик выбирался только если кто-нибудь умирал и освобождал место. Вновь вступивший должен был произнести при этом похвальное слово своему предшественнику.

Но в «Арзамасе» своих покойников не было — все это были люди молодые, которые умирать не собирались. Поэтому «арзамасцы» брали напрокат живых покойников из «славяно-росской» «Беседы» и под видом похвального слова издевались над ними нещадно.

Все члены «Арзамаса» получили шутливые прозвища. Жуковский назывался «Светланой», князь Вяземский — «Асмодеем», а Василий Львович был почтен кличкой «Вот» — за его сатиры и эпиграммы, в которых заключалась угроза врагам: «Вот я вас!»

Но однажды Василию Львовичу случилось прислать в «Арзамас» из Москвы дурные стихи. За это его тотчас переименовали в «Вотрушку». Василий Львович был очень обижен и обратился в «Арзамас» со стихотворным посланием, где указывал на свои прошлые заслуги в борьбе против «славяно-россов». Послание понравилось, и Василию Львовичу было возвращено почетное имя «Вот». Мало того, он был признан «старостой» «Арзамаса», так как был всех старше возрастом.

Пушкина-племянника все «арзамасцы» уже знали. Знали и по его напечатанным произведениям и по тем стихам, которые сообщали отец его Сергей Львович и дядя Василий Львович. Василий Львович очень гордился своим племянником и однажды прочел его стихи на заседании общества российской словесности в Москве.

«Арзамасцы» видели в молодом Пушкине сильного союзника в военных действиях против «славяно-россов» и, не дожидаясь, пока он окончит Лицей, заранее приняли его в «Арзамас». Ему было дано имя «Сверчок», так как он, подобно сверчку, подавал голос из своего угла — из Лицея.

Пушкин нетерпеливо ждал той минуты, когда он явится на собрание «Арзамаса» и произнесет свою стихотворную речь, для которой уже намечал себе жертву из числа «беседистов».

Он писал поэту князю Вяземскому в марте 1816 года:

«Целый год еще плюсов и минусов, прав, налогов, высокого и прекрасного! Целый год еще дремать перед кафедрой! Это ужасно... Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погребать беседу губителей российского слова!»

18. ЗНАКОМСТВО С ПИСАТЕЛЯМИ

Первые писатели того времени интересовались Пушкиным, как будущим своим собратом.

В декабре 1814 года его навестил поэт Константин Николаевич Батюшков, двадцатисемилетний офицер, только что вернув-

шийся из заграничных походов. Пушкин лежал тогда больной в лазарете. Батюшков провел с ним целый день — расспрашивал о его литературных планах, читал ему свои новые стихи, рассказывал о гибели своего друга Петина в сражении под Лейпцигом.

Весной 1815 года в Лицее неожиданно появился Жуковский. Он был в гостях у старой императрицы Марии Федоровны в Павловске и пришел оттуда пешком в Царское Село, чтобы увидеться с Пушкиным, которого знал в Москве еще мальчиком.

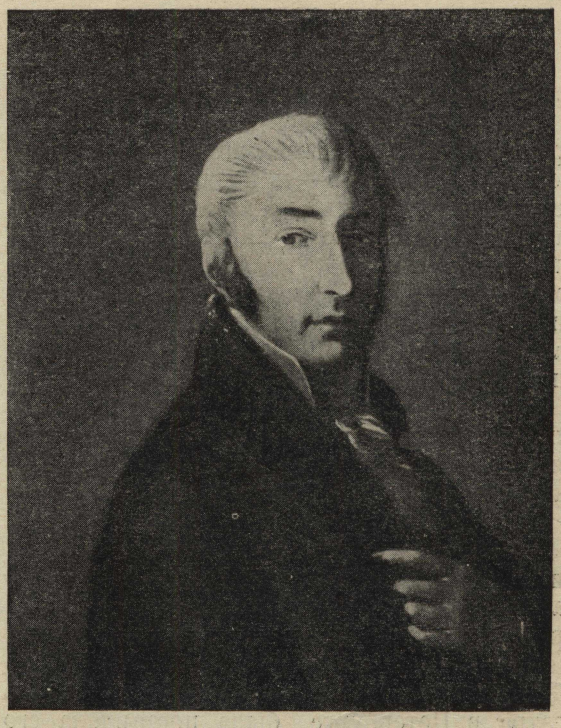
Когда Жуковский, поздоровавшись с окружившими его лицеистами, подошел с дружеской улыбкой к Пушкину и протянул ему руку, тот смешался и долго не мог вымолвить ни слова.

В то время печатался первый сборник стихотворений Жуковского, и он обещал подарить Пушкину книжку, как только она будет получена из типографии.

Пушкин с гордостью записал в своем дневнике: «Жуковский дарит мне свои стихотворения».

Жуковский был старше Пушкина на 15 лет. Он был знаменитый поэт. Его «Светлану» и «Певца во стане русских воинов» все знали наизусть. Однако с Пушкиным он держался почти на равных правах. Жуковский говорил потом, что при первом же знакомстве его удивила в Пушкине ранняя зрелость ума. Пушкин проказил иногда, как ребенок, но судил о вещах совершенно как взрослый.

Сам Николай Михайлович Карамзин, глава новой литературной школы, удостаивал Пушкина своим вниманием. Карамзин проводил в Царском Селе лето 1816 года. Он



Николай Михайлович Карамзин.

жил в Китайской деревне около дворца, вместе со своим семейством. Пушкин почти ежедневно бывал у Карамзина.

Карамзин занят был тогда печатанием своей «Истории государства российского». На столе его лежали корректуры первого тома. Русская история тогда была почти неизвестна, и Пушкин слушал с жадным любопытством, когда старый историк прочитывал ему отрывки из своего труда.

19. „ШЕСТЬ ЛЕТ ПРОМЧАЛОСЬ, КАК МЕЧТАНЬЕ"

Проходила последняя зима — приближалось время прощания с Лицеем. От успехов в учении зависела дальнейшая карьера. Кто лучше учился, тот выпускался офицером в гвардию или, если он выбирал гражданскую службу, получал чин «титулярного советника». Остальные поступали в армию или получали чин «коллежского секретаря».

Все толковали о выборе карьеры. Даже Пущин беспокоился, попадет ли он в гвардию. Товарищи распевали о нем в своих «национальных» песнях:

Не тужи, любезный Пущин,
Будешь в гвардию ты пущен.

Один только Пушкин как будто ни о чем и не думал. Когда его спрашивали, куда он пойдет: в военную или в гражданскую службу, он только лукаво улыбался или отвечал шуткой. Карьера была им давно выбрана — это была карьера поэта.

В послании к товарищам Пушкин писал:

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас света дальний шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волненьем пылких, юных дум...
Лишь я, судьбе своей послушный,

Счастливой лени верный сын,
Всегда беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один.
Равны мне писари, уланы,
Равны мне каски, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассесора...

Кончились экзамены, а затем 9 июня 1817 года был выпускной акт. Он прошел тихо и скромно — без той пышности, с какой совершилось открытие Лицея, когда присутствовала вся царская фамилия, весь зал был заполнен вельможами в орденах и лентах и профессор Куницын произнес свою горячую, вдохновенную речь.

В тот же зал, где праздновалось открытие Лицея, пришел царь. На этот раз его сопровождал только новый министр народного просвещения — хитрый и пронырливый князь Александр Голицын, лицемер и ханжа, отъявленный мракобес, президент Библейского общества. Да и царь был не тот — он постарел, осунулся, под глазами появились мешки...

Энгельгардт прочел коротенький отчет за шесть лет учения. Конференц-секретарь Куницын огласил высочайше утвержденное постановление о выпуске. После этого лицеистов, в порядке их успехов, представляли царю. Первым был представлен Вальховский; вторым — князь Горчаков; последними — Пушкин, Броглио, Дельвиг, Мясоедов и Константин Данзас.

Директору очень хотелось, чтобы царь прослушал прощальную песню лицеистов, сочиненную Дельвигом и положенную на музыку преподавателем Теппер-де-Фергюсоном.

Но царь, сказав несколько напутственных слов воспитанникам, удалился, взяв под руку князя Голицына.

Лицеисты пропели свою песню одни — только в присутствии директора и нескольких профессоров.

Они пели:

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!..
Мы дали клятву: все родимой,
Все без раздела — кровь и труд!
Готовы в бой неколебимо,
Неколебимо — правды в суд...
Простимся, братья! Руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!
Друг на друге остановите
Вы взор с прощальною слезой!
Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой,
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде—да, неправде—нет,
В несчастьи — гордое терпенье,
И в счастьи — всем равно привет!
Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

Энгельгардт роздал на память чугунные кольца с лицейским гербом. При этом он плакал и целовал каждого.

А затем начался разъезд. Все было вверх дном в дортуарах: везде валялись вещи, чемоданы, ящики.

В комнате 14 стоял один только скромный сундучок. Он был битком набит книгами. Книги все там не поместились — они лежали еще на кровати, на табуретке, на конторке. На полу разбросаны были разорванные клочки бумаги — черновики стихотворений.

Пушкин лениво укладывал свой сундучок. Как ни хотелось ему раньше вырваться из Лицея, а все же грустно было расставаться и с друзьями, и с парком, и со своей тихой кельей.

Пушкин, Дельвиг, Кюхля обошли в последний раз все здание Лицея, заглянули в классы. Потом долго гуляли, обнявшись, по парку.

Пущин был болен и лежал в лазарете. Пушкин простился с ним. Он спешил в Петербург, а затем в Михайловское, где его ожидали родные. Пущин уже не застал его, когда приехал в Петербург.

ЛАСАРИЛЬО ДЕ ТОРМЕС

Его удачи и злоключения

СТАРИННАЯ ИСПАНСКАЯ ПОВЕСТЬ

Перевод с испанского и обработка Э. ВЫГОДСКОЙ

Рисунки М. ЛЕЛУАРА



Рассказ третий

Как Ласарильо поступил в слуги к дворянину, и чем это кончилось

С помощью добрых людей я потихоньку добрался до славного города Толедо. Недели через две зажила моя рана. Пока я ходил в перевязках, мне еще подавали кой-какую милостыню, но едва только вылечился, — все стали говорить:

— Ты уже здоров, бездельник! Не ленись, ищи себе хозяина.

«А где его найдешь? — думал я. — Господь не позаботился сотворить по хозяину для каждого слуги».

Я бродил от одной двери до другой, едва волоча ноги, но подавали мне самую малость. И тут случай столкнул меня с одним дворянином.

Дворянин шел по улице степенным шагом, прилично одетый и хорошо причесанный. Он посмотрел на меня, а я на него, я поклонился, а он спросил меня:

— Чего тебе надо, мальчик? Не ищешь ли ты службы?

— Да, ваша милость! — ответил я.

— Если так, то ступай за мной! — сказал дворянин, — и благодари бога, что он послал тебе навстречу меня. Должно быть, ты сегодня хорошо помолился.

Я пошел за дворянином, радуясь в душе и благодаря бога. И по платью своему и по повадке дворянин показался мне именно тем хозяином, какой мне был нужен.

Было еще утро, и мой новый господин повел меня за собою через весь город. Мы проходили мимо рынков, где продавали хлеб, мясо, рубцы, печонку, горячие пирожки, груши, тыквы, апельсины. Я только и ждал, что вот-вот хозяин остановится перед лавкой и нагрузит меня разной снедью — время было как раз такое, когда обыкновенно запасаются провизией к обеду. Но мой дворянин, все ускоряя и ускоряя шаг, проходил мимо рынков.

Во втором и третьем номерах „Костра" фамилия художника напечатана неправильно. Его фамилия Лелуар, а не Делуар.

«Должно быть, он не находит здесь ничего по своему вкусу, — подумал я, — и хочет купить все, что ему нужно к обеду, в другом месте».

Так ходили мы с ним по улицам, пока не пробило одиннадцать часов. Тогда хозяин вошел в собор, и я вслед за ним. Терпеливо выстоял мой хозяин всю обедню и не ушел, пока служба не кончилась и народ не стал расходиться. Тогда и мы вышли из собора и быстрым шагом пустились обратно через весь город.

Я бежал вслед за хозяином и даже радовался тому, что мы не задерживаемся перед лавками. «Какой заботливый сеньор мне попался: наверно, у него все уже давно закуплено и лежит наготове дома!» — думал я.

А есть мне хотелось до смерти, да и бедный мой желудок не на шутку нуждался в подкреплении.

На башне пробило час пополудни. В эту самую минуту мы подошли к дому, перед которым мой дворянин остановился. Сбросив с плеча плащ, он вынул из рукава ключ и отпер низкую калитку. Вход был такой темный и мрачный, что мне даже стало страшно, но когда мы вышли из-под свода ворот, нам открылся небольшой, чистый дворик, окруженный галереей. Комнаты оказались довольно светлыми, но только совсем пустыми.

— Чистые ли у тебя руки, мальчик? — спросил хозяин.

— Чистые, ваша милость! — ответил я.

— Встряхни этот плащ и сложи его хорошенько!

Мы вдвоем встряхнули плащ. Хозяин сдул начисто пыль со скамьи, положил на нее плащ и после этого сел на скамью сам.

— Откуда ты родом, мальчик, и как попал в этот город? — спросил хозяин.

Я стал рассказывать ему свою жизнь во всех подробностях и говорил очень долго,— дольше, чем мне того хотелось. А сам все время думал, что в эту пору дня лучше было бы собирать на стол да подавать суп, чем заниматься разговорами. Но все же я старался отвечать на вопросы хозяина как можно добросовестнее. Я, правда, промолчал о некоторых своих недостатках, но зато вдвое приукрасил достоинства.

После этого мы немного посидели молча. Хозяин не вставал с места сам и меня ни за чем не посылал. Я видел в этом плохую примету: было уже почти два часа дня, а мой дворянин заботился о пище не более, чем покойник. Я стал рассматривать ком-



нату; входная дверь была заперта на ключ, и нигде в доме, ни рядом, ни сверху, не было слышно шагов живого человека. Я видел одни только голые стены; в комнате не было ни стула, ни стола, ни табуретки, ни даже деревянного сундука, какой был у моего второго хозяина, попа. Дом казался заколдованным.

Помолчав, дворянин спросил:

— Ты уже поел сегодня, мальчик?

— Нет, сеньор! — с живостью ответил я. — Когда я встретил вашу милость на улице, не было еще восьми часов утра.

— А я уже позавтракал до той поры, хоть и было рано, — сказал хозяин. — Надо тебе сказать, что, закусив рано утром, я до вечера обхожусь без еды. Тебе придется немного потерпеть, ужинать мы сегодня будем поздно.

При этих словах хозяина я едва не лишился чувств, — не столько от голода, сколько от огорчения. Как неизменно враждебна ко мне судьба! Снова вспомнились мне все мои беды, и я стал заранее оплакивать предстоящие мне новые лишения. Вспомнил я, как долго не решался уйти от



попа, хоть был он и зол и скуп; как боялся попасть к хозяину еще худшему. Думая об этом, я в душе проливал слезы над своим нерадостным прошедшим и заранее оплакивал печальный и близкий конец бедного Ласарильо, но, желая понравиться хозяину, я утаил от него свои печальные мысли и сказал бодро:

— Я еще очень молод, сеньор, и потому не слишком забочусь о еде. Среди моих сверстников я всегда отличался самым нетребовательным желудком. За это меня постоянно хвалили все хозяева, у которых я служил.

— Прекрасная добродетель! — сказал мой дворянин. — За это и я тебя буду любить, мальчик. Только свиньи жрут, не зная меры; человек должен быть умерен в еде.

«Понимаю, понимаю тебя, хитрец! — сказал я про себя. — Да будь она проклята, эта добродетель, которую все хозяева почему-то ищут в своих несчастных слугах».

Я сел на пол в уголку у двери и вытащил из-за пазухи несколько кусков хлеба. К счастью, я успел их выпросить Христа ради еще до встречи с новым хозяином. Мой дворянин увидел у меня в руках хлеб и сказал:

— Что это ты ешь, мальчик? Поди-ка сюда!

Я подошел к нему и показал хлеб. Всего было у меня три куска. Хозяин выбрал себе самый большой и самый свежий и сказал:

— Клянусь жизнью, этот хлеб на редкость хорошо испечен!

— Не так уж хорошо, сеньор, — сказал я.

— Нет, нет, прекрасный хлеб! — сказал хозяин. — Где ты его достал? Чистыми ли руками его месили?

— Не могу ручаться, сеньор, — ответил я, — только мне этот хлеб вполне по вкусу.

— Итак, да поможет нам господь, — сказал мой бедный хозяин, поднося хлеб ко рту и впиваясь в него зубами не менее яростно, чем я в свой кусок.

— Клянусь честью, это очень вкусный хлеб! — сказал хозяин.

Тут я понял, на какую ногу хромает этот важный сеньор.

«Не зевай Ласарильо! — сказал я себе.— Если хозяин прикончит свой кусок раньше тебя, придется поделиться с ним и остальным хлебом!»



Не глядя друг на друга, мы с хозяином принялись работать зубами изо всех сил и доели хлеб в одно и то же время. Дожевав последнюю корочку, хозяин собрал все крошки со своего бархатного камзола и высыпал их себе в рот. Потом пошел в соседнюю комнату, принес оттуда старый кувшин с отбитым горлышком, отпил из кувшина сам и предложил мне.

Тут мне захотелось показать хозяину свою умеренность.

— Нет, сеньор, я вина не пью, — сказал я.

— Это вода, — объяснил хозяин. — Пей смело, мальчик!

Я взял кувшин и отпил немного. После такого обеда жажда меня не слишком мучила.

До позднего вечера мы просидели с хозяином в пустой комнате. Он расспрашивал меня о разных вещах, а я отвечал ему как умел.

Потом хозяин повел меня в соседнюю комнату и сказал:

— Посмотри, Ласаро, как стелют у меня постель. В другой раз ты должен сам уметь ее постелить.

Я стал у одного конца скамьи, хозяин — у другого, и мы с ним вдвоем приготовили постель. Готовить, в сущности, было нечего: на голую скамью мы положили камышевую плетенку, а на плетенку — слежавшийся тюфяк, больше похожий на седло, чем на тюфяк. Он был так тощ, шерсти в нем было так мало, что, сколько мы ни взбивали его, он не стал мягче. Из жесткого, как известно, трудно сделать мягкое. Мы положили тюфяк на плетенку, и тут все прутья плетенки проступили сквозь него, как ребра у чересчур тощей свиньи. На тощий тюфяк мы положили не менее тощую по-

душку. В конце концов постель была готова. К тому времени совсем уже стемнело, и хозяин мне сказал:

— Уже ночь, Ласаро, а от нас до рынка очень далеко. К тому же в этом городе много воров, и ходить по ночам здесь опасно. Потерпи как-нибудь до утра, а утром, с божьей помощью, мы займемся своим хозяйством. До сих пор я, признаться, не



заботился о припасах, потому что жил один и не обедал дома. Зато теперь уж мы устроимся как следует.

— Сеньор! — сказал я, — пускай ваша милость не беспокоится обо мне. Я могу провести без пищи и ночь и две, если понадобится.

— Прекрасное качество! — сказал мой хозяин, — и очень полезное для здоровья. Ты ведь знаешь правило: кто меньше ест, тот дольше живет.

«Если так, то я, значит, никогда не умру», — подумал я. Это злосчастное правило я всегда строго соблюдал и боюсь, что мне придется остаться верным ему всю жизнь.

Мой дворянин лег в постель, подложив себе под голову панталоны и куртку, а мне приказал лечь у него в ногах. Я лег, но кто-то проклял, должно быть, мой сон: прутья плетенки и мои худые ребра всю ночь воевали друг с другом и не давали мне уснуть. Ведь от болезни, лишений и голода на костях у меня к тому времени не осталось ни фунта мяса. К тому же в тот день я почти ничего не ел, а сон не идет к тому, кто лег голодным. Я лежал тихо, боясь пошевельнуться, чтобы не разбудить хозяина, и проклинал свою несчастную судьбу.

На утро мы поднялись рано, и хозяин мой принялся трясти, чистить и выколачивать свои панталоны, куртку, камзол и плащ. Я усердно помогал ему, а потом подал воду для умывания. Хозяин оделся, тщательно причесался, еще раз отряхнул плащ и, наконец, продел в портупею свою шпагу.

— Ты не знаешь, Ласаро, что это за шпага! — сказал он. — Я не отдам ее ни за какие сокровища в мире. Из всех толедских клинков, которые сделал знаменитый мастер Антонио, это — лучший. Посмотри!

Дворянин вытащил свою шпагу из ножен и провел пальцем по клинку.

— Полюбуйся, Ласаро! Этой сталью я могу проткнуть насквозь самую толстую кипу шерсти!

«А я своими зубами, хоть они и не стальные, берусь прокусить каравай хлеба в четыре фунта!» — подумал я про себя.

Хозяин сунул шпагу в ножны, опоясался, надел шляпу и обернул запястье четками. Потом, выпрямившись и гордо откинув назад голову, направился к выходу. Полу плаща он перебросил через левое плечо и уперся в бок правой рукой. Так мой хозяин вышел на улицу. На прощанье он мне сказал:

— Я иду слушать мессу, Ласаро. Ты присмотри здесь за домом, застели постель, принеси кувшин воды с реки. Да не забудь запереть дверь на ключ, не то нас могут обокрасть. Ключ повесишь вот тут, на крючок, чтобы я мог найти его, если приду раньше тебя.

И мой хозяин пошел вдоль по улице с таким благородным видом и важной осанкой, что его можно было бы принять за бли-



жайшего родственника самого графа Аркоского или, по крайней мере, за графского камердинера.

«Как хорошо все устроено в мире! — подумал я. — На каждую болезнь есть свое лекарство. Кто, встретившись с моим дворянином, не подумает, что он сытно поужинал с вечера, выспался на мягкой постели и успел уже сегодня отлично позавтракать?

Кого не обманет это приличное платье, щегольской плащ и гордый вид? Кто поверит, что этот благородный господин ничего не ел за ужином, кроме сухого нищенского куска хлеба, который его слуга Ласарильо вчера выпросил на улице и весь день таскал за пазухой? Кто поверит, что сегодня утром, вымыв лицо и руки, этот дворянин утерся полой своего плаща, так как у него нет полотенца? Никто, конечно, и не подозревает об этом. И сколько на свете таких же, как он, безрассудных людей, которые готовы вытерпеть что угодно во имя своей глупой чести!»

С такими мыслями я стоял у двери и смотрел, как мой хозяин, гордо подпершись рукой, идет вдоль длинной, узкой улицы. Потом я вернулся в дом и быстро обшарил его от чердака до погреба, но ничего не нашел. Тогда я застелил жалкую хозяйскую постель, взял кувшин и побежал на реку. Возле реки, сквозь ограду одного из садов, я увидел своего господина. Он гулял по саду с двумя нарядными дамами и, видно, говорил им какие-то любезности.

Я пошел своей дорогой, набрал воды в кувшин, а потом стал искать, чего бы поесть. По пути я подобрал несколько капустных кочерыжек и с жадностью съел их. Больше ничего мне на этот раз найти не удалось. Побродив по улицам, я вернулся домой, поставил кувшин на место и хотел





было подмести комнаты, но не нашел метлы. Тут я стал думать, чем бы мне заняться. В пустом доме делать мне было ровно нечего. Я сел на скамью и стал дожидаться своего господина. Может быть, он к полудню придет и, на счастье, принесет чего-нибудь поесть? Но хозяин мой не возвращался. Пробило два часа, а его все не было. Тогда я запер дверь, повесил ключ на крючок в указанном месте и снова пошел на улицу. Дольше я уж не мог терпеть голод. Сложив руки на груди и подняв глаза к небу, я начал тихим и слабым голосом просить подаяния у дверей чужих домов.

Эту науку я всосал с молоком матери, — я хочу сказать, что мой великий учитель— слепой — был мне матерью в этом ремесле. На городских часах еще не пробило четырех часов, как у меня уже было добрых четыре фунта хлеба в брюхе да еще два в рукавах и за пазухой. И это несмотря на то, что народ в этом городе был не слишком щедр, а год выдался неурожайный. Наконец, я побежал домой и по дороге еще успел попросить милостыню в рядах, где продают мясные обрезки. Одна добрая женщина, пожалев меня, подала мне вареное телячье копыто и немного требухи.

Когда я вернулся, мой дворянин был уже дома. Его плащ лежал на скамье, бережно сложенный, а сам дворянин шагал взад и вперед по внутреннему дворику. Когда я вошел, он сразу ко мне повернулся. Я думал, хозяин станет бранить меня за то, что

я пропадал так долго. Но хозяин и не подумал меня бранить. Он только спросил, где я был.

— Сеньор, — ответил я, — я сидел дома до двух часов и ждал вас, а ваша милость все не приходили. Тогда я пошел по городу и попросил еды у добрых людей. Вот что они мне дали.

И я показал хозяину вареную требуху и хлеб. Мой дворянин нисколько не рассердился.

— А я ждал тебя к обеду, — небрежно сказал он, — не дождался и пообедал без тебя. Ты правильно поступил, Ласаро, ибо лучше просить, чем красть. Только смотри, чтобы никто не узнал, что мой слуга просит милостыню, — от этого может пострадать моя честь. Надеюсь, это останется тайной; к счастью, никто не знает меня в этом проклятом городе, — лучше бы я его никогда не видал!

— Не беспокойтесь, сеньор, никто не узнает, — ответил я. — А если кто и спросит меня не к месту, то и я отвечу невпопад.

— Вот и хорошо. Ну, а теперь ты можешь есть свою добычу, грешник. Надеюсь, Ласаро, мы скоро с тобой разбогатеем. До сих пор мне все не было удачи; я думаю, это потому, что дом мне попался такой несчастливый. Может быть, он построен на заклятой земле... Есть же такие дома, — они приносят несчастье тому, кто в них поселится. Жаль, что я заплатил за него вперед. Но едва только кончится месяц — мы с тобой уйдем отсюда. Пускай этот дом хоть даром мне отдают, — я не останусь!

Выслушав сетованья хозяина, я сел на краешек скамейки, вынул хлеб, требуху и начал есть. Украдкой я посматривал на несчастного сеньора, а он не сводил глаз с полы моей куртки, на которой я, вместо скатерти, разложил снедь. Мне было очень жалко моего хозяина, я-то хорошо знал, что чувствует он в эту минуту, так как и мне не раз случалось испытывать то же самое. Я бы охотно предложил ему поесть вместе со мной, но боялся, что он откажется: ведь хозяин всего несколько минут назад похвастался, что уже успел пообедать. А как бы славно он мог подкрепиться!.. На этот раз у меня закуска была получше, чем вчера, и сам я не так был голоден, как накануне.

Должно быть, мой дворянин думал в это время то же, что и я. Едва я принялся за еду, как он перестал шагать по двору и подошел ко мне.



— Знаешь, Ласаро, — сказал он, — ты с таким аппетитом ешь, что всякому, кто смотрит на тебя, твоя еда кажется очень вкусной и заманчивой, даже если человек плотно пообедал.

«Это не мой аппетит, а твой делает мою еду заманчивой!» — подумал я.

Но мне хотелось выручить беднягу, и я сказал:

— На хорошей дудке всякий сыграет хорошо. Этот хлеб, сеньор, достаточно свеж, а телячье копыто прекрасно сварено: я уверен, они придутся по вкусу кому угодно.

— Это телячье копыто?

— Да, сеньор, телячья ножка с копытом.

— А знаешь, Ласаро, ведь это самое мое любимое кушанье. Я не променял бы его даже на жареную индейку!

— Отведайте, сеньор, и вы увидите, что это действительно очень вкусно.

Я сунул хозяину в руку четыре куска белого хлеба и телячье копыто. Он уселся рядом со мной на скамью и стал есть, обгладывая каждую косточку не хуже, чем это сделала бы его борзая.

— Да, — сказал мой дворянин, — вот с луковым соусом это было бы необыкновенное кушанье.

«Твой аппетит лучше любого соуса», — подумал я.

Кончив есть, мой хозяин вытер губы.

— Право, Ласарильо, — сказал хозяин, — я с таким удовольствием закусил сейчас, словно с утра у меня во рту не было ни крошки!..

«Пошли мне господь столько хороших дней, сколько правды в этих словах!» — подумал я.

Я подал хозяину кувшин с водой.

Мы запили вареную телятину и завалились спать, очень довольные закуской и друг другом.

(Продолжение следует)



ЯН ЛАРРИ *Иллюстрации С. ПЕТРОВИЧА*

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАРИКА И ВАЛИ

ПОВЕСТЬ

Глава III

Стрекоза летела, шумя прозрачными, жесткими крыльями. Она рассекала воздух с такой быстротой, что ребята едва-едва держались на ее суставчатом теле. Карик сидел впереди, Валя — сзади.

Упругий ветер мчался навстречу, рвал волосы, пронзительно свистел в ушах.

Он бил в лицо, слепил глаза.

Дышать было трудно.

Крепко вцепившись в стрекозу, обхватив ее руками и ногами, ребята сидели ни живы, ни мертвы.

— Карик!

— Молчи! Упадем! — крикнул Карик и чуть не задохнулся от ветра. Ребята пригнули головы к самой спине стрекозы, но и это не помогало. Ветер дул так сильно, будто хотел сбросить их вниз. Тогда они вытянулись во весь рост и, лежа на животе, еще крепче уцепились за стрекозу. Ветер сразу ослабел. Теперь можно было открыть глаза и оглядеться по сторонам.

Не поднимая головы, Валя крикнула Карику:

— А ведь так совсем не страшно!

Сквозь шум ветра Карик услышал только одно слово: «страшно». Он чуть обернулся назад и сказал как можно громче и спокойнее:

— Ничего, держись крепче!

А стрекоза мчалась, то взлетая на воздушные горы, то стремительно скатываясь вниз. Мимо, как встречные поезда, проносились, обдавая ребят ветром, огромные, крылатые звери. Но они пролетали так быстро, что нельзя было даже понять, кто они такие. Птицы? Пчелы? Стрекозы?

Внезапно впереди что-то зажужжало, завыло. Откуда-то снизу вынырнуло волосатое, круглое животное. Поджав под себя мохнатые ноги, оно с гудением мчалось вперед, бросалось из стороны в сторону, проваливалось и опять появлялось, сверкая на солнце зеленоватыми крыльями.

— Кто? — спросила Валя.

— Муха! Только очень большая! Как под микроскопом!

Расстояние между мухой и стрекозой становилось все меньше и меньше. Теперь и Валя узнала муху. Она была такая большая, как ее рисуют на плакатах «Берегись мух — они распространяют заразу».

Но не успела Валя подумать о том, какую же заразу несет встречная муха, как та вильнула в сторону и понеслась куда-то вниз.

Тут стрекоза повернула, точно на стержне, свою огромную голову вправо, влево, вверх, вниз, сверкнула голубовато-зелеными хрусталиками огромных глаз и кинулась вслед за мухой.

— Ай! — закричала Валя, хватая Карика за ногу.

— Держись!

Начались крутые повороты, подъемы, спуски. Преследуя муху, стрекоза то камнем падала вниз, то описывала петли, то скользила боком и, наконец, налетев на муху, вытянула огромные, покрытые шипами клещи.

— Ж-ж-ж-ж! — отчаянно затрещала муха.

Клещи сомкнулись.

Хлоп!

Хлоп!

И на землю полетели, кружась в воздухе, крылья и ноги несчастной мухи.

Снова щелкнули сильные, крепкие клещи. Они скомкали, смяли, сплющили муху в лепешку и сунули ее в широкий черный рот.

Карик и Валя молча взглянули друг на друга и тихонько вздохнули.

Но тут вдруг совсем рядом с ними затанцовали в воздухе огромные цветные крылья. На концах крыльев темнели крупные, бархатные пятна. По краям тянулись яркие, ровные полосы, будто кайма.

Подлетев ближе, ребята увидели на крыльях красивую чешую, покрытую цветной, пушистой пылью. Крылья бестолково кружились в воздухе, трепетали, точно паруса на ветру.

— Только крылья?—удивилась Валя, — а где же он сам? Который машет? Ты видишь его?

Крылатый танцор как будто услыхал Валин голос. Он повернулся к ребятам, и они увидели длинные усы и вытянутое, похожее на полосатый дирижабль, тело.

Шевеля огромными усами, красивый плясун неловко подпрыгивал в воздухе, хлопая мягкими крыльями.

Но вот он заметил стрекозу и засуетился. Он хлопнул крыльями раз, другой, потом сложил их и начал стремительно падать вниз — туда, где быстро мелькали леса, поля и озера.

Но уйти от стрекозы ему не удалось.

Она ринулась за ним, ударила его с налета грудью, отбросила в сторону. Плясун перевернулся в воздухе; стрекоза схватила его, свернула ему голову и, оборвав крылья, сожрала в один миг.

— Кого это она?

— Бабочку! — крикнул сквозь шум ветра Карик, — кажется, бабочку!

Стрекоза, видно, была в этот день очень голодна.

Скоро она догнала еще одну муху, еще одну бабочку — на этот раз белую с голубыми пятнами, потом комара.

— Здорово! — закричал Карик, — вот жрет-то! Ну и обжора!

По небу ползли облака. Время от времени они заслоняли солнце, и тогда землю покрывали холодные, синие тени.

И тут ребята с удивлением заметили, как странно ведет себя стрекоза, когда облака набегают на солнце.

Лишь только солнце пряталось, стрекоза становилась какой-то вялой и медленно, как планер, скользила вниз.

Но стоило солнцу выглянуть из-за туч, стрекоза оживала. Легкий взмах крыльев— и она снова взлетала вверх, снова принималась за охоту.

— Карик! — крикнула Валя, — замечаешь, что с ней делается?

— Ни-и-че-его не слы-ышу-у! — ответил Карик.

Но тут в погоне за новой бабочкой стрекоза сделала резкий, крутой поворот.

Валя соскользнула со спины стрекозы и непременно полетела бы вниз, если бы не успела ухватиться за ноги Карика.

— По. . .помоги! — закричала Валя.

Но Карик уже и сам еле держался на стрекозе. Валя тянула его вниз, как тяжелая гиря. Напрасно старался он удержаться, напрасно хватался руками за жесткие стрекозиные бока.

Руки его одеревенели.

— Больше не могу! — закричал Карик.

Он взглянул вниз и увидел синюю поверхность огромного озера.

Тут Карик закрыл глаза. Руки скользнули последний раз по шершавым бокам стрекозы.

Ребята полетели вниз.

Несколько раз небо и земля поменялись местами.

Небо.

Земля.

Небо.

Земля.

У-ух!

Взметнув фонтаны брызг, ребята врезались в воду и пошли ко дну. Но сейчас же их пробкой выбросило обратно на поверхность. Они отчаянно били по воде руками и ногами. Они кружились на одном месте, ничего не соображая. Наконец, Карик пришел в себя.

— Надо плыть к берегу! — сказал он.

— А где берег? — спросила Валя.

Карик мотнул головой в ту сторону, где вдалеке виднелась высокая зеленая стена леса.

— Доплывем? — спросила Валя.

— Доплывем! Только не торопись. Как устанешь — скажи. Будем отдыхать на спинке.

Они поплыли к берегу, поднимая брызги, фыркая и отдуваясь.

Вдруг Валя вскрикнула:

— Смотри! Кто это? Прямо на нас бежит!

Какое-то странное животное скользило по воде на высоких, полусогнутых ногах.

— Кто?

— Не знаю! — шепнул Карик.

— Кусается?

— Не знаю! Немного похоже на водомерку. Только гораздо, гораздо больше.

Широко расставив длинные ноги, животное, точно конькобежец, мчалось по зеркалу воды, ловко перепрыгивая с разбега через водяные растения.

Коньки-поплавки оставляли на воде волнистый, еле заметный след. Водомерка-великан приближалась с невероятной быстротой. Бурое тело, покрытое снизу беловатыми волосками, слегка покачивалось на ходу. Большие шарообразные глаза пристально смотрели на ребят.

На крутых поворотах водомерка откидывала назад и в стороны задние ноги и тянула их за собой, слегка поворачивая то вправо, то влево. Видно, они служили ей рулем.

И вдруг водомерка заметила Карика и Валю. Она прибавила ходу и подкатила прямо к ребятам.

— Ай! — закричала Валя.

А водомерка мотнула головой и подняла вверх длинный, острый, точно копье, хобот. Он был, словно ржавчиной, покрыт засохшей кровью. Конец его дрожал, как растянутая стальная пружина.

— Она убивает этим! — крикнула Валя.

Водомерка надвинулась еще ближе, приподняла над водой передние ноги и нацелилась своим копьем прямо в Валю.

Но тут Карик схватил Валю за руку и потянул под воду.

Ребята нырнули.

Водомерка растерянно повела по сторонам своими круглыми выпуклыми глазами. Она ничего не понимала. Ведь только что добыча была под самым ее носом — и вдруг...

Что же это значит?

Водомерка еще раз посмотрела по сторонам и, прижав хобот к белому брюшку, помчалась дальше, скользя по водяной пленке, точно по льду.

Ребята, фыркая и отплевываясь, вынырнули из воды.

— Где она? — спросила Валя шопотом.

— Не знаю, — так же тихо ответил Карик, — кажется, укатила.

Некоторое время ребята плыли молча, боязливо оглядываясь по сторонам. Все выше и выше поднималась у них перед глазами зеленая стена леса. Берег был уже близко.

И вдруг Валя почувствовала, что зацепилась за что-то левой ногой. За какие-то спутанные веревки. Она дернулась раз — держит, дернулась посильней, но веревки опутали пальцы, обмотали всю ногу почти до колена. Валя попробовала сбросить их правой ногой, но тотчас же сотни тонких веревок оплели и эту ногу.

— Ну, что ты там? — обернулся к ней Карик, — плыви скорей!

— Сети! — крикнула Валя, — меня кто-то держит! Какие-то сети под водой...

Карик, фыркая, вернулся обратно и протянул Вале руку.

— Давай, хватайся!

Но не успел он дернуть Валю за руку, как почувствовал, что и его ноги попали в крепкие сети.

Ребята изо всех сил захлопали по воде руками. Брызги полетели во все стороны.

Вода под руками у них бурлила как в котле. Они вертелись и бились, точно пойманные рыбы.

— Сильнее! Сильнее! Не поддавайся, Валя!.. — кричал Карик.

Но все было напрасно. Сдвинуться с места ребята не могли. Крепкие, липкие сети опутывали теперь уже не только ноги, но и все тело.

Карик и Валя выбивались из сил. Они с трудом подымали отяжелевшие руки и тотчас же беспомощно роняли их на воду.

Минута, другая — и вода сомкнулась у них над головами.

Захлебываясь и пуская пузыри, ребята все глубже и глубже погружались в воду.

И вдруг чьи-то крепкие, упругие щупальцы скользнули по их рукам и ногам. Щупальцы вырвали ребят из сетей и потащили куда-то вниз на дно.

Ребята захлебывались противной, теплой водой.

Перед глазами поплыли желтые, рябые круги. В ушах запело, зазвенело тоненько, тоненько:

— Ти-и-и-ить!

Еще секунда — и ребята задохнулись бы, но в это время что-то с силой подбросило их вверх, и легкие их сразу наполнились воздухом.

Глубоко вздохнув несколько раз, Карик открыл глаза. Он увидел испуганное, бледное лицо Вали, какие-то мохнатые лапы и черную воду внизу. В полумраке он с трудом разглядел темные своды норы, похожей на колокол водолаза.

Валя что-то кричала. Она широко открывала рот. Но Карик ничего не слышал, ничего не понимал.

Внизу под ногами ребят забурлила черная вода. Она вздулась горбом. Горб лопнул, и показалась медленно всплывающая жирная, огромная туша. Потоки воды скатывались по круглым бокам вниз. Потом рядом с туловищем появились мохнатые ноги и еще ноги, и, наконец, ребята увидели паука-великана. Он покачивался на воде и посматривал на ребят холодными, злыми глазами.

Восемь маленьких блестящих глаз смотрели на ребят, стерегли каждое их движение.

Карик и Валя прижались к стене, но паук вытянул щупальцы, схватил их и так стиснул, что они даже не могли крикнуть.

Чудовище перевернуло ребят вниз головами, потом быстро, быстро завертело, закружило их... В глазах у них сразу стало темно, а в ушах зазвенело.

Ребята потеряли сознание.

ГЛАВА IV

На вершине зеленого холма стоял профессор Енотов.

Белый костюм профессора был измазан смолой и глиной. Галстук съехал набок. Шляпа была помята. Из густой бороды торчали сухие веточки.

В одной руке Иван Гермогенович держал небольшой фанерный ящик. В другой — длинный, тонкий шест. К концу этого шеста был привязан красный платок.

— У-уф! — отдувался профессор, осматриваясь по сторонам. — Кажется, это здесь...

Внизу, у подножья холма, блестел на солнце тихий, сонный пруд.

На синей, неподвижной воде чуть покачивались водяные лилии. В гуще камышей плескалась рыба.

Профессор поставил на землю фанерный ящик, а рядом воткнул шест.

— Ну и дорога! — пробормотал он, сдвигая на затылок шляпу и вытирая потный лоб.

Профессор присел на камень, отдохнул немного, а потом решительно поднялся.

— Что ж, начнем, — сказал он громко и, бросив шляпу на землю, принялся обеими руками рвать траву. Нарвав целую охапку травы, он тщательно прикрыл ею фанерный ящик, потом подошел к шесту, воткнул его поглубже, подергал, качнул вправо-влево.

Шест стоял крепко. На верхушке, точно флаг, развевался красный платок.

— Отлично! — сказал Иван Гермогенович и достал из кармана маленькую, пузатую бутылочку.

Он поднес ее к глазам, посмотрел сквозь стекло на солнце. Серебристые пузырьки поднимались со дна бутылочки, сталкивались и лопались.

Осторожно поставив бутылочку рядом с шестом, профессор начал раздеваться.

Сбросив платье, он нагнулся и поднял бутылочку.

— Я думаю — хватит! — сказал профессор и, запрокинув голову, залпом выпил все, что было в пузырьке.

— Ну вот и прекрасно, — сказал он и с размаху бросил в пруд пустой пузырек. Описав в воздухе дугу, пузырек с бульканьем погрузился в воду.

Некоторое время Иван Гермогенович стоял на месте, посматривая на широкие круги, которые бежали один за другим по воде, затем шагнул вниз, к пруду и... словно растаял.

Там, где только что стоял Иван Гермогенович, теперь одиноко торчал длинный шест с красным флажком, а внизу — около

шеста — валялось помятое платье, небрежно брошенное около фанерного ящика.

Что же стало с профессором?

Проглотив жидкость, он некоторое время стоял неподвижно, внимательно глядя на свои руки и ноги. Ему хотелось заметить, как начнет уменьшаться его тело. Он прождал минуту — другую, но ничего особенного не произошло.

«Странно, — подумал профессор, — может быть, мне нужно было выпить несколько стаканов? Может быть, я слишком мало выпил?»

Он шагнул вперед и вдруг почувствовал, что тело его сделалось необыкновенно легким.

— Ага! Начинает действовать! — закричал профессор.

Он опять взглянул себе на руки и на ноги. Но они все еще были такими же, какими он привык их видеть — не уменьшились ни на один сантиметр.

Так, по крайней мере, ему казалось.

Зато все вокруг начало изменяться чудесным образом.

Трава потянулась вверх с удивительной быстротой, — каждая травинка росла, набухала, становилась все толще и толще. Листья, цветы, травы поднимались вверх, как на дрожжах. Потом все дрогнуло и помчалось к небу с такой быстротой, что профессору показалось, будто он падает в бездонную пропасть.

Не прошло и минуты, как вокруг него зашумел густой лес. Блестящие зеленые стволы обступили его со всех сторон.

В этом лесу не было мрака и тишины, как в старом сосновом бору. Не походил этот лес и на березовые рощи, где листва шумит и шелестит не умолкая.

Нет, это был особенный лес.

Он весь светился, зеленый и солнечный. Голые, блестящие стволы стояли на холмах и спускались в овраги. В лесу сияли синие озера и тихо журчали ручьи.

Профессор погладил бороду и спокойно сказал:

— Ну что ж... Надо искать. Они могут быть только здесь! — И он бодро зашагал по лесу.

Идти было трудно.

На пути профессора лежали холмы и овраги, ручьи и озера. В густых зарослях местами висели липкие сети, и нужно было очень осторожно обходить эти ловушки.

— Паука работа! — бормотал профессор, пробираясь сквозь заросли.

Изредка он останавливался и подолгу рассматривал искусную работу лесного ткача.

Особенно внимательно профессор вглядывался в бесчисленные узелки, густо рассыпанные по всей паутине.

Профессору, конечно, было известно, что ловит насекомых не сеть, а именно эти крошечные липкие узелки. К ним, точно к свежему столярному клею, прилипают крылья и лапки насекомых, и тогда насекомое становится добычей паука.

Все это, повторяем, было давно известно профессору. Но одно дело знать, другое дело все это видеть своими глазами.

И скоро Иван Гермогенович совсем забыл, где он находится и даже зачем он сюда пришел.

Ему казалось, что он сидит у себя в кабинете, склонив голову над микроскопом, и перед ним один за другим проходят его старые знакомые.

Но что микроскоп!

Разве через стекла микроскопа увидишь всего паука сразу?

Конечно, нет. Микроскоп позволяет рассмотреть только глаз паука или кончик его ноги, или коготок, похожий на гребень, или узелок паутины. А тут перед профессором сидел весь паук, огромный, как бык, и можно было сразу разглядеть и все его восемь глаз, и две пары челюстей, и восемь ног с коготками-гребнями, и вздутое мягкое брюшко.

Но больше всего радовало профессора то, что паук был живой и охотился. Под микроскопом, — даже под самым совершенным микроскопом, — нельзя было увидеть, как ловит паук свою добычу. А тут паук охотился.

Он сидел, огромный и мягкий, около расставленных сетей. От этих сетей к нему тянулась сторожевая нитка. Паук сидел, как рыбак на берегу, и ждал. Вот-вот дернется нитка — и тогда он бросится на добычу, вонзит в нее когти с ядом, убьет и высосет из нее кровь.

Профессор, не отрываясь, смотрел на раскинутую паутину. Он позабыл теперь все на свете и готов был простоять здесь до ночи.

Вдруг в воздухе над головой его что-то прожужжало, точно снаряд.

Сеть вздрогнула, заплясала.

В сетях билось, извивалось, барахталось огромное крылатое животное. Оно было побольше паука, во всяком случае — длиннее. Прозрачные, покрытые жилками.



Когда пыль осела, профессор увидел камень внизу в овраге. Под ним извивалась оса.

крылья выгибались, трепетали, пытаясь оторваться от мягких узелков паутины, но выбраться из паутины было не так-то просто.

— Оса, оса попалась! — закричал профессор и подбежал к самой сети.

— Вот это уж любопытно! Очень любопытно! — Он потирал руки и бегал около сетей.

А паук, опираясь на гребни ног, быстро скользил по паутине. Он прочесывал паутину ногами, точно волосы гребнем. Но только он приблизился к осе, как она выгнула свое брюхо и угрожающе вытянула вперед гладкое, острое жало.

Паук быстро попятился назад и начал суетливо метаться из стороны в сторону.

Он пробовал напасть на осу сзади, сбоку, но каждый раз его встречало тонкое, острое жало.

Наконец, паук отказался от борьбы с опасной добычей. Он стал быстро описывать широкие круги, бегать по своей паутине вокруг осы, торопливо обрывая нитку за ниткой. Наконец, опутанная сетями оса рухнула на землю, на самый край оврага. Беспомощно барахтаясь и запутываясь все больше и больше, она покатилась вниз по крутому склону.

— Ага, — обрадовался професор, — а ведь это, кажется, мне на руку!

Он подбежал к оврагу, нагнулся и посмотрел вниз. На дне оврага билась и корчилась огромная оса. Она выгибала полосатое туловище, каталась по земле, стараясь освободиться от паутины, но паутина опутывала все плотнее ее крылья, ноги, голову.

Профессор побежал по краю оврага, озабоченно посматривая по сторонам.

И вот, наконец, он нашел то, что было ему нужно в эту минуту — большой камень с острыми углами. Поднять его профессор, пожалуй, не взялся бы. Камень был в несколько раз больше самого Ивана Гермогеновича. Но, к счастью, он висел над склоном оврага. Стоило только качнуть его хорошенько, как он обрушился бы вниз — прямо в овраг.

Профессор уперся ногами в землю и принялся раскачивать камень.

Работа была нелегкая. Камень шевелился, качался, как гнилой зуб, но все же держался крепко.

— Врешь, — пыхтел профессор, — врешь! Качаешься, значит — упадешь.

Всего только каких-нибудь пять минут назад профессор мог бы столкнуть этот камень в яму одним щелчком, но теперь это было не так-то просто.

Иван Гермогенович раскраснелся, запыхался. Лицо его покрылось потом.

Тут же, неподалеку от него, трудился и паук, сооружая новую сеть. Почти над самой головой профессора сновал он взад и вперед. На брюхе у него профессор разглядел четыре бугорка.

— Паутинные бородавки! — вспомнил Иван Гермогенович.

Однако, теперь было бы смешно называть эти мешки бородавками. Каждый из них был не меньше головы профессора.

Раскачивая камень, профессор следил за работой паука.

Он видел без микроскопа сотни дырочек в паутинных бородавках. Из этих дырочек сочились капельки тягучей жидкости. Они вытягивались, как нити, тянулись за пауком и тут же свивались в толстые тросы.

Иван Гермогенович почувствовал, наконец, что камень поддается. Тогда он собрал все силы, уперся плечом в камень, а ногами в землю и так налег на серую глыбу, что она сдвинулась с места.

С гулом и грохотом посыпалась земля. Камень качнулся еще раз и, поднимая столбы пыли, рухнул вниз.

Когда пыль осела, профессор увидел камень внизу, в овраге. Под ним извивалась оса. Только ее длинное полосатое брюшко виднелось из-под камня.

— Отлично! — сказал профессор и побежал вниз по склону.

Когда он, наконец, спустился на самое дно оврага, оса уже не шевелилась. Профессор толкнул ее ногой, потрогал руками — она не двигалась. Тогда он спокойно принялся за работу. Целый час возился профессор, пока ему не удалось вытянуть из тела осы что-то похожее на длинное копье.

Это было осиное жало. Теперь в руках у профессора было надежное оружие. С таким копьем не страшно бродить по этим джунглям. Следовало подумать и об одежде. Как никак, а бродить голым по лесу профессор не привык.

Ловко орудуя копьем, Иван Гермогенович разрезал паутинные сети, в которых запуталась оса; потом расплел их и обмотал вокруг себя. Мягкие, шелковистые веревки плотно обвили его тело. Костюм этот был не слишком красив, но зато прочен.

— Я в нем как в панцыре! — сказал вслух профессор, с удовольствием осматривая себя в новом облачении.

С копьем на плече профессор выбрался из оврага и направился к пруду. Прыгая по изрытой земле, он то и дело останавливался, прятался за зелеными стволами, опасливо поглядывая по сторонам.

Эти предосторожности были не напрасны. Зеленый лес кишмя-кишел прыгающими, бегающими, ползающими и летающими животными.

Сражаться с ними у профессора не было никакой охоты. Он решил пустить в ход свое оружие только в том случае, если кто-нибудь на него нападет.

Высоко над землей качались розовые, голубые, желтые звезды, кувшины, колокола, шары.

В светлой чаще леса то тут, то там свешивались зеленые полотнища, точно языки чудовищных животных.

— Надо полагать, это листья, — сказал профессор, щурясь от солнца. — Ну, а это что?

Запрокинув голову, Иван Гермогенович смотрел на мохнатые гигантские шары, поднимавшиеся высоко над лесом. Из них, точно колючки ежа, торчали во все стороны свекольно-красные трубочки.

«Что же это такое? — подумал профессор, — уж не клевер ли? Так и есть, клевер».

Рядом с клевером, высоко наверху, качались лиловые колокола. Они просвечивали на солнце, и земля под ними казалась тоже лиловой.

— Ну, вас-то я знаю! — весело сказал профессор, — о вас и стихи даже написаны:

Колокольчики мои,
Цветики степные...

— Хороши, однако, цветики! — засмеялся Иван Гермогенович и покачал головой:— Если такой цветик упадет на меня сверху, вряд ли я и в живых останусь.

Разглядывая с любопытством новый незнакомый мир, профессор пробирался сквозь заросли зеленого леса.

Скоро перед его глазами открылась водяная гладь.

Вода сверкала на солнце, как огромное зеркало.

Профессор ускорил шаги.

Он вышел на опушку леса. Путь его пересекала длинная, узкая канавка. Профессор разбежался и легко перепрыгнул через нее. В ту же минуту он почувствовал, что земля под ногами у него оседает. Он попятился, но было уже поздно... Земля обрушилась, и он провалился в какую-то темную нору.

Профессор быстро вскочил на ноги и огляделся. Нора была широкая, стены густо оплетены подземными корнями. В углу норы был темный ход, который вел куда-то в глубину.

Цепляясь руками за корни и упираясь коленями в стенку норы, профессор полез вверх. Он уже почти добрался до выхода наружу, как вдруг увидел что-то похожее на исполинскую грушу. Эта груша катилась прямо на него.

Иван Гермогенович втянул голову в плечи и замер.

Груша повисла над норой, закрыв небо. В норе стало темно. На голову профессора посыпалась земля, в грудь больно ударил острый камень.

Испуганный профессор принялся со всей силы толкать грушу плечом и головой. Он старался открыть выход из подземелья, но все было напрасно.

Груша не поддавалась.

Он нажал сильнее, но как раз в это время кто-то навалился на грушу с такой силой, что она закупорила нору, как пробка бутылку.

Сильный толчок сбросил профессора вниз. Потирая ушибленное колено, он попытался подняться и тут только почувствовал, что в темной норе он не один... Сзади кто-то шевелился и медленно подкрадывался к нему. Вскочив на ноги, Иван Гермогенович прижался к стене. Он стоял, тяжело дыша, пристально всматриваясь в темноту.

— Тц-а-анк! — щелкнуло сзади.

Профессор услышал прерывистое дыханье.

Он быстро повернулся и хрипло закричал:

— Кто? Кто там?

ГЛАВА V

Карик очнулся. Он открыл глаза и вдруг вспомнил все. Вспомнил, как он с Валей летел на стрекозе. Вспомнил страшный хобот водомерки, сильные мохнатые лапы паука.

«Где я? Где Валя?» — подумал Карик.

Вокруг было темно и пахло сыростью.

Карик лежал, вытянувшись во весь рост, но никак не мог понять, на чем он лежит.

И вдруг он почувствовал, что рядом с ним кто-то зашевелился.

— Карик, — услыхал он Валин голос у самого уха. Он быстро повернул голову и стукнулся лбом о Валин висок. Валя тихо вскрикнула. Карик попробовал отодвинуться от нее подальше, но не мог: кто-то обмотал их с ног до головы толстыми веревками и крепко привязал друг к другу.

Карик рванулся посильнее, но вырваться из сетей не мог, а только закачался вместе с Валей, как на качелях, из стороны в сторону.

Валя толкнула его локтем в бок и быстро зашептала:

— Тише. Тише, пожалуйста. Он внизу.

— Паук?

— Ага... Он сейчас там возился, я слыхала.

— А мы где?

— Не знаю. Ты только потише.

Сначала ребята никак не могли понять, где они находятся, но скоро глаза их привыкли к темноте.

Карик раздвинул головой сетку и начал смотреть вниз, вверх, по сторонам.

Внизу — вода, наверху — покатый потолок, по сторонам — темные, гладкие стены.

Ребята висели в воздухе посреди норы.

— Понимаешь, — прошептал Карик, — он подвесил нас. Прицепил к потолку.

— Ага. Подвесил, — кивнула Валя.

— Зачем?

— Не знаю.

Карик с трудом выдернул из паутины сначала одну руку, потом другую. Стараясь не дышать, потихоньку высвободил голову из паутинных веревок и стал смотреть вниз.

Как раз под ними суетился паук. Он беспокойно бегал по воде вдоль стен своего жилища, потом вдруг останавливался, шевелил длинными лапами и как будто к чему-то прислушивался.

В тишине слышно было, как где-то звонко капала вода. Потом до ребят донесся глухой шум.

Рядом за стеной кто-то возился. Было похоже, что там бродит человек, шарит по стене руками, отыскивая дверь.

Этот шум беспокоил паука. Он то и дело подскакивал к стене, ждал чего-то и, пятясь, отходил в сторону...

— Ты слышишь? — тихо сказала Валя. — Там кто-то есть!

— Где?

— За стеной! Послушай!

Ребята прислушались.

Шум становился сильнее.

Казалось, кто-то бьет в стену мягкими, но увесистыми кулаками.

— Сюда кто-то лезет! — шепнул Карик.

Тут стены дома дрогнули так сильно, что ребят даже подбросило вверх и закачало еще сильнее.

А паук выскочил на середину норы и злыми глазами уставился в стену своего жилища.

И вдруг стена треснула. В проломе ее показались большие мохнатые лапы.

— Карик, кто это? Смотри, смотри! Лезет какой-то!..

Лапы рванули стену еще раз. В проломе появилась огромная паучья голова.

— Еще такой же! — шепнула Валя.

С шумом и плеском в подводное жилище ворвался толстый паук. Подобрав под себя коленчатые ноги, он приготовился к прыжку.

Хозяин норы взмахнул щупальцами и бросился на непрошенного гостя.

В темноте началась жестокая битва.

Щупальцы свистели в воздухе, шлепали по воде. Брызги взлетали к потолку, и скоро все стены покрылись дрожащими каплями воды. Капли стекали по сводам и падали дождем на ребят.

Битва пауков сотрясала подводный дом. Дрожали стены, качался купол.

Ребят так и подкидывало в воздухе. С размаху их швыряло то вправо, то влево.

Перед их глазами мелькали стены, купол, пауки, вода и опять — стены, купол, вода...

Пауки бились молча. Они оплетали друг друга длинными лапами, раскачивались, точно борцы, из стороны в сторону, потом отскакивали назад и снова бросались друг на друга.

Вот к самому потолку со свистом взлетела оторванная лапа. Она зацепилась за паутину и повисла, качаясь, над головами ребят.

Карик поскорей столкнул ее вниз.

Покачиваясь на воде, изуродованные пауки на миг расходились в разные стороны, сидели, тяжело дыша, у стен, а потом опять кидались друг на друга. Опять с шумом пенилась вода, и стены домика тряслись от толчков, точно во время землетрясения.

Ребята крепко прижались друг к другу. Они со страхом следили за битвой пауков, боясь сказать слово, не смея даже дышать.

От сильных толчков веревки, которыми ребята были опутаны, ослабели. Теперь у



С шумом и плеском в подводное жилище ворвался мохнатый паук.

Карика и Вали руки были свободны. Но зато при каждом новом толчке они могли свалиться вниз, прямо на пауков.

Кое-как ребята ухитрились дотянуться до веревки, которая спускалась с потолка, и ухватиться за нее руками.

Как раз в это время толчки прекратились. Карик взглянул вниз. На темной воде лежали, еле заметно вздрагивая, изуродованные туши пауков. Пауки плавали рядом, уже не обращая внимания друг на друга. Сначала они еще пытались шевелиться, но вскоре замерли, бессильно опустив головы в воду.

В подводном доме стало тихо.

— Сдохли! — громко сказал Карик.

Он нагнулся, вытянул шею и плюнул сначала на одного паука, потом на другого.

Пауки не шевелились.

Ребята посмотрели друг на друга.

— Сдохли или не сдохли?

Карик крикнул:

— Эге-ге-гей!

Пауки покачивались на воде, точно опрокинутые шлюпки.

Карик смерил глазами расстояние до воды и, выпустив из рук веревку, камнем упал в воду. Брызги столбом взлетели вверх, и тотчас же голова Карика снова показалась на поверхности воды.

Вынырнув, он осмотрелся по сторонам. На воде попрежнему плавали безжизненные туши, словно надутые воздухом огромные подушки. Карик подплыл ближе, толкнул одного паука рукой и замер.

Паук и тут не пошевелился. Тогда Карик залез на тушу, как на плот, встал во весь рост и махнул Вале рукой:

— Прыгай!

— Высоко, я боюсь!

— Что ж ты всегда сидеть там будешь? Все равно придется прыгать! Прыгай!

Валя закрыла глаза, разжала руки и грохнулась вниз. Карика так и обдало дождем брызг, а Валя, фыркая и отдуваясь, вынырнула из воды.

— Лезь сюда! — крикнул Карик, — не бойся!

— Я не боюсь! — сказала Валя, но все-таки отплыла подальше от пауков.

— Эх ты! — сказал Карик, — трусиха! Лезь, тебе говорят! Слышишь! Не век же тебе плавать в воде.

Валя подплыла к страшной туше, нащупала дрожащими руками толстое, мохнатое тело паука и испуганно вскрикнула:

— Шевели-и-ится!

— Не ври! Никто не шевелится! — рассердился Карик, — ну, скорее!

После долгих уговоров Валя, наконец, решилась взобраться на этот страшный пловучий остров.

Паук не шевелился. Бояться было нечего. Валя присела на корточки и принялась выжимать мокрые волосы.

Ребята сидели в подводном доме, который был похож на колокол водолазов, и смотрели по сторонам, соображая, как бы им отсюда выбраться. Стены норы уходили в воду. В одной из стен чернел пролом. Карик спрыгнул с туши паука, поплыл к отверстию в стене и скрылся в темноте.

— Ка-арик! — крикнула Валя.

Она боялась остаться в норе одна. Ей показалось, что паук начинает шевелиться.

— А-у-у!

Карик не откликался.

— Ка-арик! — закричала Валя еще громче.

Но как раз в эту минуту Карик показался в темном проломе.

— Чего ты орешь? — сказал он.

Увидев, что Карик цел и невредим, Валя успокоилась и спросила:

— Ну, что там?... Видел что-нибудь?

Карик вскарабкался на паука и ответил, пожимая плечами:

— Такая же нора, как наша.

— А есть там кто-нибудь?

— Никого.

Карик сел на паука, поднял колени к самому подбородку и обхватил их руками.

— Что же нам делать? — сказал он тихонько, рассматривая подводное жилище.— Из соседней норы тоже нет выхода.... Как же отсюда выбраться? Под стену нырнуть, что ли?

Он поглядел вниз на темную воду. Там во все стороны расходились серебристые паутинные веревки, теряясь где-то в мутной глубине. Ох, страшно нырять... А вдруг опять застрянешь где-нибудь в паутине, или тебя слопает кто-нибудь по дороге... Да и захлебнуться немудрено.

Карик сидел, сдвинув брови, и глядел в воду, которая колыхалась у него под ногами. Карик не мог понять: как же попали они в эту нору?

С каждой минутой дышать становилось все труднее. В голове у Карика шумело, сердце билось так сильно, точно он поднимался на крутую гору. С трудом втягивал он в себя сырой, тяжелый воздух.

И вдруг, будто сквозь сон, услышал он хриплый шопот Вали.

— Душно... — сказала Валя, — мне... нехватает... воздуха...

Карик очнулся.

— Не бойся, — сказал он и взял Валю за руку, — выберемся! — И он снова в сотый раз стал осматривать свою тюрьму.

И тут он понял, что надо делать. Сквозь сети паутины он увидел, как со дна поднимаются огромные зеленые яйца, расщепленные с одного конца. Они проносились, задевая края их подводной тюрьмы.

Это были почки водокраса — водяного растения. Карик видел их тысячу раз, когда был еще большой. Множество таких почек всплывает в теплые дни со дна озер и прудов. Наверху они лопаются, пускают в воду усики-корни, и вот уже вместо почки плавает растение-путешественник. Все лето путешествует оно, гонимое ветром, от одного берега к другому. По дороге водокрас выпускает усики, как земляника. На подводных усиках появляются побеги. Они тянутся вверх и на поверхности воды раскидывают листья, похожие на сердце, которое рисуют на картинках. Зимой, когда озера и пруды затягиваются льдом, водокрас вмерзает в лед и погибает. Но еще раньше он успевает разбросать по дну свои удивительные почки.

Всю зиму они лежат на дне. А лишь только наступают теплые дни, почки наполняются газами и одна за другой начинают всплывать наверх. Каждая почка превращается в плавающее растение.

Вот эти-то почки водокраса и увидел Карик из подводного дома.

— Вставай скорее, Валя, — закричал он. — Вставай скорее!

Схватив сестру за руку, он быстро, быстро заговорил:

— Слушай. Эти штуки взлетают наверх, как пробки... Надо нырнуть и схватиться за одну из них. Они нас сами вынесут.

— А паутина? Смотри, сколько веревок под водой.

— Да нет там паутины. Ныряй. А то задохнемся здесь, слышишь?..

Раздумывать было некогда. Как раз в эту минуту со дна всплыла почка водокраса. Валя собрала все силы и, нырнув под стену норы, ухватилась обеими руками за скользкую, толстую почку.

Почка вместе с Валей взлетела вверх.

Через секунду она была уже на поверхности пруда. Ослепленная солнцем, она барахталась в воде и дышала. Дышала легко, полной грудью.

Рядом плавал Карик и с такою же жадностью глотал свежий, чистый воздух.

(Продолжение следует)

ПИСЬМО К ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ

Любознательные читатели!

Знаменитый ботаник Линней изобрел замечательные часы и каждое лето пользовался ими. В час „белой кувшинки" Линней садился обедать. Обед длился до половины раскрытия герани. После обеда Линней дремал до раскрытия мака. Час краснобурой лилии он проводил над своими научными работами, а раскрытый кактус заставал Линнея уже в постели, — Линней рано ложился спать.

Если надо было узнать время, Линней выглядывал в сад. Перед его окном на клумбе росли разные цветы. На первый взгляд клумба имела очень странный вид: цветы были посажены по кругу, как цифры на циферблате, а часовую стрелку заменял высокий подсолнечник. Он всегда поворачивался лицом к солнцу.

Когда Линней смотрел на эту клумбу, цветы говорили ему, который час. В 4 часа утра открывался цветок цикория, в 5 — осот, в 6 — одуванчик расправлял свои бахромчатые лепестки, в 7 — раскрывался лактук, в 8 — вероника, в 9 — ноготки, а в 10, когда солнце начинало уже припекать, лактук закрывался, и за ним закрывались скерд, ноготки, ковыль, хрустальная трава, леонтодан, икотник и белая кувшинка. В 6 часов пополудни раскрывалась герань, в 7 — расцветший мак начинал собираться в бутон, с 7 до 8 — закрывалась краснобурая лилия, с 9 до 10, уже в полутьме, широко раскидывал свои лепестки большецветный кактус.

Ровно в полночь кактус закрывался, и Линнеевы часы останавливались до утра, когда первые лучи солнца снова заводили их.

Попробуйте летом у себя перед окном сделать такие же цветочные часы. Только не забудьте сначала посоветоваться с учителем и почитать в книгах о растениях, чтоб узнать, какие цветы в вашей местности можно посадить на клумбу. Южнее и севернее Упсалы (Швеция), где жил Линней, цветы раскрываются и закрываются в иное время, чем указано в нашем письме.

Если вы сделаете цветочные часы, напишите нам.

Член-корреспондент клуба
Б. БЫКОВ.

Проф. П. Ю. ШМИДТ

ПУТЕШЕСТВИЯ УГРЯ

Нет на свете ни одной рыбы, которая доставила бы ученым больше хлопот, чем обыкновенный речной угорь. Его привычки, его странные поступки не поддавались никакому объяснению. Несколько столетий для ученых оставалось загадкой, где угри появляются на свет. Угорь с ловкостью старого бродяги скрывал место своего рождения, — место, где он выводит своих угрят.

Нигде и никогда, ни в реках, ни в озерах, не удавалось еще поймать совсем маленького, только что вышедшего из икринки угренка. Все пойманные угри были почти взрослыми — не менее чем трех лет от роду. Но ведь это очень странно, — не могут же угри появляться на свет сразу трехлетними!

Однако, никто не видел мальков угря, и поэтому греческий философ Аристотель был вынужден предположить, что угри вырастают из «кишек земли». Под кишками земли Аристотель разумел дождевых червей. Существовало даже совсем нелепое предположение, будто угорь рождается из ила и грязи. Конечно, подобные догадки совершенно не верны; они возникали просто потому, что ученые никак не могли найти новорожденных угрей и место их рождения.

Только случайные наблюдения в Мессинском заливе помогли разгадать одну из загадок необычайной жизни угря.

Мессинский залив замечателен тем, что глубоководные течения, идущие по самому дну залива, ударяются о его берег и поднимаются наверх. И часто рыбаки ловят в заливе таких удивительных рыб, которых нигде в других местах нельзя поймать. Этих рыб выносит на поверхность глубоководное течение.

Здесь, в Мессинском заливе, нередко попадают в сети маленькие прозрачные, точно сделанные из студня, рыбки. Ученые дали им особое название: «лептоцефалы», предполагая, что это какой-то новый вид морских рыб. Но вот что казалось странным: никто и никогда в мире не видел еще взрослого лептоцефала — в сети попадала только молодь.

Некоторые ученые — германский зоолог Карус, американец Джилл, француз Дарест — высказали догадку: не превращаются ли эти таинственные лептоцефалы в угрей? Но на это им возражали очень основательно: как можно считать лептоцефалов мальками угрей, когда трехлетний угорь короче иного лептоцефала (длина трехлетнего угря — около 60 миллиметров, а лептоцефалы попадаются и в 75 мм длиной).

Итальянский ученый профессор Грасси со своим учеником Каландруччио подсчитали число позвонков у лептоцефала и угря. Число позвонков у обоих оказалось одинаковым.

Пойманного лептоцефала Грасси и Каландруччио поместили в аквариум и стали наблюдать за ним. Лептоцефал постепенно, день за днем, становился все меньше, короче, тоньше и, наконец, превратился в маленького прозрачного угренка.

Таким образом было доказано, что лептоцефалы выводятся где-то в глубинах моря, постепенно превращаются в маленьких, почти прозрачных угорьков и затем выходят на поверхность.

Но дальнейшая жизнь угря, полная приключений и превращений, попрежнему оставалась загадочной.

Каждый год вблизи устьев английских и шотландских рек появляются в море стаи крошечных, похожих на червяков, угрей. Они идут так густо, что рыбаки простыми сачками вычерпывают десятки и сотни центнеров этой рыбешки. Стаи морских хищников жиреют, наедаясь доотвала крохотными угорьками. Миллионы угрей гибнут, а уцелевшие пробираются в реки и плывут вверх по течению.

Постепенно угорьки меняют свое обличье. Они перестают быть прозрачными, туловище у них удлиняется и становится похожим на змеиное. Спина темнеет, приобретая оливково-зеленую окраску, а брюхо делается светложелтым. Угорек превращается в зубастого хищника — прожорливого и неразборчивого. Он поедает все — молодь других рыб, икру, не брезгает и падалью.

Всю свою жизнь угри проводят в скитаниях. Они проникают в ручейки, в которых не водится даже самая мелкая рыбешка. Дойдя до истоков ручья, угорь выбирает ночь потемнее, выходит из воды и от-

правляется ползком по траве к ближайшему озеру, пруду или канаве. Случалось, что угрей вылавливали даже в колодцах, даже в котлах, куда они попадали из водопровода. Угри в своих странствованиях иногда забираются в водопроводные трубы. В Галифаксе (Англия) однажды угри закупорили своими телами водопровод. Трубы пришлось выкапывать и прочищать. В своих странствованиях угри уходят иной раз за сотни и тысячи километров от родного моря.

При этом угри удивительно точно определяют направление, каким-то особым чутьем угадывая, где можно найти воду. Угорь редко возвращается на то место, где побывал раньше, и все-таки определяет дорогу к воде так точно, как будто он уже не раз путешествовал в этих местах.

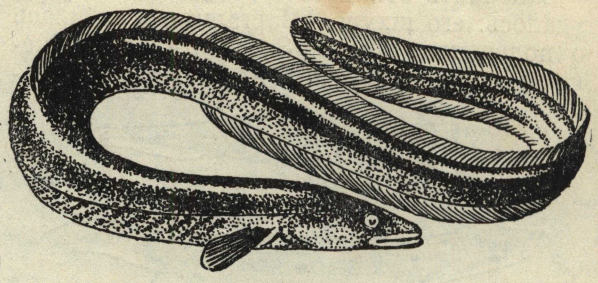
Ученый Шеффер проделал такой опыт: поймав в шхерах около Стокгольма несколько угрей. Шеффер увез их в глубь острова и примерно на расстоянии двух километров от моря выпустил в траву. Не медля ни минуты, угри повернули головы по направлению к морю и поползли. Шефферу пришлось чуть ли не бежать за ними, — обычным шагом поспеть за угрями было невозможно.

На второй или на третий год своих странствований угри покрываются рыбьей кольчугой — чешуей, а спустя еще три или четыре года они снова — уже в третий раз—меняют свой наряд.

Спина угря темнеет, делаясь либо темно-коричневой, либо совсем черной, брюхо из желтого становится серебристым. Изменяется и форма головы: мясистые верхние губы делаются тоньше, челюсти заостряются. Все кости угря становятся более рыхлыми, слабыми. Глаза начинают расти — они увеличиваются вдвое-втрое против прежнего.

Выбрав темную безлунную ночь, когда над рекой ревет ветер, когда шумит непогода, льет дождь и все живое прячется, угри отправляются в свое последнее путешествие. Они стаями идут по дну рек, нигде не останавливаясь, штурмуют плотины, переползают через них, спускаются по водостокам, яростно атакуют шлюзы, точно требуя, чтобы человек открыл им ворота к морю.

Ученым удалось проследить путь угря в одном из морей — в Балтийском. Стаи угрей направлялись на запад — к выходу в океан. Угри по дороге ничего не ели, сильно тощали, но плыли, плыли безостановочно, делая до пятидесяти километров в сутки.



Речной угорь.

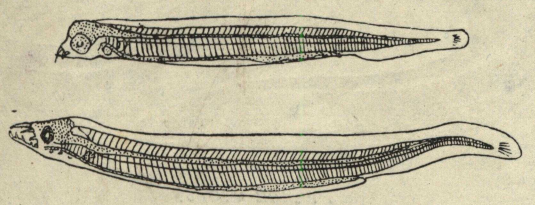
Добравшись до Атлантического океана, угри исчезают навсегда, словно тают в океанской воде. В реки они уже больше не возвращаются, да и в океане еще ни одному рыбаку не удалось поймать взрослого угря.

С давних пор загадочное исчезновение угря особенно заинтересовало датских ученых: ловля угрей составляет один из важнейших промыслов датских рыбаков. Чтобы выследить угрей в океане, Дания снарядила несколько экспедиций, но ни одной из них не удалось выяснить, куда же деваются угри, попадая в океан. Но вот крупнейший датский ихтиолог Иоганн Шмидт избрал для решения этой задачи несколько неожиданный путь: он не стал искать, куда уходят угри, а решил выследить, откуда появляются лептоцефалы.

На маленькой шхуне «Маргарита» Шмидт переплыл через Атлантический океан, вылавливая лептоцефалов глубоководными сетками. За время плавания Шмидту удалось поймать 714 рыбешек. И удивительное дело — чем дальше на юго-запад, тем меньше и меньше, а значит и моложе попадались лептоцефалы. У Фарерских островов, которые лежат в северной части Атлантического океана, между Шотландией и Исландией, Шмидт выловил лептоцефала в 75 миллиметров длиной, а гораздо южнее, в центральной части океана, попадались лептоцефалы всего в 45—50 миллиметров длиной. В западной же части океана, примерно на 56° западной долготы, лептоцефалы были еще короче — 25—30 миллиметров.

На этом основании Шмидт решил, что лептоцефалы выводятся где-то в юго-западной части Атлантического океана, а затем плывут через весь океан к берегам Европы, подрастая в пути и постепенно превращаясь в угря.

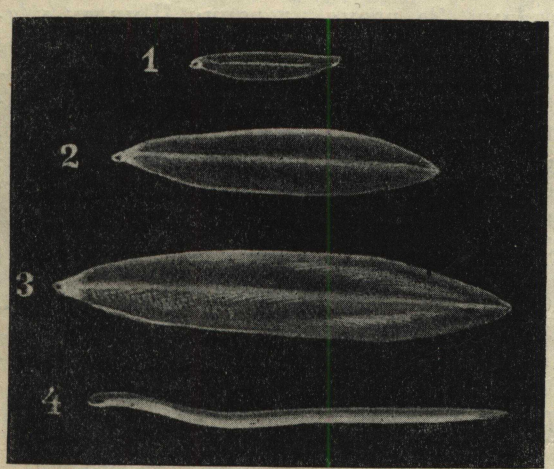
Закончить эти исследования Шмидту не удалось: его шхуна «Маргарита» разбилась о подводные камни. Затем работам помешала мировая война. И только сравнительно недавно Шмидт предпринял вторую экспедицию, снарядив для этого моторную шхуну «Дана». На этот раз он выследил путь лептоцефалов до Саргассова моря.



Личинки речного угря. Верхняя—длиною в 5 мм. Нижняя—в 7 мм.

У Багамских островов, — именно там, где Шмидт рассчитывал поймать самых молодых лептоцефалов, — он, к своему удивлению, не поймал ни одного. Вместо прозрачных, тонких рыбешек в сети к нему попали какие-то крошечные личинки с маленькой, но свирепой, зубастой пастью. Однако, эти личинки оказались для Шмидта драгоценной находкой. Тщательное исследование обнаружило, что они, эти зубастые личинки, и являются личинками угря. Самые маленькие из них — всего лишь пятисеми миллиметров длиной и нескольких дней отроду — были пойманы между Бермудскими и Багамскими островами. Следовательно, тут-то и находится их родина.

Значит, угри выводятся в Саргассовом море — в самом удивительном из всех морей на свете. Оно лежит посреди океана и вечно зеленеет от множества водорослей, занесенных сюда течением. Саргассово море замечательно также высокой температурой воды и большими глубинами, которые доходят до 6 309 метров. Именно там, в этой темной пучине, и выводятся угри.



1. Лептоцефал в 25 мм длины
2. Лептоцефал в 55 „ „
3. Лептоцефал в 75 „ „
4. Прозрачный угорь.

Вот почему перед своим последним путешествием по океану угорь надевает черный наряд. На большой глубине, где вода черна, куда почти не проникает свет, черная кожа делает его незаметным. А большие глаза нужны ему для того, чтобы лучше видеть в темноте. Угорь плывет на запад, доходит до пучин Саргассова моря, мечет икру, давая жизнь новым поколениям угрей, а сам, вероятно, гибнет.

Родной брат европейского угря — американский угорь, отличающийся от нашего всего лишь числом позвонков, также выводится в Саргассовом море. Только американец занял юго-западный склон подводной впадины, а европеец — восточный.

В теплом и темном Саргассовом море выводятся прозрачные пятимиллиметровые зубастые личинки, которые вскоре превращаются в плоских прозрачных лептоцефалов. Их подхватывает голубая теплая река, текущая среди океана — Гольфстрим. Она несет их к европейским берегам. Три года длится это путешествие. За время пути личинки успевают подрасти и заплывают в наши реки почти взрослыми угрями. Несколько лет бродяжничают угри по всей Европе, а затем, спустя 8—10 лет, надевают глубоководный черный наряд и отплывают обратно на свою далекую родину.

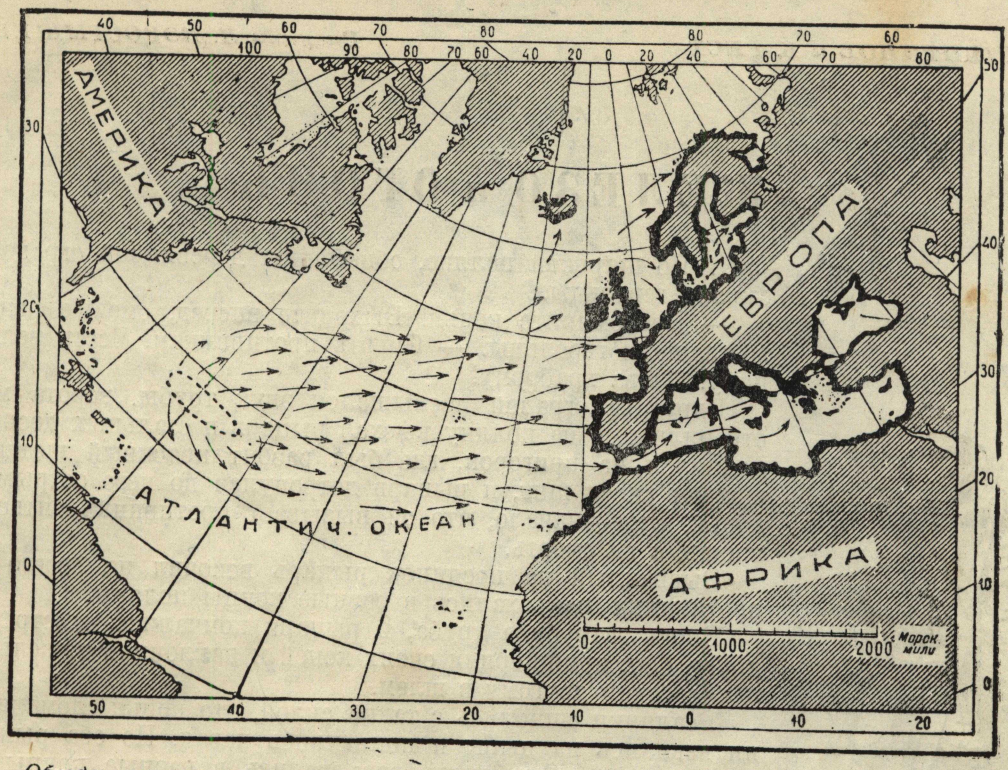
8 000 километров против течения идет угорь для того, чтобы вернуться в родное Саргассово море!

Какая же сила гонит угря за тысячи километров? Как находит он дорогу? Неужели он помнит, где родился?

Нет, это совершенно неправдоподобно. Не может угорь помнить место, откуда его унесло течением почти пятнадцать лет назад, когда он даже не был угрем, а всего только крошечной личинкой.

Биолог Экман высказал такую догадку: угри просто ищут для своих личинок самое теплое, самое темное и самое спокойное место в океане. А глубины Саргассова моря и темны и безопасны, — там мало хищников, и температура никогда не опускается ниже 16°.

Дорогу же к Саргассову морю угри находят просто: они идут навстречу теплому течению и останавливаются в самом нагретом месте.



Обведенное пунктиром пространство в Атлантическом океане обозначает место рождения личинок угря. Стрелки, идущие от этого места, показывают путь, по которому личинки направляются к берегам Европы и отчасти Африки. Черная полоса по берегам отмечает те области, в реки которых входят прозрачные угри.

Объяснение это кажется очень правдоподобным. Непонятно только одно: зачем угрям нужно проделывать это утомительное путешествие из Саргассова моря к нашим берегам и обратно? Почему они не последуют примеру своих американских братьев и не плывут в американские реки? Ведь от Саргассова моря до Америки куда ближе, чем до Европы. Исчерпывающего ответа на эти вопросы биолог Экман не дал.

Интересное предположение высказал знаменитый географ Вегенер. Он утверждает, что несколько миллионов лет назад Атлантического океана не существовало. Америка и Европа находились тогда совсем рядом, разделенные узким проливом. В хорошую погоду из Европы был виден американский берег. Угри жили на дне пролива и заплывали одинаково как в американские, так и в европейские реки.

Вегенер утверждал, что материки не стоят неподвижно на месте, — они движутся: Америка медленно, примерно на один сантиметр в столетие, отходит от Европы на запад. За миллионы лет она отодвинулась от нас на три с лишним тысячи километров. А поколения угрей, следуя многовековому инстинкту, продолжают свои путешествия, не замечая, что с каждым столетием их путь становится все длиннее и длиннее.

Может быть это и верно. Но возможно еще одно объяснение.

Во времена великого оледенения земли, много тысяч лет назад, льды преграждали теплому Гольфстриму дорогу на север, и тогда Гольфстрим направлялся через океан на восток — примерно к Гибралтару. В те времена европейские угри находили теплое, удобное место для икрометания где-то около Канарских островов. Но когда ледниковый период приходил к концу и льды начали постепенно отступать на север, — Гольфстрим тоже направился к северу, а теплое место у берегов Африки стало сокращаться и передвигалось к берегам Америки. Европейским угрям волей-неволей пришлось перенести место икрометания поближе к истокам Гольфстрима — туда, где вода теплее.

Но все это только догадки. Загадочные путешествия угря будут по-настоящему объяснены только соединенными усилиями биологов, геологов, географов. Может быть, в решении этой задачи примут участие те геологи и биологи, которые пока еще учатся в школе.

Н. КОНСТАНТИНОВ и Б. РЕСТ *Рисунки Л. КОРОСТЫШЕВСКОГО*

ЖЕЛЕЗО и ОГОНЬ



Средневековый латник с двуручным мечом.

...По широкой поляне, обнесенной деревянной оградой, разъезжали герольды.

— Преломляйте копья! Выходите вперед, смелые рыцари! — возглашали герольды. — Смерть противникам! Честь великодушному! Слава храброму!

Вдруг за оградой послышался звук трубы, ворота медленно отворились, и на поляну выехал рыцарь в стальных доспехах. Он поднялся на пригорок, где был разбит красивый шатер. Перед шатром висел щит, и рыцарь дотронулся до него острым концом копья. Это означало, что он вызывает противника биться не на жизнь, а на смерть.

Вызванный на поединок рыцарь вскочил на своего коня, и противники разъехались в разные концы поляны.

Вновь затрубила труба, и рыцари помчались навстречу друг другу. Они пришпорили своих коней и наклонили тяжелые копья, целясь один другому в шлем.

Всадники сшиблись с такой силой, что копья сломались, а кони взвились на дыбы и попятились назад. Но оба рыцаря усидели в седле. Они опять разъехались в разные концы поляны, и оруженосцы подали им новые копья. Поединок продолжался до тех пор, пока один рыцарь не сбил другого на землю.

Это описание рыцарского турнира мы прочитали когда-то у Вальтер Скотта.

Вальтер Скотт так интересно описывал турниры, что рыцари нам даже снились по ночам. Нам казалось, что рыцарский поединок — это верх воинского искусства.

Но вот недавно мы увидели рыцаря не во сне, а наяву. Рыцарь, как ему и полагается, сидел верхом на коне, с головы до пят закованный в железные латы. Даже перчатки у него были железные, а лицо закрыто опущенным забралом. Железа на рыцаре было так много, что трудно было разглядеть, из чего же сделан сам рыцарь — из воска или из дерева.

Мы видели этого железного всадника в зале Артиллерийского музея[1] среди старых боевых знамен, среди мечей, изъеденных ржавчиной, и разукрашенных алебард.

В этом зале открыта сейчас выставка истории вооружения с древнейших времен до наших дней.

Но после того, как мы внимательно осмотрели и блестящие латы, и длинное толстое копье, и шлем, украшенный чеканкой, — все эти средневековые воинские доспехи точно потускнели у нас на глазах. Оказывается, рыцари были не так уж хорошо вооружены, как мы думали в детстве.

Начать с того, что без помощи слуг рыцарь не мог облечься в свои доспехи. С трудом влезал он на своего коня и думал лишь о том, как бы ему не свалиться наземь. А если он падал, гремя своими латами, то порой без помощи оруженосца не мог встать на ноги. Поэтому, встретясь на поединке, рыцари старались вы-

[1] Артиллерийский исторический музей РККА находится в Ленинграде, около Петропавловской крепости, в здании бывшего арсенала. В музее хранятся мировые коллекции оружия всех времен и народов.



Исход средневековых боев решали не выстрелы аркебуза, а рукопашная схватка.

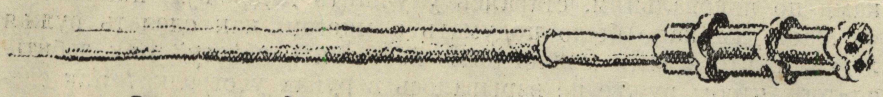
бить друг друга из седла. А чтобы удар был сильнее, они выбирали и коней покрепче и копья потяжелее.

Обзавестись полным воинским вооружением мог только богатый феодал. Еще в IX веке, когда ни лат, ни панцырей не было, а рыцари носили только железную рубаху-кольчугу, — даже в те времена полное снаряжение рыцаря стоило столько же, сколько 45 коров, то есть стадо целой деревни. Бывало так, что сам феодал отправляется на войну в дорогой кольчуге, а дружинники его одеты в кафтаны на толстой подкладке. В подкладку эту вшивали куски железа. Подбитые железом кафтаны предохраняли от стрел, пущенных из лука и арбалета, — самого дальнобойного оружия того времени.

Луки и стрелы были первой «артиллерией», какую изобрел человек. Некоторые историки даже считают, что само слово «артиллерия» произошло от латинских слов arcus — лук и tellum — стрела. Но не эта артиллерия решала исход средневековых боев. Лучники были только вспомогательными войсками, а во всякой битве дело обычно решалось рукопашной схваткой рыцарей — этой бронированной кавалерии феодалов.

трубки, скованные вместе железными кольцами. Один конец у этих трубок закрыт, оставлено только маленькое круглое отверстие. У арабов это оружие называлось «мадфа», у русских — «ручница». Это самый старый предок ружья, пистолета и пулемета, — словом, всего ручного огнестрельного оружия. Появилась мадфа в XIII веке, когда арабы впервые применили порох на войне.

В одной арабской рукописи сохранился старинный рецепт пороха. Этот рецепт был древнейшим наставлением для стрелка:



Ручница—предок современного огнестрельного оружия.

«Селитры десять, угля одну драхму, серы полторы драхмы растолочь мелко и наполнить мадфу на одну треть, но не больше, — чтобы не разорвало... Пусть стрелок бережется».

Из наставления ясно, что в те времена стрельба была очень опасным делом, и, пожалуй, более опасным для самого стрелка, чем для противника.

Подойдет воин к такому орудию, насыплет в дуло пригоршню пороха, вкатит круглую, как орех, пулю (по-арабски она так и называлась «орех» — «бундук»), потом ткнет зажженным фитилем в запальное отверстие ручницы и стоит ни жив, ни мертв: ведь кто его знает, что может случиться, — то ли ручница выстрелит, то ли взорвется и изувечит самого стрелка.

Эти предки нынешних ружей были очень тяжелы и неуклюжи. И ручницы, и гакебузы, и пищали были скорей похожи на пушки, чем на ружья.

В Артиллерийском музее стоит старая позеленевшая пушка из Риги. На ее стволе отлиты всякие узоры, барельефы и длинная торжественная надпись:

«Я здесь для упражнения бюргеров и укрепляю второй квартал. Врагу моему буду противиться. Господин ратман города Риги Иоганн Груен велел меня отлить. Михаил Байер».

Рядом с этой словоохотливой пушкой на особом станке поставлено ружье» — «Кессель-Флинт». С виду оно ружье как ружье, но величиной никак не меньше рижской пушки.

Конечно, вооружить такими ружьями-пушками пехоту и кавалерию было почти невозможно. Не только носить какую-нибудь пищаль, но даже стрелять из нее один человек не мог. Ружья эти обычно ставили на крепостных стенах. Но и с крепостной стены было очень трудно прицелиться из ружья-пушки. Отдача была такая сильная, что ружье валило стрелка с ног. Поэтому к концу ствола приделывали снизу толстый железный брусок, который цеплялся за стену и при отдаче удерживал ружье на месте.

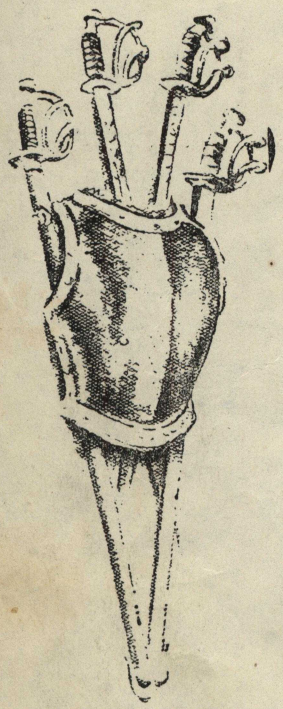
Копья, мечи и луки не скоро уступили место огнестрельному оружию. Целые столетия, пока ружье еще не было достаточно усовершенствовано, люди продолжали изобретать все новые и новые виды холодного оружия. Очевидно, ему доверяли больше, чем капризному аркебузу.

В Артиллерийском музее можно увидеть, например, такое диковинное забытое оружие, как ослоп, кистень, чеснок, совня и штурмовой бич. Чеснок — это острые железные рогульки, которые сыпали под ноги лошадям. Ослоп — увесистая дубина с набалдашником, усаженным острыми гвоздями, кистень — нечто вроде нагайки с гирей на конце, а штурмовой бич — это огром-

ная жердь, к которой привязана длинная веревка, а на конец веревки нацеплен железный брусок с зазубренными краями. Весил этот брусок килограмма два или три. Ворвавшись в гущу неприятелей, воин размахивал штурмовым бичом, и неизвестно, что было вернее — сокрушительные удары бича или выстрел из пищали, похожей на обрезок водопроводной трубы.

Долгие годы воины продолжали еще сражаться мечами да сслопами и сыпали чеснок под ноги лошадям, а в это время в маленьких дымных кузницах оружейные мастера стучали молотками по наковальням, стараясь улучшить дедовскую пищаль.

Мастерам надо было подумать о многом: как сделать ружья легкими, чтобы ими можно было вооружить пехоту? Как добиться того, чтобы ружье не взрывалось в руках у стрелка? Как сделать ружье таким метким, чтобы из него можно было попадать не только в крепостную стену, но и в отдельного противника? И, наконец, как заряжать ружья возможно скорее? Ведь опытный средневековый лучник пускал в минуту дюжину стрел, а для того, чтобы зарядить гакебузу, требовалось не меньше пяти минут. Пока из гакебузы делали один выстрел, лучники успевали осыпать стрелка дождем стрел.



Кирасы и шпаги стали настенным украшением во дворцах и музеях.

Прежде всего оружейники заменили у пищали фитиль кремнем. Теперь уже не нужно было подносить к стволу горящий фитиль, — стоило только нажать пружину, и особое колесико, приделанное к ружью, начинало вертеться и высекало искру из зажатого в курок кремня. Искра воспламеняла порох, и ружье стреляло.

Потом этот «колесцовый механизм» заменили другим, более удобным: искра из кремня высекалась уже не трением колесика, а ударом курка по кремню. Так в историю вошло кремневое ружье.

Приклад у ружья был уже не прежний — прямой, а изогнутый, скошенный, чтобы дуло приходилось на уровне глаз. С таким прикладом стало удобнее целиться, а значит, увеличилась и меткость стрельбы. Ружья сделались легче, и выделывали их уже не в маленьких кузницах, а в больших мастерских.

«Неприступные до тех пор твердыни дворянских замков пали перед пушками горожан, а пули их ружей пробили рыцарские латы, — пишет Фридрих Энгельс в своей книге «Анти-Дюринг». — Вместе с одетой в броню кавалерией дворянства была разбита и его власть».

В средневековом арсенале алебарды и копья занимали самое главное место. Но прошли столетия, и арсеналы были завоеваны скромным кремневым ружьем. Алебарды остались только для парадов. Это уже не прежнее боевое оружие. Они сделались тупыми, неудобными, зато очень красивыми. Древко у парадной алебарды витое, как крендель, лезвие выгнуто полумесяцем, и на нем вырезаны всякие хитрые узоры и даже целые картинки: ветвистый дуб, а над ним солнце восходит.

Рыцарские латы и шлемы тоже становятся все наряднее и наряднее, — они покрыты позолотой, украшены гербами и эмалевыми звездами, но эти сверкающие доспехи уже не спасают от пули. Панцыри и шлемы — это лишь парадная форма для офицеров.

Старинная пика, которой были когда-то вооружены пехотинцы, переселилась на дуло ружья, — пика стала «багинетом»—острым тесачком, который вставлялся в дуло. Примкнув к ружьям багинеты, солдаты шли в атаку, но уж тогда стрелять они не могли: багинет закупоривал дуло, как пробка. Это было очень неудобно,

и скоро багинет уступил место штыку, который надевается на ствол ружья, оставляя дуло открытым. Ружье с примкнутым штыком может и колоть и стрелять.

Оружейники пробовали соединить и другие виды холодного оружия с огнестрельным. Один приделал кремневый пистолет к шпаге, другой привинтил пистолет к щиту, а третий насадил пистолет на рукоятку нагайки. Но все эти ухищрения чудаков-оружейников хороши только для кунсткамеры, в бою они никуда не годились.

Кремневое ружье сыграло в истории огромную роль. Из кремневого ружья петровские солдаты стреляли в шведов в Полтавском бою. Вместе с наполеоновской гвардией кремневое ружье совершило поход в далекий Египет. Кремневое ружье гремело под Аустерлицем, под Бородино, под Ватерлоо.

И каждая новая битва все больше и больше доказывала, что кремневое ружье — очень несовершенное оружие. Его было неудобно заряжать: стрелок должен был повернуть ружье дулом к себе, насыпать в дуло пороху, потом забить шомполом пулю, потом насыпать пороху «на полку» около кремня, и только тогда можно было стрелять. Не во всяком положении стрелок мог зарядить свое ружье, и не во всякую погоду оно стреляло: от дождя порох «на полке» сырел, и ружье давало осечку за осечкой.

И вот в истории вооружения началась новая глава: от кремневого ружья — к современной винтовке.

Сперва исчез ненадежный кремень. Вместо него был поставлен капсюль из гремучей ртути, — при ударе он давал вспышку, поджигавшую порох. Потом появился патрон, и ружье стало заряжаться не через дуло, а с «казенной части», где помещается заряд. Это ускорило стрельбу примерно в пять раз.

Вместо гладкого ствола стали делать нарезной. Правда, люди давно уже умели нарезать стволы винтом и давно уже заметили, что из нарезного ствола пуля вылетает вращаясь, летит дальше и бьет метче. Но нарезать ствол вручную, без специальных станков, было очень трудным делом, и даже в конце XVIII века нарезными ружьями вооружали только отряды легкой пехоты — егерей. Лишь в прошлом веке были изобретены станки для нарезки стволов, и винтовка стала верным товарищем каждого солдата.

В Артиллерийском музее показана вся долголетняя история винтовки. Тут и первые игольчатые ружья, и первые берданки, изобретенные американцем Берданом, и первые патроны с бездымным порохом, и первые магазинные затворы, в которые вкладывался не один патрон, а целая обойма. Наконец, увидели мы и трехлинейную русскую винтовку капитана Мосина. Она была введена в армии в 1891 году и дожила до нынешнего дня, усовершенствованная советскими конструкторами.

Стрелять из винтовки удобно, бьет она далеко, и пуля попадает метко, особенно если эта винтовка в руках ворошиловского стрелка. Но все же винтовка еще не самое скорострельное оружие.

Давно уже люди старались изобрести такое оружие, которое бы поражало противника не отдельными пулями, а целым свинцовым градом. В Артиллерийском музее хранится картечница «Эспиньоль», построенная в Дании в 1852 году. Это огромное ружье, поставленное на широкий лафет. В дулс «Эспиньоля» закладывалось сразу тридцать зарядов, потом поджигался запальный шнур, и все тридцать пуль вылетали одна за другой. После выстрела устанавливался другой ствол, потом третий. Запасные стволы, заранее заряженные, хранились тут же на лафете в особых деревянных футлярах.

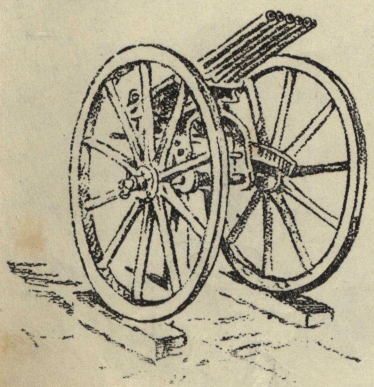


Русский гренадер эпохи войны с Наполеоном, вооруженный кремневым ружьем.

Рядом с «Эспиньолем» стоит другая картечница — американская картечница 1850 года. У нее стволы не хранятся в футлярах, — все шесть стволов расположены в один ряд. Спуская один курок за другим, артиллерист мог выстрелить шесть раз подряд. Примерно такую же картечницу построили в Швеции в 1875 году, но у нее было уже десять стволов.

Американец Лоуэль решил для удобства расположить стволы в картечнице не в ряд, а по кругу. От поворота ручки особый механизм спускал курок, и в тот же миг на место выстрелившего ствола становился другой, заряженный. В картечнице Лоуэля было всего четыре ствола, но изобретатель Гатлинг сконструировал картечницу с десятью вертящимися по кругу стволами.

Бывали картечницы и с тридцатью шестью стволами, и, конечно, можно было бы сделать картечницу с сотней стволов. Но такие многоствольные картечницы были очень тяжелы и стреляли не так уж скоро: ведь каждый ствол приходилось заряжать в отдельности. И вот в конце XIX века американец Хирам Максим придумал совершенно новый тип картечницы: у нее был только один ствол, и он стоял неподвижно, а передвигалась лента с пулями. Так родился пулемет Максима.



Шестиствольная картечница 1850 года, изготовленная в Америке.

Систем пулеметов очень много: тут и Гочкисы, и Шоши, и Шварцлозе... Пулеметы на колесах и на треножниках... Зенитные пулеметы, стреляющие по самолетам, и ручные пулеметы... По величине ручной пулемет не больше винтовки, и боец носит его на плече.

Если старинная пищаль давала один выстрел в пять минут, то современный пулемет выпускает десять пуль в одну секунду, а в пять минут он должен дать три тысячи выстрелов. Но изобретатели не удовольствовались и этой скоростью стрельбы.

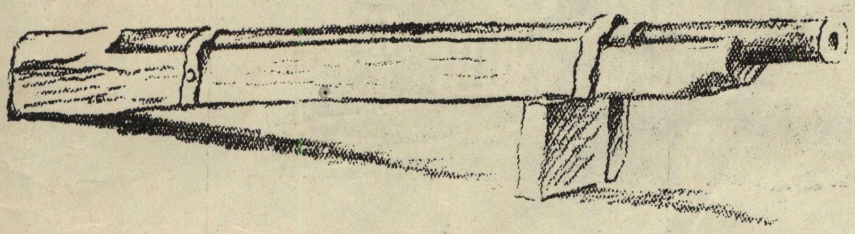
Много столетий назад, когда на свете появилась первая ручница, люди склепывали вместе по нескольку железных трубок,



Счетверенный пулемет выпускает 2400 пуль в одну минуту.

чтобы ускорить стрельбу. Когда было изобретено ружье, для скорострельности соединяли несколько ружейных стволов в одну картечницу. Теперь, когда изобретены сверхскорострельные пулеметы, конструкторы соединяют по два и по четыре пулемета в одно мощное гнездо. Такие «комплексные пулеметы» стоят в Артиллерийском музее, завершая выставку истории ручного вооружения.

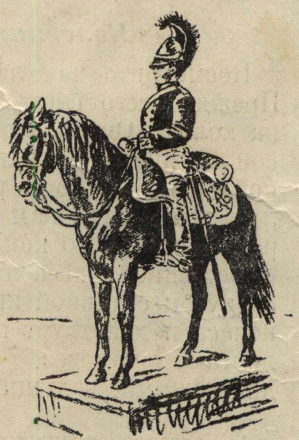
В двух шагах от этого пулемета-гиганта лежит кусок железной трубы, прикованный кольцами к самодельному деревянному ложу. Точно по ошибке попала эта прадедовская пищаль в отдел вооружения современных армий. Ей бы место на крепостной стене древне-русского города, а не здесь, среди Гочкисов и Максимов.

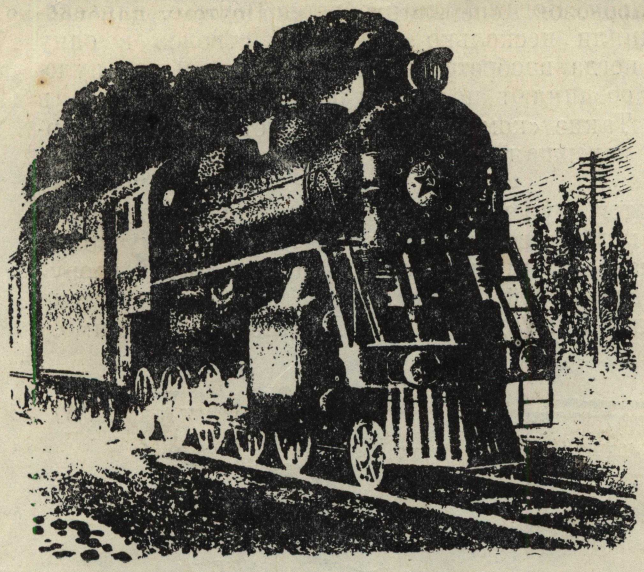


Старинная крепостная пищаль—полупушка-полуружье.

Но эта уродливая пушчонка по праву занимает почетное место среди усовершенствованных огнестрельных машин. Это — пушка сибирских партизан. Деревенские кузнецы смастерили ее в те времена, когда партизаны шли на борьбу с белогвардейскими бандами и иностранными интервентами. Эта пушка грохотала в тайге, отвечая на трескотню вражеских пулеметов. Было это восемнадцать лет тому назад.

А если враги теперь попробуют напасть на нашу родину, с ними заговорят на своем железном языке уже не самодельные пушки, а телескопические винтовки, сверхскорострельные пулеметы и дальнобойные орудия. Наша Красная армия владеет самой мощной боевой техникой.





С. А. ЯНЧЕВСКИЙ

Рисунки В. КУЛЕ

СОВЕТСКИЕ ПАРОВОЗЫ

Очень многие ребята любят паровозы, интересуются всем, что относится к железным дорогам. Они играют в паровозы. Любуются проходящими поездами. Подолгу смотрят, как стальной конь пьет у водонапорной колонки, как он набирает запас топлива, как он толкает вагоны или отдыхает и лечится в депо.

Паровоз бесспорно достоин такого отношения к себе.

Это одна из красивейших машин,—мощная, огромная, подвижная, похожая на умное и сильное животное.

Давайте же познакомимся поближе с паровозами. Предположим, что вы стоите перед огромным локомотивом, мирно отдыхающим где-нибудь на запасных путях.. На нем написано «$С^{у}$-210-64». Так зовут этот паровоз. Но что значит это имя? Что говорят эти буквы, цифры? Почему на другом паровозе написано «$Э^{м}$ -723-17», а на третьем просто — «С-113»?

Мало кто может ответить на эти вопросы. А между тем, буквы на паровозе означают его тип, «серию», а иной раз и место его постройки.

Это почти что паспорт паровоза.

Колесная формула

Посмотрите на любой паровоз сбоку. Прежде всего следует обратить внимание на колеса. Они обычно бывают не одинаковой величины — одни поменьше, другие побольше. Число и размер больших и малых колес дают нам основной признак «породы» стального коня.

Большие колеса всегда соединены друг с другом стальной штангой. Именно на эти колеса и действует паровая машина, а они двигают паровоз. Поэтому их называют движущими, ведущими или сцепными. [1]

[1] Железнодорожники говорят чаще не „движущие колеса", а „движущие оси". „Осью" они в этом случае зовут пару колес, насаженных на одну ось. Тот вес паровоза, который приходится на сцепные оси, тоже называется „сцепным". Чем больше сцепной вес, тем лучше „сцепление" паровоза с рельсами и больше сила тяги.

Однако у многих паровозов спереди и сзади от движущих, больших колес бывают еще маленькие, «поддерживающие» колеса, или «бегунки». Для чего они служат? И почему у паровозов не одинаковое число «осей» — у одних больше, у других — меньше?

И разве нельзя все эти «оси» сделать движущими?

Можно, но не всегда. Чем сильнее паровоз, тем он тяжелее. Чем больше по размеру его колеса, тем с большей скоростью идет он по рельсам. Но слишком большая и грузная машина может попортить путь, рельсы, мосты. На наших дорогах считают, что каждая пара колес должна давить на путь не больше чем с силой в 20—22 тонны. Значит, машину в 60 тонн весом приходится строить не меньше чем с тремя осями. Тогда (60 : 3 = 20) на каждую ось придется не больше веса, чем полагается. Стодвадцатитонный локомотив потребует уже двойного числа осей.

Конечно, было бы выгоднее, если бы все эти оси были «движущими».

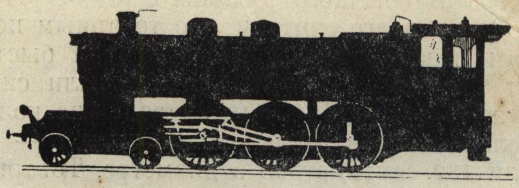
Но и бегунки тоже необходимы. Передние бегунки улучшают ход паровоза на заворотах, позволяют ему меньше расшатывать путь. Кроме того, благодаря им тяжесть машины на быстром ходу налегает на каждый новый кусок рельсов не вся сразу, а как бы постепенно, в несколько приемов. Именно поэтому у скорых пассажирских паровозов спереди всегда бывают бегунки (иногда даже две пары), а у товарных только изредка.

Для чего же ставят задние бегунки? Казалось бы, их вполне можно заменить большими, движущими колесами, но тогда между ними осталось бы слишком мало места как раз там, где обычно располагают топку. А топка должна быть значительного размера. Значит, иногда лучше поставить низенькую бегунковую ось и топку поместить над ней.

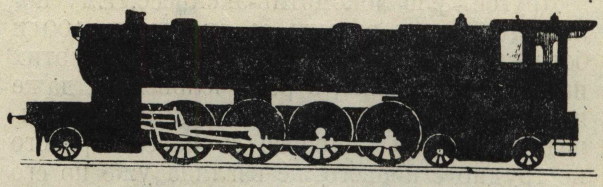
Число движущих и поддерживающих осей — это основной признак, по которому различаются паровозы.

Каждый из них имеет, как говорят железнодорожники, свою «колесную формулу». Такая формула состоит всегда из трех цифр: средняя из них означает число движущих осей, левая — число передних бегунков, а правая — задних.

Поэтому паровоз «2-3-0» выглядит так



а паровоз «1-4-2» — совсем иначе



Что значат буквы и цифры на паровозах

Не все локомотивы с одной и той же колесной формулой одинаково устроены. Равное число колес может встретиться у товарной и у пассажирской, у старой и у новой машины и даже у машин совсем различных конструкций.

Поэтому каждая «серия» или сорт паровозов обозначается какой-либо **большой** буквой русского алфавита, иногда — двумя. (Буквы эти выводят на стенке паровозной будки и спереди между буферами). Есть паровозы «Б», «Г», «К», «ФД», «СО», «ИС» и так далее. Если потом локомотивы какой-нибудь серии начинают строить с дополнительными улучшениями, то это отмечается **маленькой** буквой; ее ставят вверху и справа от той, которая означает серию.

Буква «у», например, всегда значит «усиленный», «улучшенный» паровоз. Буква «ч» — «паровоз с усовершенствованиями профессора Чечотта».

Иногда, впрочем, маленькая буква указывает на место постройки данного паровоза: так, «Э^{ш}» значит — «паровоз серии Э, построенный в Швеции».

По цифрам, стоящим рядом с буквами, можно судить, сколько одинаковых паровозов было построено до того, как сделана данная машина. Это просто ее порядковый номер.

„Породы" паровозов

Никто не спутает скаковую лошадь с тяжеловозом-битюгом или першероном. Совершенно так же раньше легко бывало отли-

чить по виду скоростной пассажирский паровоз от обычного товарного.

Очень долго считали, что товарным поездам незачем двигаться чересчур быстро. От товарных локомотивов требовали силы, а не скорости. Поэтому их ведущие колеса делались сравнительно небольшими — 120 или 130 сантиметров в диаметре. Товарные поезда прежде делали не больше 20—30 км в час.

Другое дело локомотив-экспресс. Ему полагается везти вагоны со скоростью 100 и более км в час. Вот почему колеса этих паровозов огромны, в рост человека и даже выше (до 180—190 см). Повидимому, отличить товарный паровоз от пассажирского не трудно с первого же взгляда уже по его колесам.

Однако надо помнить, что сейчас положение меняется. Советская страна требует, чтобы ее грузы двигались тоже очень быстро, как можно быстрее, не медленнее, чем пассажиры. От товарного поезда начинают добиваться все большей скорости. И лучший из наших новых товарных локомотивов, «ФД» (Феликс Дзержинский), снабжен уже почти «пассажирскими» полутораметровыми колесами. Он легко возит огромные составы товарных вагонов, делая до 90 километров в час. Иногда эти машины водят и тяжелые пассажирские поезда.

1. *Тяжеловозы*

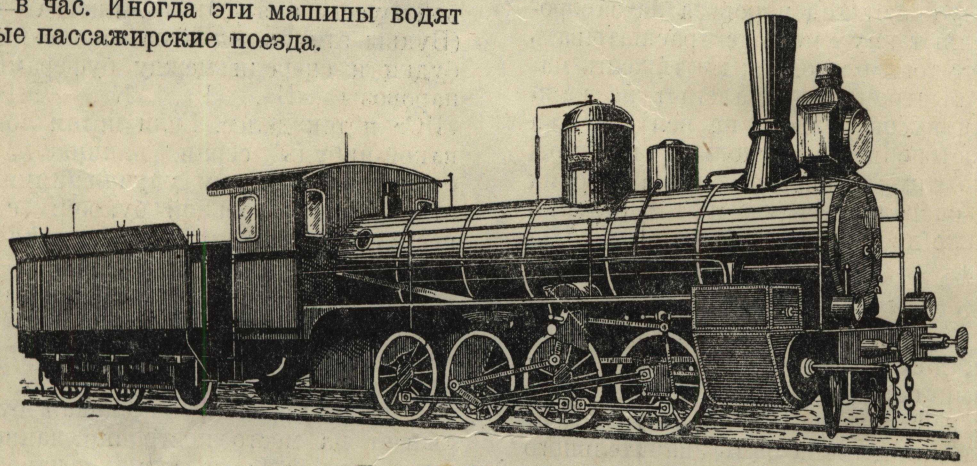
Одна из самых распространенных у нас машин — это приземистый небольшой паровоз, у которого и на будке и спереди на раме стоит буква «О».

На больших станциях многочисленные «О» толкают взад и вперед маневрирующие составы. На перегонах (если дорога не бойкая) они тянут эшелоны товарных поездов, а чаще подвозят шпалы и балласт для ремонта.

У «О» высокие и тонкие прямые трубы, низкий корпус, объемистый колпак «на спине», посреди котла. Их колесная формула 0-4-0. На многих «О» рядом с этой буквой стоит дополнительный знак — маленькое «ч», «п», очень часто «в»: эти буквы обозначают различные небольшие изменения в конструкции машины. Паровозы «Ов» а заодно все остальные «О» железнодорожники часто называют ласково и насмешливо «Овечками».

«Овечка» не принадлежит к паровозам-красавцам. Но это заслуженный старый паровоз-ветеран. Вот уже 40 лет, как такие «О» работают на наших дорогах. Они помнят русско-японскую войну, первую революцию, немецкую войну 1914—1917 гг., гражданскую войну... Было время, когда на них держался чуть ли не весь русский транспорт. Сейчас «Овечка» уходит в почетную отставку — на мелкие ветки, на должность маневровых паровозов крупных станций. Но относиться к ней надо с уважением.

Очень похожи на «О» его родные старшие братья, паровозы «Ч». Есть еще более крупные паровозы «V» и «Ы» с той же колесной формулой. Встретить их можно гораздо реже и лишь на немногих дорогах.



Паровоз „О" — „Овечка".

Научившись отличать «Овечку» от «Щуки», вы сделаете первый шаг в изучении наших паровозов.

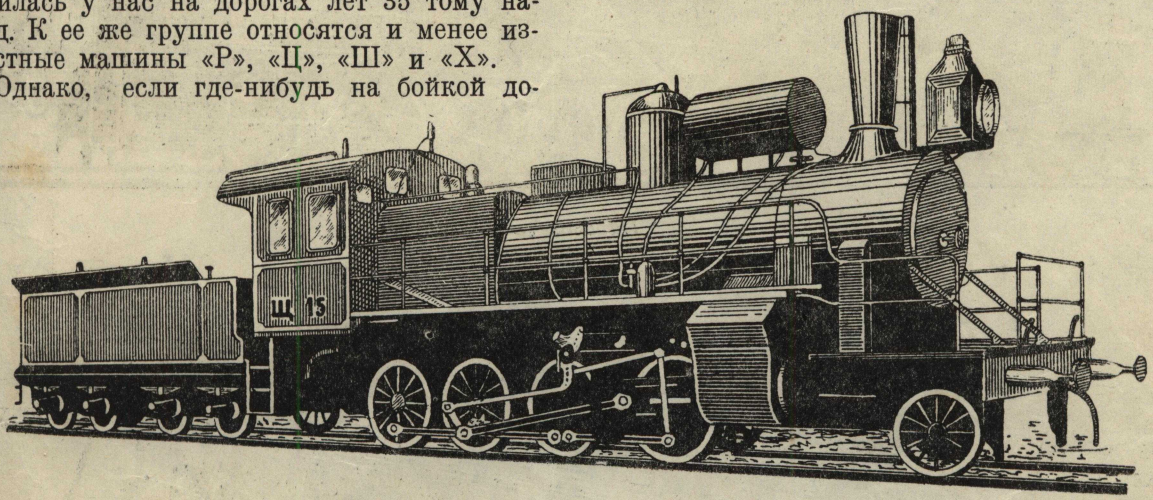
«Щука» — локомотив, обозначаемый буквой «Щ». Он более мощный, чем «О». Одна-

ко сейчас уже и он работает только на второстепенных линиях.

Опытный человек сразу отличит грузный, более высокий «Щ» от низкого, как собака-такса, «О». Посмотрите еще, есть ли у паровоза передние бегунки: у «Щ» они имеются, а у «О» их нет. Формула «Щуки» 1-4-0.

«Щука» тоже немолодой паровоз; она появилась у нас на дорогах лет 35 тому назад. К ее же группе относятся и менее известные машины «Р», «Ц», «Ш» и «Х».

Однако, если где-нибудь на бойкой дороге вы увидите длиннейший товарный поезд, а впереди него огромный многоколесный локомотив, будьте уверены, что это не «Щука». Почти наверняка перед вами один из трех наших основных современных товарных паровозов — либо «Э», либо «СО» (Серго Орджоникидзе), либо «ФД» (Феликс Дзержинский).



Паровоз „Щ" — „Щука".

Все это — машины с пятью движущими осями. Однако старший из них, «Э», имеет формулу 0-5-0, — следовательно, у него нет бегунков. Диаметр его колес все еще невелик — всего 1 м. 32 см. Из-за этих особенностей он тиховат на ходу: он развивает скорость до 70 км. Рядом с пятидесятитонным «О» восьмидесятидвухтонный «Э» выглядит настоящим гигантом.

Но количество груза, которое перебрасывают советские дороги, растет так быстро, что даже мощность этих великанов нам кажется теперь недостаточной. И вот на смену паровозам Э, которые появились впервые перед войной 1914 года, приходят паровозы, созданные уже в Советском Союзе, в недавние годы.

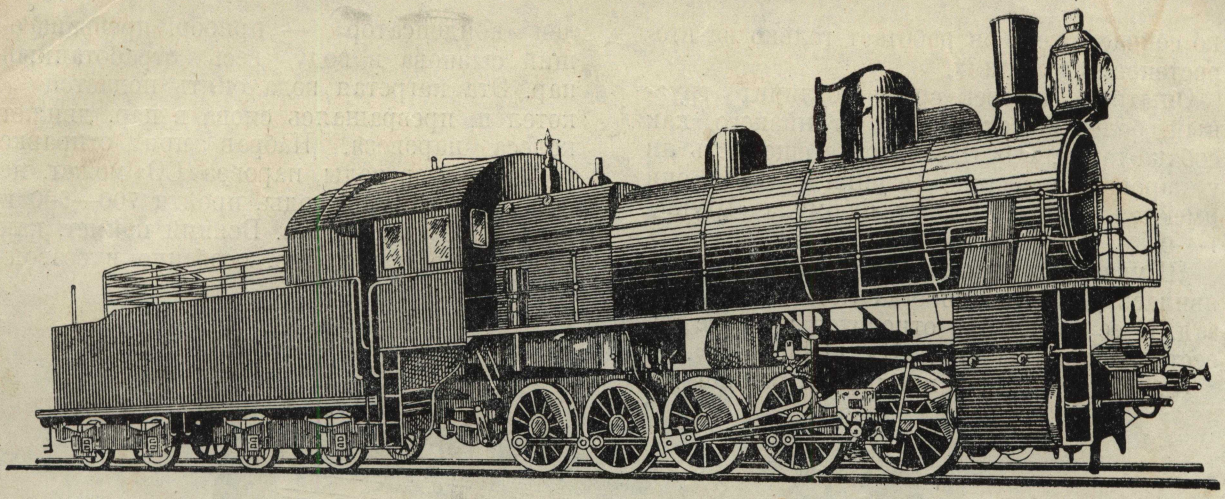
Из них «СО» интересен во многих отношениях. Он отличается от «Э» прежде всего бегунками спереди (1-5-0). Кроме того, на тендере многих из этих машин установлен «конденсатор», — прибор, превращающий сызнова в воду весь отработанный пар. Эта нагретая вода опять подается в котел и, превращаясь снова в пар, движет колеса паровоза. Набрав при отправке 10 000 литров воды, паровоз «СО» может, не пополняя запасов воды, пройти 700—800 и даже 1000 километров. Всякий поймет, как это удобно и выгодно, особенно в безводных, засушливых местах, — например, в пустынях и степях нашего юго-востока.

Такие паровозы на только что построенной дороге Уральск—Илецк (236 км длиной) позволили, например, расставить водокачки реже, чем их располагают обычно. Легко понять, что это намного удешевило постройку дороги, всегда требующую огромных денег.[1]

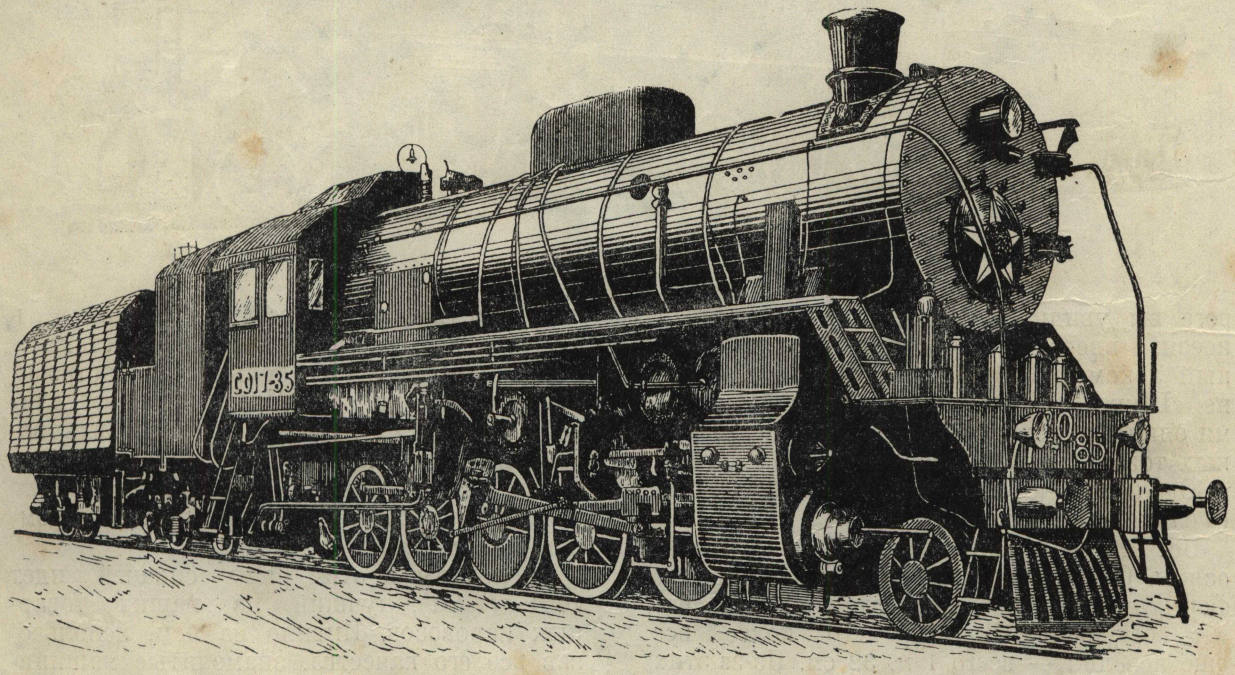
Последним в этом ряду силачей идет «ФД» (1-5-1), лучший из наших товарных паровозов. Именно на нем, использовав все его качества, знаменитые машинисты-орденоносцы Кривонос, Огнев, Богданов, Ишков и их последователи поставили свои удивительные рекорды. Вместо обыч-

[1] Близки по типу к «СО» паровозы «Е» и «Ф» — (иностранцы, закупленные в Америке и в Бельгии, так называемые «Декапод»). Но с тех пор, как в СССР построен конструктивно более удачный «СО», новых машин этих серий не делают и не приобретают.

Пока эта статья писалась и печаталась, один из «СО» с конденсатором, «СО-17-635», руководимый машинистами Макаровым, Межецким, Маракулиным и Коноваловым, совершил необыкновенную поездку. Выйдя из Москвы в декабре 1936 года, он за два месяца прошел по 11 магистралям Союза 21 000 километров и 13 февраля вернулся в Москву. Подобного непрерывного пробега не знают железные дороги мира!



Паровоз „Э".



Паровоз „СО" с тендером-конденсатором.

ных поездов в одну и две тысячи тонн весом лучшие машинисты нашего Союза, называемые машинистами-кривоносовцами, стали теперь возить более тяжелые составы: иногда в четыре, шесть и более тысяч тонн. Такой состав вытягивается иной раз в длину больше чем на километр; несмотря на это, идет он быстрее прежнего и с более редкими остановками. Стоит запомнить имена этих знатнейших в Союзе машин: паровоз Кривоноса — «ФД 20-835» (станция Славянск, Донецкой дороги).

Паровоз Огнева — «ФД 20-1000» (ст. Тула, Дзержинской дороги).

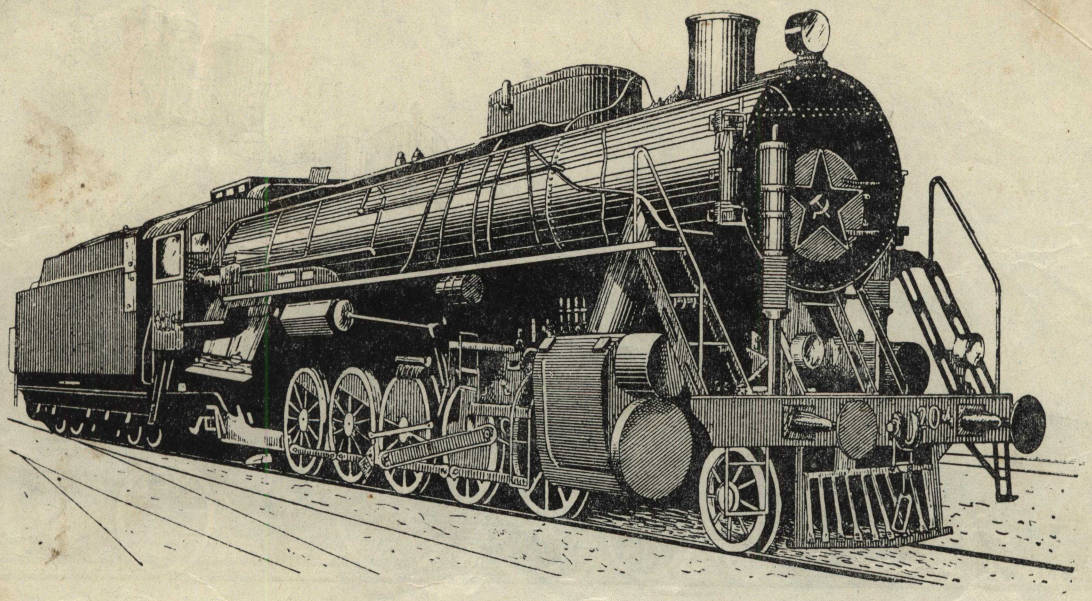
Паровоз Богданова — «ФД 20-1205» (ст. Ленинград—Витебская, Октябрьской дороги).

Паровозы «ФД» строятся на Украине в гор. Ворошиловграде [1] (быв. Луганске).

Бегуны

Я думаю, что теперь, садясь в поезд, вы не поленитесь добежать до паровоза, что-

[1] По хозяйственному плану СССР в 1937 году будет построено еще 600 новых паровозов „ФД", 500 „СО" и 100 „ИС".



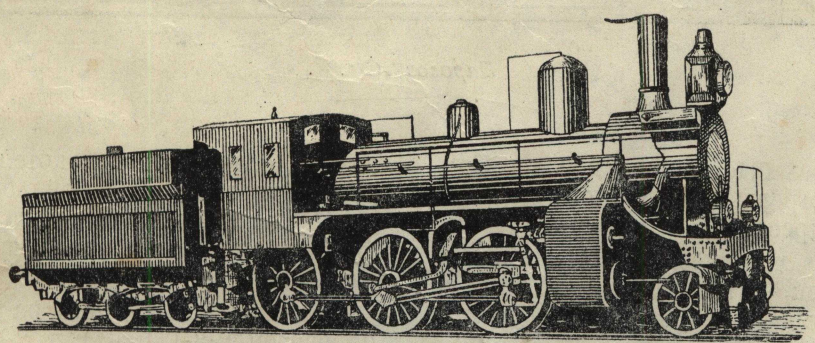
Паровоз „ФД".

бы узнать, какой именно бегун понесет вас на этот раз по рельсовому пути. Эти бегуны, пассажирские паровозы, бывают также различных типов. Благодаря своим большим колесам они кажутся нам более легкими, более стройными и высокими, чем их мощные, но медлительные собратья.

Их старейшиной, ровесником дряхлого «О», числится локомотив «Н». Как и «О», он работает сейчас главным образом на небольших ветках, а иногда таскает пригородные поезда.

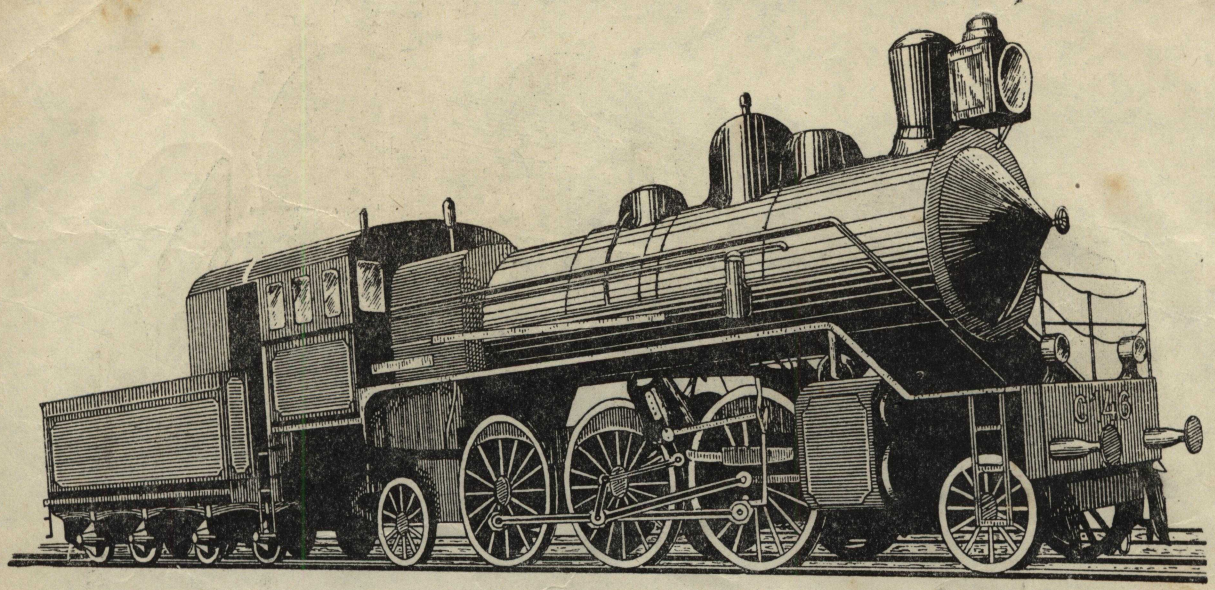
Бегунки впереди, три движущих оси (1-3-0) и сравнительно высокая труба, напоминающая товарные локомотивы, — так выглядит «Н». Но красные колеса его достаточно велики. Несколько улучшенный паровоз «Н» («$Н^{в}$», «$Н^{у}$», «$Н^{п}$») способен давать скорость до 100 километров в час; это немало и по нашим понятиям. Однако он легок, а чем паровоз легче, тем он слабее.[1] Поэтому и он сам и даже несколько более сильные паровозы 2-3-0 (например, «К», «Б», «Г») уступают свое место новым «породам» железных бегунов.

В 1911 году Сормовский завод выпустил отличный паровоз с колесами 1-3-1. По первой букве названия завода он получил серийное название «С». Красивые остроносые «С» быстро завоевали себе прочное место на русских дорогах. Однако довольно скоро явилась надобность еще усилить их и увеличить их вес. Улучшенные, усиленные «С» с обозначением «$С^{у}$» являются до наших дней основными паро-

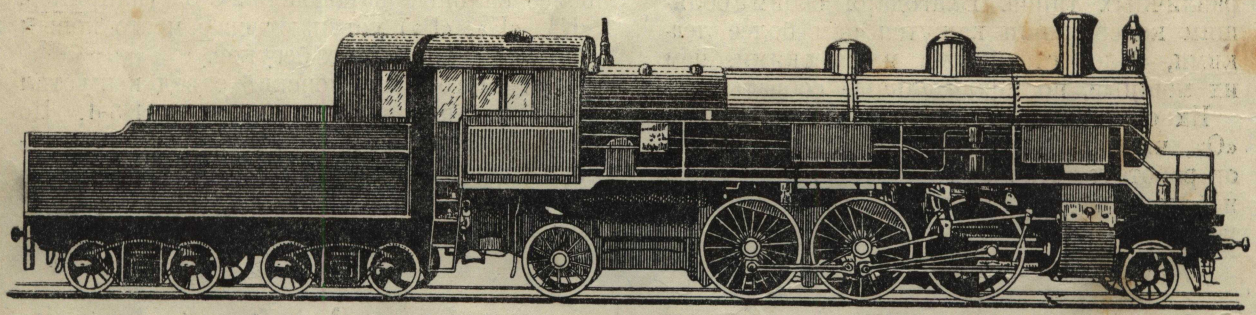


Паровоз „$Н^{в}$".

[1] Вспомните, что говорилось на стр. 88 о «сцепных» осях и «сцепном» весе.



Паровоз „С".



Паровоз „Су".

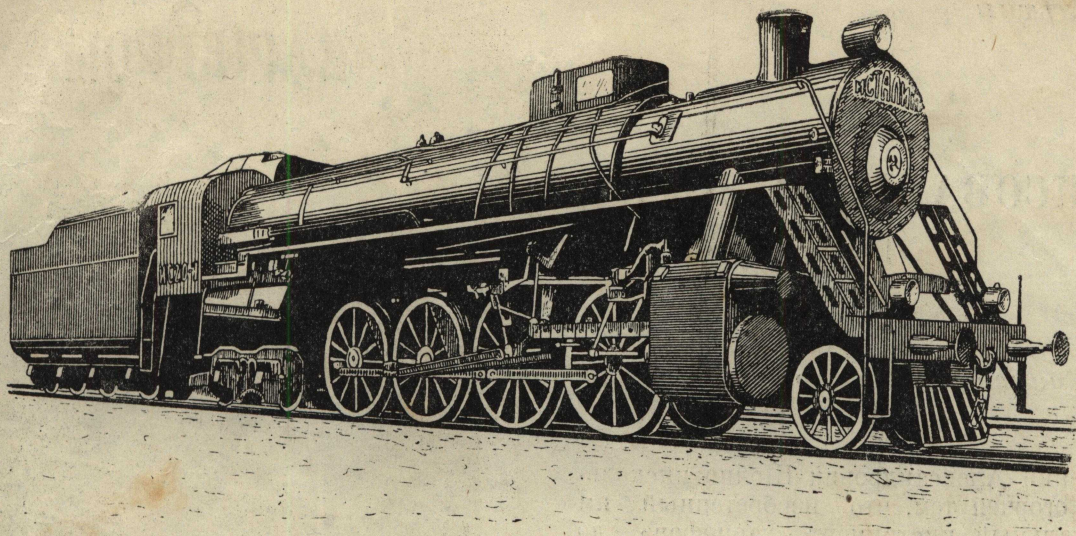
возами почти всех быстрейших поездов Союза (Красной стрелы, Полярной стрелы, Сибирского экспресса).

Паровозы «С^{у}» длиннее, чем «С» (посмотрите на рисунок — как далеко отодвинут здесь от ведущих колес задний бегунок). Вторым внешним отличием «С^{у}» от «С» является его не острый, как у «С», а округлый «нос» (передняя крышка котла). При постройке «С» (это было лет 25 назад) предполагали, что его острый нос будет лучше рассекать воздух на быстром бегу. Но позднее авиация показала, что гораздо выгоднее не острая, а тупоносая, сигарообразная — обтекаемая форма. Однако и она может дать нужный результат в том случае, если не только котел, но и весь паровоз будет одет в такой «обтекаемый» чехол.[1] Такие паровозы, издали похожие на дирижабли, начинают сейчас испытываться у нас.

Сравнительно немного на наших дорогах паровозов 2-3-1 («Л») и 2-4-0 («М»), постройки Ленинградского Кировского завода; сложные громадины «Л» не вынесли конкуренции более простых и почти таких же сильных С^{у}.

В царской России транспорт развивался

[1] На-днях вновь построенный «обтекаемый» паровоз «ИС», развивая скорость до 130 км/час, проходил испытания на южных дорогах.



Паровоз „ИС".

медленно. Тип паровоза не менялся десятки лет. Иначе обстоит дело в бурно растущем Советском Союзе.

Несколько лет тому назад на Коломенском машиностроительном заводе родился наследник и заместитель заслуженного «С^{у}», мощный пассажирский локомотив «ИС»; он назван так в честь товарища Сталина. Паровоз этот в полтора раза сильнее «С^{у}». Вероятно, скоро роль главного бегуна на лучших дорогах перейдет к нему.

Но и этого нам мало. Сейчас для поездов-экспресс уже начата постройка еще одного паровоза, с двухметровыми колесами. Если даже обычный «С^{у} 204-71» в ноябре 1936 года, на пробном рейсе Ленинград—Москва, смог развить скорость в 132 км/час, то эти новые рекордисты будут без усилий делать по 170 и более километров. Однако увидим мы их за настоящей работой только после многих предварительных испытаний.

Таков наш современный «паровозный парк». Познакомиться с ним любопытно, но для того, кто серьезно интересуется железнодорожным делом, это, конечно, только первая ступень. Если ребята-читатели «Костра» пожелают, — в следующих номерах журнала мы подробно расскажем о том, как устроен паровоз, и о том, как человек постепенно завоевывал все большую и большую скорость на рельсах.

По этой таблице читатели могут сравнить и сопоставить вес, размеры, силу тяги наших советских паровозов.

Серия паровоза	Длина паровоза с тендером (в метр.)	Вес паровоза в рабочем состоянии (в тоннах)	Площадь дна топки (колосниковой решетки в кв. метр.)	Приблизительная сила тяги паровоза, если принять силу „Ов" за единицу
О	16—18½	52	1,9	1
Щ	21	78	2,8	1,2
Э	21	82	4,5	1,8
ФД	30	133	7	2,3
Н	16—19	57—60	до 2½	0,7
С	21	76	4	1,1
С^{у}	22½	86	4,7	1,3
ИС	28	134	7	2,0

М. ВАЛЬТИН

РИСОВАННЫЙ ЗВУК



Единственный молчаливый

Евгений Александрович Шолпо нисколько не огорчен тем, что изобретенный им музыкальный инструмент «вариофон» до сих пор не издал ни одного звука. И даже когда этот инструмент будут изготовлять по всем правилам производства на фабрике, он останется молчаливым, как стол. Вариофон — это единственный музыкальный инструмент, который не издает никаких звуков, если не считать шороха колесиков и урчания электромотора. Да и нечем ему звучать — нет у него струн, как у рояля, нет клапанов и труб, как у органа, нет и ослиной кожи, как у барабана. И с виду вариофон не похож ни на один из инструментов, нам известных.

Он больше всего напоминает модель какого-нибудь завода или электростанции, как их делают в конструкторском бюро. Тут переплетаются нитяные приводные ремни, там кружатся шестеренки и колесики, качаются шатуны, блестят электромагниты, светятся лампочки.

На изготовление столь странного инструмента пошло изрядное количество палочек, деревянных и металлических колес. Изобретателю пришлось разломать один старый электросчетчик и фотоаппарат. Ему понадобился один шар от настольного бильярда и два шара от обыкновенного бильярда. Этим шарам предназначена очень ответственная роль: они заменяют пальцы музыканта.

После всего сказанного, пожалуй, вы сочтете изобретателя тов. Шолпо фантазером и чудаком.

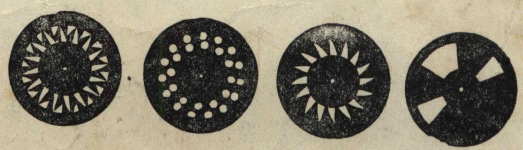
Но давайте разберемся в его изобретении, и тогда нам станет ясно, что же такое вариофон, единственный молчаливый инструмент среди всех музыкальных инструментов.

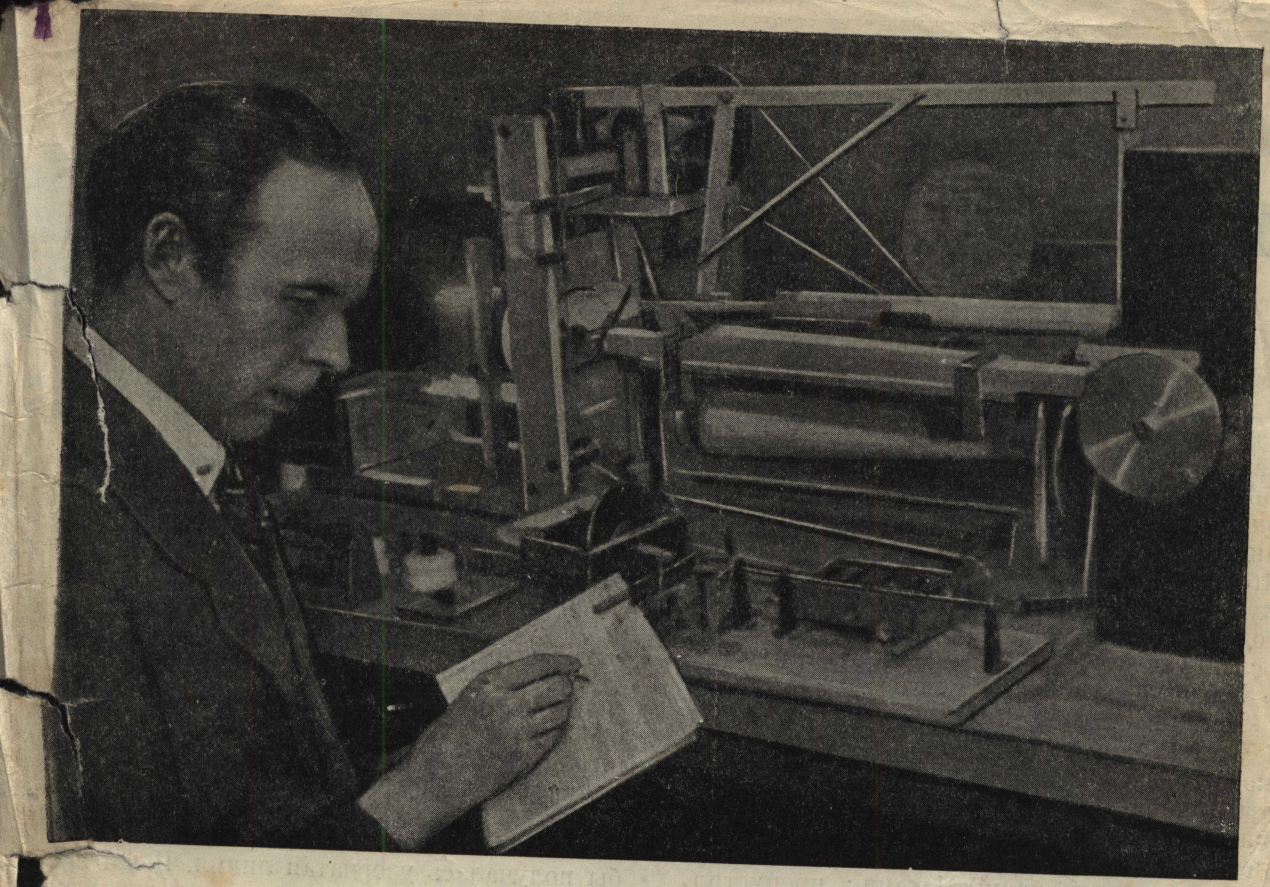
Рисование песенки

Вы, наверное, читали или слыхали, что музыку для звукового кино записывают на киноленте рядом с кадрами картины на так называемой звуковой дорожке. Когда по этой звуковой дорожке в киноаппарате скользит световой луч (так же, как скользит иголка по патефонной пластинке), вы слышите из мощных динамиков человеческую речь, аккомпанемент, музыку, песенки Дунаевского.

Однажды товарищ Шолпо унес с фабрики несколько кусков таких кинолент с за-







Профессор Е. А. Шолпо.

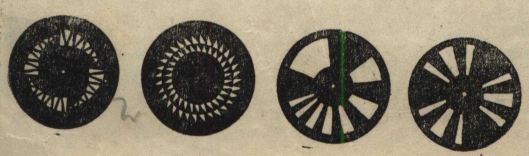
писью музыки. Дома он старательно рассмотрел звуковые дорожки и зигзагообразную линию записанного на них звука.

«Не так уж это хитро!» — подумал он. Пожалуй, не стоит приглашать на киносъемку оркестрантов с инструментами, музыкантов, певцов, солистов. Почему бы вместо этого не нарисовать на ленте черточки, зубчики, фигурки — точь-в-точь такие же, как на заснятой звуковой дорожке.

Много вечеров просидел изобретатель, напряженно изучая узоры на дорожке. Ему важно было понять, какой именно узор получается, когда играет скрипка, а какой от рояля. И вот что тов. Шолпо заметил: чем размашистей рисунок, тем громче звук; чем закругленнее, плавнее узор, тем звуки мягче и певучей. Если зигзаги, черные вначале, постепенно бледнеют, словно тают, то и звук получается слабеющий, как бы удаляющийся. А чем мельче и чаще сидят зубчики, тем выше, тоньше звук; чем зубчики реже, тем звук ниже, басовитее.

Ведь, право же, ничего сложного в этом нет! Все так просто, понятно... Кажется, возьми перо и садись, рисуй музыкальный узор.

Тов. Шолпо так и сделал. Он решил попробовать нарисовать песенку, как рисуют картинки. Но тут с самого начала его ожидало затруднение. Невозможно было найти такое перышко, которым можно было бы вычертить тонкий и нежный звуковой узор. И вот изобретатель попросил у жены самую тонкую, самую острую иголку. С иголкой дело как будто бы пошло на лад.





Чтобы изготовить звуковую дорожку всего только на одну секунду звучания, надо было процарапать почти полметра пленки. Адская работа, хуже вышивания! Нарисовав первый метр, тов. Шолпо пришел к печальному выводу: а ведь, пожалуй, было бы проще созвать музыкантов, — пусть они сыграют перед звукозаписывающим аппаратом, и дело с концом! Ведь для того, чтобы иголкой нацарапать музыку хотя бы к одной картине, нужно трудиться целый год и вдобавок к концу работы неминуемо ослепнуть.

Уж не бросить ли эту затею с иголкой?

Нет, ни за что!

Тов. Шолпо терпеливо и упорно работал, пока не приготовил порядочный кусок ленты. Кончил. Отнес на кинофабрику к механику звукового зала. Попросил пропустить ленту, чтобы услышать свой тщательно процарапанный звук. Механик пропустил ленту. И вот в зале раздался первый рисованный звук. Не шум, не визг и не хрип, а звук, настоящий музыкальный тон. Правда, не очень чистый, с хрипотцой, с шипением, но все-таки достаточно близкий к тому звуку, которого добивался изобретатель. Это была удача! Победа! Рисованный звук.

Хрипотца и шумы не обескуражили товарища Шолпо.

Он ведь уже раньше понимал, что царапанье иголкой по ленте — это не дело. Нужен инструмент более тонкий и точный, чем игла. Шолпо решил писать лучом света на светочувствительной кинопленке.

Вот с этого-то момента и началось изобретение — конструирование вариофона — прибора, который рисует звуки.

Картонная скрипка

Прежде всего изобретателю понадобился фонарик с узкой щелью. Это было нужно для того, чтобы получить тоненький световой луч. Еще понадобился фотографический объектив, чтобы направить этот луч на пленку; темный ящик с двумя барабанами для киноленты, мотор, чтобы вращать барабан вместе со всеми колесиками и валиками механизма.

Все было готово. Однако самого главного пока нехватало.

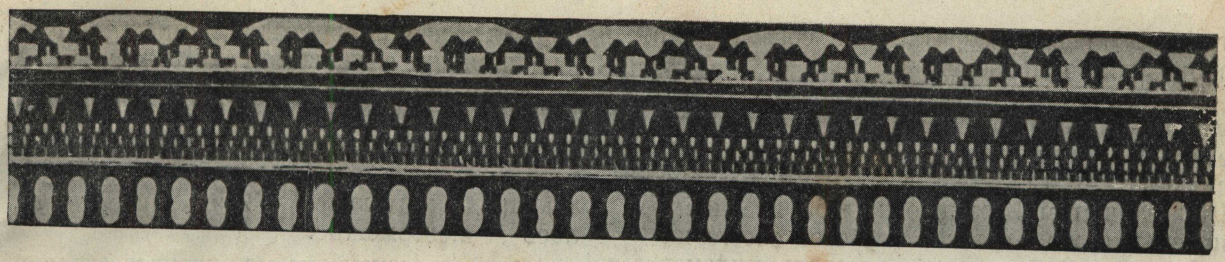
Предположим, мы пустили мотор в ход. Лента бежит между валиками, а неподвижный луч света чертит на ней ровную линию. И все же никакого узора от этого не получится, не будет и музыки — одно шипение.

Световой пучок должен колебаться, чтобы получалась узорчатая линия. И вот тов. Шолпо преградил лучу путь картонным диском на железной оси. Чтобы диск вращался, он соединил его с мотором, а внутри диска вырезал фестон и зубчики с таким расчетом, чтобы на медленно движущейся ленте отпечатывалась не ровная, а зубчатая, извилистая линия, — именно такая, как была на тех лентах, которые он достал на кинофабрике.

Картонных кружков понадобилось несколько.

Каждый из 16 кружков, изображенных на страницах 96 и 97, рисует свой особый музыкальный узор. Тут есть кружки, рисующие звуки скрипки, тромбона, кларнета и других музыкальных инструментов.

Можно вырезать любой кружок и приготовить запись любого инструмента, даже



такого, какого и на свете нет. Сейчас у тов. Шолпо заготовлено кружков двадцать, но он их может нарезать сколько угодно. Был бы картон да ножницы, а из них уже нетрудно составить оркестр из самых неведомых, самых диковинных инструментов.

„Чижик“ на вариофоне

Вот песенка, которая была записана одной из первых на вариофоне:

Чижик-пыжик, где ты был, —
На Фонтанке лапки мыл;
Вымыл лапки и упал,
Снова лапки замарал.

Если хотите, чтобы вариофон сыграл эту песенку на скрипке, то наденьте на ось картонный кружок № 1. А если на тромбоне, — то № 4. Всякая мелодия состоит из музыкальных тонов разной высоты, расположенных в определенном порядке.

Вот, например, последовательность нот в «Чижике»:

ми, до, ми, до, фа, ми, ре, соль, соль, соль, ля, си, до, до, до.

Как же получить эти ноты на вариофоне?

Звук — это колебание воздуха. Воздушные волны разбегаются во все стороны от звучащего тела, как волны на воде от брошенного камня. Если вы коснетесь краем звенящего колокольчика поверхности воды, то увидите эти волны в виде мелкой ряби.

Чем мельче волны, чем чаще они следуют одна за другой, тем выше звук, который мы слышим. Толстая струна рояля дрожит медленно, неторопливо, она делает всего лишь тридцать три колебания в секунду, и звук ее густой, низкий, почти как у колокола. А самая короткая и тонкая струна дает около четырех тысяч колебаний в секунду, и звук ее высок, тонок.

Значит, все дело в частоте колебаний, а на звуковой дорожке — в частоте зубчиков. А частота зубчиков, ясное дело, зависит от того, как быстро будет вращаться картонный диск в световом луче.

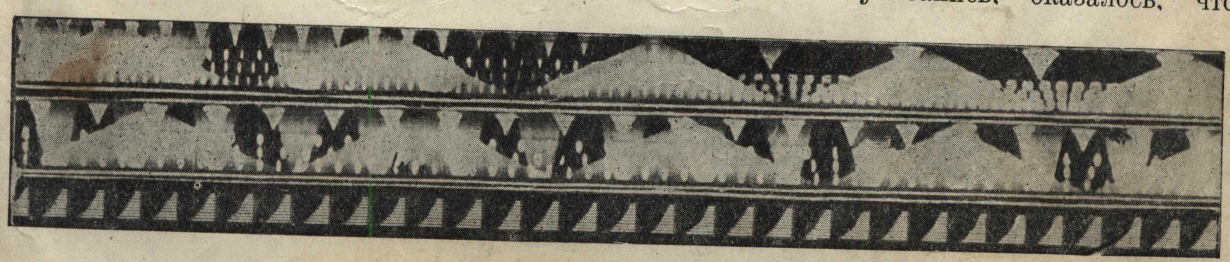
Заставим диск вертеться с определенной скоростью в секунду — получим запись одной ноты, уменьшим скорость — получим тон пониже.

Для управления скоростью вращения диска тов. Шолпо устроил особый движок, который ползет по шкале. Подвинуть его вправо — получаются звуки более высокие, влево — звуки более низкие.

Тромбон и барбос

Однажды тов. Шолпо, записывая звук скрипки, попробовал передвигать свой движок взад и вперед. Он хотел посмотреть, что из этого выйдет. Сначала он передвигал движок на миллиметры, а потом дал ему размах побольше — на целую октаву.

Ленту с этой записью Шолпо отнес механику звукового зала и пропустил через аппарат. Полились красивые, вибрирующие звуки, какие получаются, когда скрипач, прижимая пальцем струну к грифу, заставляет ее дрожать. Но вдруг скрипка умолкла, а из динамика отчетливо залаяла маленькая собачонка. Загадочное превращение скрипки в собачку очень заинтересовало тов. Шолпо, и он, записывая звук тромбона, проделал тот же опыт. Когда прослушали эту запись, оказалось, что



тромбон тоже превратился в собаку — в здоровенного дворового барбоса.

Тов. Шолпо — неожиданно для себя самого — изобрел собачий лай. После этого ему без труда удалось превратить гавайскую гитару в котенка, а флейту в соловья. Шаг за шагом Шолпо открывал все новые и новые замечательные свойства своего инструмента. Он научился рисовать пулеметную стрельбу, стук в дверь, гром, грохот телеги на мостовой, плеск воды и множество других звуков.

Любой звук

Вы слышали когда-нибудь игру на смычке? Если скажете — нет, ошибаетесь. Каждый раз, когда вы слушаете скрипку, то волей-неволей вам приходится слышать не только мелодичное пение струн, но и довольно противный звук смычка. Он, скользя по струнам, заставляет их музыкально звучать, а сам при этом шипит. Слушая рояль, — хотите ли вы этого или не хотите, — вы неминуемо слышите стук пальцев по клавишам и удары молоточков по струнам.

С помощью вариофона можно записать чистый звук скрипки без шума смычка, звук рояля — без ударов клавишей, звук трубы — без того шипенья, которое получается оттого, что музыкант вдыхает воздух.

Попробуйте ударить по крайней слева клавише рояля,—вы получите густой, низкий звук. Он будет гудеть долго, постепенно затихая. А попробуйте ударить по одной из клавишей с правого края, — вы услышите тоненький и очень короткий звук; его нельзя растянуть, сделать продолжительным. Десятки мастеров пытались усовершенствовать рояль, сделать высокие ноты продолжительнее, но это не удавалось — невозможно!

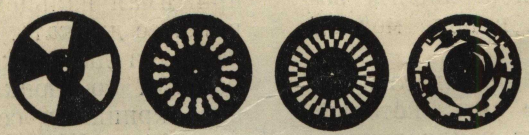
А вот на вариофоне можно рисовать звуки высоких нот рояля, растягивая их звучание хоть на целые сутки, лишь бы только хватило ленты.

Самый лучший скрипач не сможет заставить скрипку тянуть одну ноту более полуминуты — смычок короток. На вариофоне же возможно все: скрипка будет вам тянуть одну ноту хоть целый час.

Звуки любой высоты, какого угодно тембра, всевозможных оттенков, произвольной продолжительности, звуки нежные, мягкие, чистые, без всяких посторонних шумов, можно получить с помощью вариофона. И даже более того: если композитор захочет, он может заставить рояль петь, как виолончель, виолончель — высвистывать мелодии, а свисток — мяукать наподобие гавайской гитары.

Новый музыкальный инструмент, молча вычерчивающий на киноленте звуковую дорожку, открывает композитору такие возможности, о которых до сих пор он мог только мечтать.

Такова эта новая «умная машина», которая может создавать небывалые и еще неслыханные звуки.



КОНЕЦ „ТИТАНИКА“

Пять лет тому назад, в мае 1932 года, в Индийском океане сгорел французский пароход «Жорж Филиппар». Его гибель изображена у нас на обложке. О ней же говорится и в рассказе Л. Успенского (стр. 3). «Жорж Филиппар» унес с собою на дно 90 человек, задохнувшихся в дыму, сгоревших и утонувших.

А за двадцать лет до этой катастрофы в противоположной части земного шара, недалеко от побережий холодного Нью-Фаундленда, произошло событие еще более страшное: 15-го апреля 1912 года один из лучших кораблей английского торгового флота, гигант из гигантов «Титаник», погиб от столкновения с плавучей ледяной горой — айсбергом.

На «Титанике» (англичане произносят это слово: «Тайтэник») в момент его гибели находилось 2200 человек. Все они ехали из Европы в Америку. 1490 из них никогда больше не увидели ни американских, ни европейских берегов.

Отчего же погиб «Титаник»? Кто был в этом виноват?

Может быть, капитан Смит, — ведь это он допустил приближение судна к плавучей горе?

А может быть, радист корабля Филиппс? Он был так занят передачей частных писем и телеграмм, что не обращал внимания на предостережения о встречных ледяных полях и айсбергах. Или, быть может, вина лежит на командирах встречных судов, не пожелавших придти на помощь «Титанику»?

Нет, нельзя сказать, что во всем виноваты эти люди. Капитан Смит погиб как герой. Он последним сошел со своего судна, сошел не в лодку, а прямо в ледяную воду Атлантики, — так как все лодки были уже переполнены.

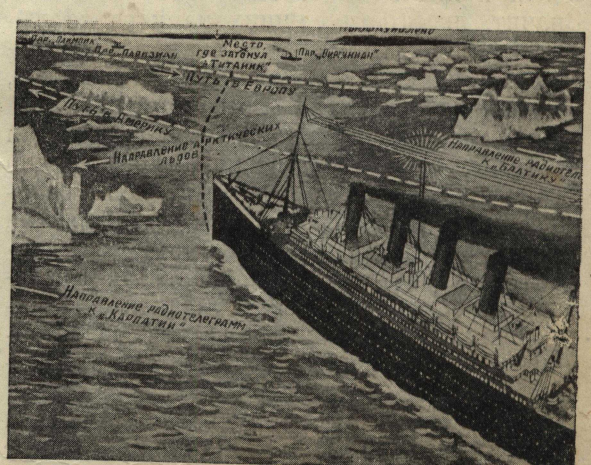
Радист Филиппс оставался в своей рубке до конца. Еще за три с половиной минуты до того, как «Титаник» исчез под водой, он рассылал во все стороны сигналы о помощи... Филиппс умер на посту. Значит, он тоже был героем.

Капитаны судов, оказавшихся неподалеку от места гибели, были, конечно, разными людьми. Среди них нашлись такие, которые сделали все, что могли, для спасения гибнущих. Были и другие—они не смогли, а может быть даже не пожелали свернуть со своего пути и пойти на выручку несчастных. А один из капитанов был в это время мертвецки пьян и всю ночь неподвижно простоял со своим кораблем среди ледяных полей в каких-нибудь 5 милях от места катастрофы. Это был капитан «Калифорниан», судна той же компании, что и «Титаник». Но, как бы то ни было, не капитаны встречных судов были виноваты в несчастье, которым закончился первый и единственный рейс огромного судна.

Где же искать настоящих виновников? Во всем этом от начала и до конца повинны не столько отдельные люди, сколько то бессмысленное, жестокое, беспорядочное устройство человеческого общества, которое мы зовем капитализмом. Это оно погубило «Титаник». Это оно сожгло «Жоржа Филиппара». Оно пустило ко дну «Лузитанию». Оно губило и губит во имя наживы, во имя жадности, во имя прибыли миллионы человеческих жизней.

«Титаник» был почти в 3 раза тяжелее злополучного «Филиппара» (46 300 регистровых тонн против 16 990) и значительно больше его (260 метров против 173). Его построили для английской трансатлантической компании «Белая Звезда» (Уайт-Стар).

При этом строителям была дана инструкция во что бы то ни стало оставить далеко позади самые большие и самые роскошные суда «враждебной фирмы» Кунарда.



„Титаник“ за 5 минут до катастрофы.



Радист Филиппс.

Фирма Кунард соперничала с «Белой Звездой». К 1912 году она отняла у «Звезды» ее пассажиров, а с ними большую часть доходов: этого «Звезда» никак не могла стерпеть.

По окончании постройки «Титаник» оказался величайшим судном мира. В первом классе были и курительные комнаты, и библиотеки, и зимние сады, и рестораны, и большие залы. Зато III класс состоял из тесных и мрачных конурок. Строители «Титаника» больше всего заботились о выгоде. Огромное судно вмещало 2566 пассажиров (не считая тысячи человек команды), а спасательные боты его, в случае несчастья, могли принять не больше 1200 человек. Значит, две трети едущих на корабле людей были заранее обречены, в случае несчастья, на смерть. И самое удивительное, что это было сделано «по закону».

Правда, этот странный закон был издан много лет назад, в те времена, когда судно в 10 000 тонн считалось уже очень большим. Закон этот требовал, чтобы корабли, превышающие такую величину, снабжались не менее чем 16-ю шлюпками. Проходили годы, корабли росли, а закон оставался неизменным. На пятидесятитысячетонном «Титанике» число шлюпок было прежнее: 16.

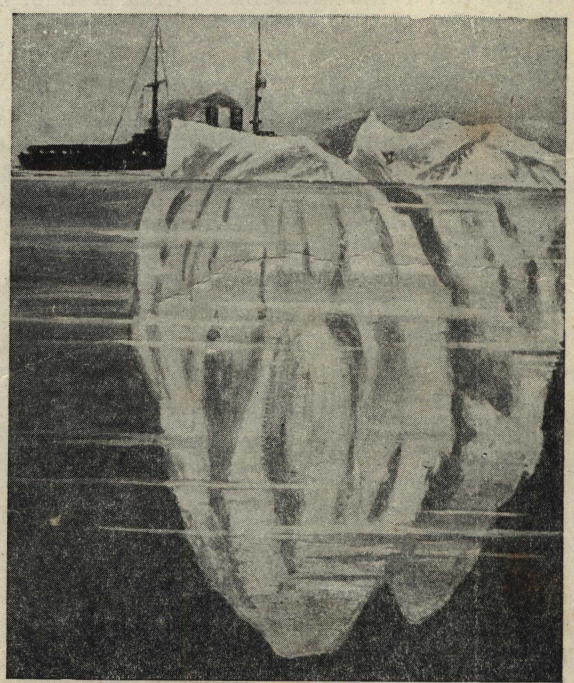
В апреле «Титаник» был готов. Компания «Белой Звезды» заранее объявила о дне его первого рейса. Следовало бы, конечно, до этого рейса провести длительное и всестороннее мореходное испытание корабля. Но его проверяли на ходу всего несколько часов. Если бы он не вышел из гавани в обещанный срок, враждебная компания «Кунард» перехватила бы его пассажиров, а значит и их деньги. Это было недопустимо. Хуже того. Это было **невыгодно.**

И вот гигант отбыл в море из английского порта Куинстоун 11-го апреля со множеством недоделок, с плохо обученным, не знающим судна, экипажем на борту.

До вечера 14-го апреля он следовал обычным для всех трансокеанских судов путем. Этот путь проходил на 200 миль к северу от того места, где на морской карте значится: «Ледяные горы встречались здесь с апреля по июнь».

Многие встречные и попутные суда телеграфировали «Титанику», что по дороге замечены ледяные поля и айсберги. Последняя такая телеграмма поступила на радиостанцию за два часа до катастрофы. Но радист не передал ее капитану. Он был по горло занят. Его завалили своими депешами спешившие в Америку по делам богатые, богатейшие и сверхбогатые люди.

Радисты «Белой Звезды» были хорошо вышколены на этот счет. Они знали, что даже незначительная задержка деловой телеграммы какого-нибудь миллионера пахнет скандалом: все скажут, что «Звезда»



Айсберг рядом с большим линейным кораблем.

плохо обслуживает своих солидных пассажиров. Это ужасно. Более того, это — **невыгодно.**

В 10 ч. 40 минут вечера еще одно судно пыталось сообщить «Титанику», что оно стоит на его пути, окруженное льдом; это было то самое судно, капитан которого оказался пьяным в страшную ночь катастрофы.

Но радист «Титаника» сердито оборвал непрошенных советчиков. Ему было не до того. Он все время говорил с Америкой, справлялся о курсах акций, передавал приветы и пожелания. Что они лезут со своими дурацкими льдами? Некогда!

Войдя в опасную зону, «Титаник» должен был убавить ход. Но «Белая Звезда» хотела как можно меньше отстать от лучших скороходов Кунардовской линии — «Мавритании» и «Лузитании».

Навстречу огромным пловучим глыбам льда корабль несся полным ходом. Замедлить этот роковой бег было **невыгодно.**

И вот ровно через час после этого последнего предупреждения — в 11 ч. 40 м. ночи — ледяная гора выросла перед носом судна в каких-нибудь 150 метрах.

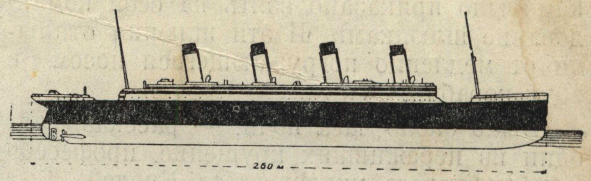
Запоздалая попытка дать задний ход и свернуть в сторону не помогла. Стальной остров с разгона ударился носовой частью правого борта об остров ледяной. С верхушки горы на палубу судна обрушились груды мокрого снега. Одним поворотом рычага вахтенный помощник капитана Мурдок закрыл все водонепроницаемые двери в кочегарках и машинном отделении. Но было уже поздно.

Десять минут спустя капитан Смит и строитель корабля Эндрюс спустились в трюм — осмотреть пробоину. Результаты осмотра были ужасны. За 10 секунд соприкосновения со льдом стальной борт был разодран на протяжении 100 метров. Вода с шумом вливалась во внутренность судна. Пять носовых отделений были залиты уже на 4 метра.

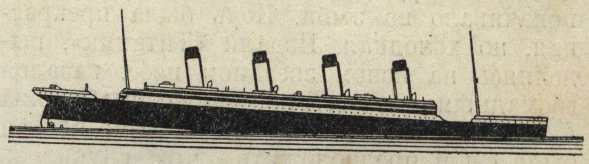
Тогда Эндрюс, человек, построивший этот корабль, вынес ему смертный приговор. «Он продержится не дольше часа», — сказал инженер Эндрюс.

И вот наступил этот страшный последний час.

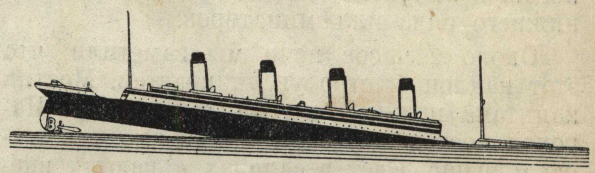
С первой же минуты стало ясно, что шлюпок хватит только на женщин, детей, стариков и больных. Тогда обреченная на гибель команда в полном порядке разместила их на спасательных судах. Капитан Смит, строитель Эндрюс, старшие помощ-



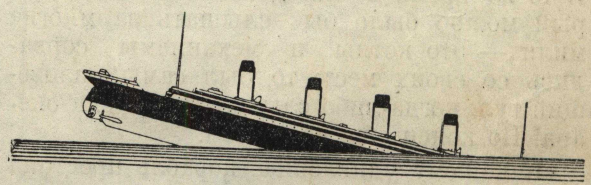
„Титаник" перед столкновением с ледяной горой.



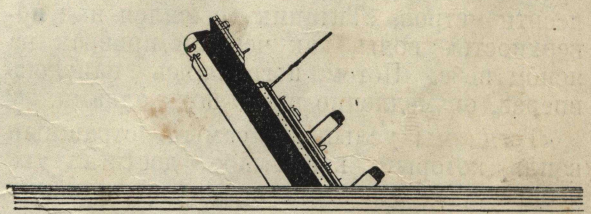
Через 1 ч. 20 м. после аварии.



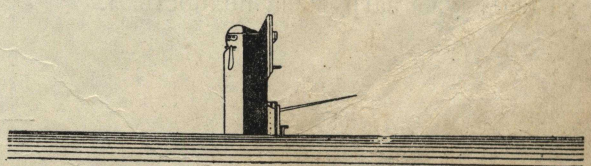
Еще спустя 40 минут.



Еще 20 минут...



Еще 10 минут...



Еще пять...

ники капитана до последней минуты остались на своих постах. Остальным помощникам было приказано взять на себя командование шлюпками. И эти шлюпки отплыли от медленно погружающегося носом в воду корабля.

«Было около часа ночи, — рассказывает один из переживших крушение, профессор Кембриджского университета Бислей.

«Ночь стояла звездная, совершенно ясная, но без луны. Море выглядело спокойным, как пруд, и шлюпку лишь слегка покачивало на зыби. Ночь была прекрасная, но холодная. Издали «Титаник», выделяясь на ясном звездном небе, казался громадным; все его иллюминаторы и окна в салонах блестели ярким светом; нельзя было бы и предположить, что случилось нечто неладное с таким левиафаном, если бы не еле заметный наклон на нос. Под носовой палубой вода доходила уже до нижнего ряда иллюминаторов.

«Около 2 часов ночи мы заметили, что этот наклон быстро увеличивается. Мостик капитана целиком погрузился в воду. Пароход постепенно поднимал корму все выше и выше. Свет в салонах и каютах внезапно погас, затем на несколько мгновений блеснул снова и, наконец, исчез совсем. В то же время до нас донесся грохот, который можно было бы слышать за многие мили — это котлы и механизмы сорвались со своих мест; то был самый зловещий гул, когда-либо слышанный среди океана! Но конец еще не настал.

«К нашему удивлению, корабль простоял вертикально в течение продолжительного времени. Я определяю это время в пять минут. Подобно башне высотою около пятидесяти метров, «Титаник» высился над поверхностью воды, как черный призрак на ясном небе. Потом, погружаясь наискось вперед, он медленно исчез под волнами.

«Тогда мы услышали самый страшный вопль, который когда-либо достигал уха человека, — это были крики сотен наших сотоварищей, боровшихся со смертью в ледяном море и призывавших помощь, которую мы не могли им оказать. Наша шлюпка была уже загружена полностью».

Как только стало ясно, что положение «Титаника» безнадежно, радио разнесло во все стороны его призыв о помощи.

Первой откликнулась и прибыла к месту катастрофы «Карпатия», пароход соперника «Белой Звезды» — Кунарда. Благодаря энергии и распорядительности капитана (он успел заготовить для закоченевших мокрых людей одежду, пищу, постели, горячее питье) «Карпатии» удалось спасти 712 человек.

Но, к несчастью, она пришла на помощь не сразу. Прежде чем добраться до «Титаника», она проделала путь в 58 миль среди ледяных гор и полей.

Гораздо раньше могло бы придти на помощь другое судно, стоявшее всего в 5 милях от «Титаника». Это был «Калифорниан» — тот самый «Калифорниан», капитан которого был в эту ночь мертвецки пьян.

«Позорное поведение этого моряка, — пишут теперь английские морские специалисты, — так возмутило весь мир, что он тотчас же был уволен со службы и уже никогда не мог найти себе места в британском флоте».

Но был другой человек, который вел себя не менее постыдно. На борту «Титаника» ехал в Америку председатель общества «Белая Звезда» сэр Исмей Брус, — человек, может быть, более всех других виновный во всем, что случилось. Однако он не погиб вместе со Смитом, Филиппсом и Эндрюсом.

Он в первые же минуты растерянности украдкой пробрался в одну из шлюпок, спрятался там за спины женщин, стариков и детей и благополучно достиг берегов Америки.

Его поведение возмутило многих. Имя его тоже долго произносили с презрением. Но никто и никогда не слышал, чтобы сэр Брус лишился своей должности или чтобы он не мог найти себе подходящей работы, как тот пьяница, который был капитаном «Калифорниан». Еще бы! Он был богач, банкир, председатель крупнейшего пароходного общества. А таким людям капиталистический мир охотно прощает и самые гнусные из преступлений.

Г. БЫКОВ

МИЛЛИОН

Ежедневно мы читаем в газетах: «...в СССР живет 170 миллионов человек»... Много это или мало?

«...За 19 лет в нашей стране выпущено 18,6 миллиона книг Пушкина...»

Что это — много или мало?

«...На таком-то строительстве вынуто 6 миллионов кубометров грунта... На другом уложено 1,25 миллиона кубометров бетона...»

Много это или мало, в конце концов?

Большинство, конечно, ответит: много! Все мы знаем: миллион — это много. Но и тысяча — тоже порядочно. А уж миллиард — прямо нивесть сколько.

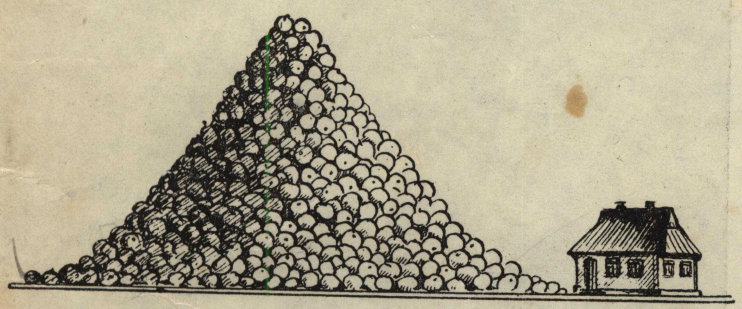
Очевидно, сказать «много» — это значит ничего не сказать. В сущности очень редкие люди ясно представляют себе, как велико число миллион.

Видели ли вы, например, когда-нибудь своими глазами миллион каких-нибудь отдельных предметов сразу? Не больше и не меньше, а ровно миллион? Очень сомневаюсь в этом.

Я хочу **показать** вам несколько таких любопытных «миллионов», а там, где нельзя будет показать, то по крайней мере **рассказать** о них так, чтобы вы почувствовали, как именно велик миллион.

I

ЧТО ТАКОЕ МИЛЛИОН ЯБЛОК?



Скажите, можно ли унести его на плечах или придется везти на телеге? А может быть понадобится вагон?

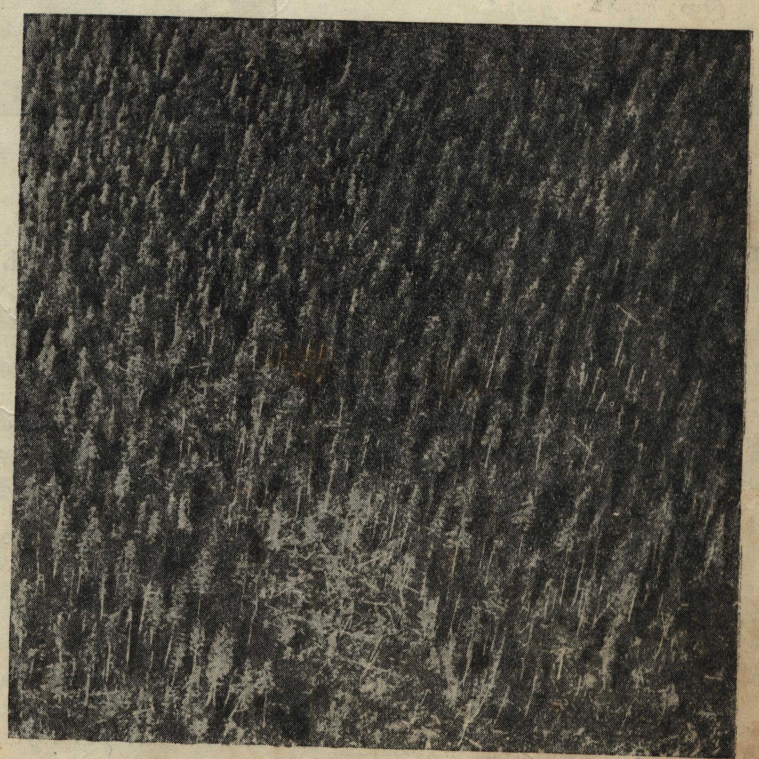
Возьмите среднее яблоко, диаметром 6 сантиметров, и вычислите высоту той груды, какую бы образовал миллион средних антоновок, сваленных в кучу в круге с поперечником хотя бы в 30 метров. Я утверждаю, что эта куча будет «выше дерева, больше дома». Проверьте меня. Конечно, сделать это может лишь тот, кто хоть немного знает геометрию.

II

ЧТО ТАКОЕ МИЛЛИОН ДЕРЕВЬЕВ?

Рощица это, роща, лесок, тайга? Не стоит гадать. Перехватить тут так же легко, как и недохватить. Всего проще прикинуть в цифрах.

Возьмем гектар соснового или елового леса средней густоты. Хвойные деревья стоят в лесу обычно через каждые 4—5 метров. Тогда на гектаре уместится 400 деревьев, а весь миллион стволов займет площадь в 2500 га, или двадцать пять квадратных километров. Значит, миллион деревьев—это не роща, но и не тайга. Это крупная лесная дача, пятикилометровой длины и такой же ширины, если возможна дача без единой полянки и прогалинки.



III

СКОЛЬКО БУКВ В „КОСТРЕ“?

Как вы полагаете—в этой книжке «Костра», которая лежит перед вами, — больше миллиона букв или меньше? А если больше или меньше, то на сколько?

Нетрудно подсчитать число знаков на странице журнала. В каждой строчке их 84 (считая запятые, точки и промежутки между словами), а строк на странице, где нет рисунков, в среднем 56.

$84 \times 56 = 4704$.

В номере «Костра» 112 страниц. Значит, наибольшее число знаков, какое можно поместить на них, равно примерно 527 тысячам.

Может быть, и немного меньше, но во всяком случае не больше. А если исключить знаки препинания и промежутки между словами (они занимают около 1/6 всего места), то буквенных знаков в книжке «Костра» останется не больше чем 350—400 тысяч.

Допустим, вы захотите проверить меня, подсчитав по одной все эти буквы. Не советую, однако, вам начинать эту работу. Если вы будете считать, не отрываясь ни на миг, без сна, питья и еды, подсчитывая по 2 буквы в секунду (что очень трудно!),—у вас уйдет на это не меньше сорока шести часов и 12 минут. Начав счет 10-го мая ровно в полдень, вы кончите его 12-го мая в 10 часов 12 минут утра. Лучше уж поверьте моему слову и своим собственным арифметическим выкладкам.

IV

В СТАРИНУ ГОВОРИЛИ

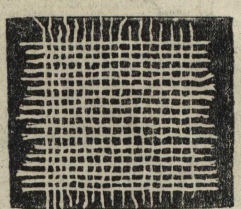
«С миру по нитке—голому рубашка». А так ли это? Может ли выйти рубашка из ниток, если у каждого живущего на земле человека взять по одной нитке? Проверим!

Предварительно надо условиться, какой длины будут эти дареные нитки.

Предположим, что каждый даст вам такой кусок нитки, какой обычно вдевают в иглу для шитья, ну, скажем—около метра длиной.

Сколько же получится полотна, если взять по одной метровой нитке даже не у всех людей мира, а на первых порах — для пробы — только у 170 000 000 граждан СССР?

Вглядитесь в обычное полотно. Один квадратный сантиметр его содержит приблизительно 17 продольных и 17 поперечных нитей. В метре, следовательно, перекрещено 3400 метровых ниток.



Разделив 170 000 000 на 3400, мы получим число 50 000. Вот сколько метров полотна можно выткать из собранной нами по метровым обрывочкам пряжи.

Если на одну рубашку мы отпустим материала с хорошим запасом по 3,5 метра, то и тогда из нашего полотна можно нашить их 14 285 штук. Это гораздо больше, чем обещает пословица. Даже если бы мы взяли нитки всего лишь у одного миллиона человек, то рубашек хватило бы на 84 голых. Тот, кто в былые годы придумал пословицу, очевидно и не подозревал, как велик «мир».



V

СКОЛЬКО ЗВЕЗД НА НЕБЕ?

Обычно, желая изобразить какое-нибудь огромное множество, для сравнения говорят: «много, как звезд на небе». При этом, конечно, подразумевают те звезды, которые мы видим **простым глазом** в темную ночь. Небо тогда прямо кишит звездами. Но интересно подсчитать, сколько же звезд мы видим в это время. Миллион? Два? Три? Несчетное множество?

Астрономия дает на этот вопрос совершенно неожиданный и, на первый взгляд, неправдоподобный ответ: даже очень зоркий человек не может без трубы или бинокля увидеть над собой в самую благоприятную ночь больше 3500 звезд.

Такое же, примерно, количество звезд видят люди южного полушария земли.

Значит, все «неисчислимые мириады» небесных светил, доступных простому, невооруженному глазу, с избытком укладываются в 7000, в 1/143 часть миллиона.

Таким образом, если вы хотите понять, что такое «миллион», — выйдите ночью в поле, закиньте голову кверху и попробуйте вообразить себе небо, в 300 раз более обильное звездами, чем наше.

VI

ПОПРОБУЙТЕ ОТСЧИТАТЬ



один миллион дней от сегодняшнего дня назад, в глубь веков. В какую эпоху вы попадете: к современникам ли Ивана Грозного, жившим 450 лет назад, к нашим ли еще более далеким предкам, видевшим крещение Руси в восьмидесятых годах десятого века, к римлянам времен Цезаря или еще дальше? Я склонен думать, что вы увидите тех самых хеттов, о которых говорится на стр. 94 мартовской книжки «Костра», и египтян времен Рамсеса второго. Во всяком случае миллионный день придется где-то недалеко от них. Проверьте меня подсчетом.

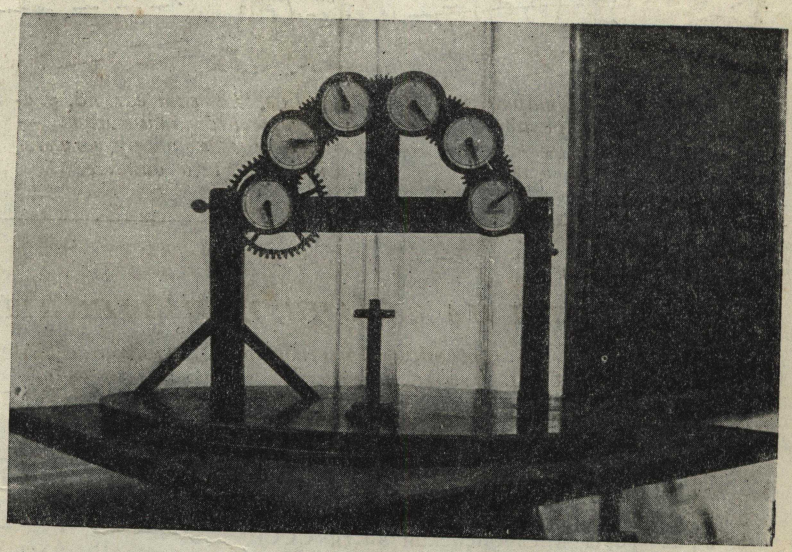
VII

СРЕДНИЙ ШАГ ВЗРОСЛОГО

равен, примерно, 75—85 сантиметрам. Ваш шаг, вероятно, несколько короче—сантиметров 60. Подсчитайте, далеко ли вы уйдете, если сделаете в любом направлении от своего дома всего только миллион шагов. Размер моих шагов я знаю. Они очень велики: каждый почти равен метру. Сделав из Ленинграда миллион шагов, я попаду в Тамбов или в Киев, в Варшаву или в Мурманск.

А вы куда?





VIII

В ДОМЕ ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ НАУКИ

Наконец — последнее. У нас в Ленинграде, в Доме занимательной науки, есть любопытный прибор. Вот его снимок.

Десять оборотов ручки передвигают стрелку первого циферблата на полный круг, стрелку второго — на одну десятую круга, третьего — на одну сотую и последнего — на одну стотысячную часть.

Чтобы последняя стрелка совершила целый оборот, надо миллион раз повернуть ручку.

Вы крутите эту ручку десять минут, полчаса, час—и даже не замечаете движения последней стрелки, — так медленно она ползет. Чтобы заставить ее обойти весь круг, нужно, оказывается, работать без передышки, без сна и отдыха, около 8 дней.

Вот как велико, как грандиозно ежеминутно упоминаемое нами число миллион!

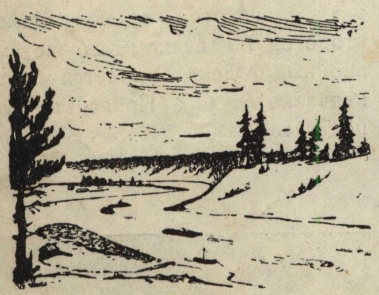
ТРИ ВОЛШЕБНЫХ КАРТИНКИ

Вот три картинки. Все они замечательны в своем роде. Каждый легко заметит, что на всех трех изображено одно и то же! Какая-то река, текущая по какой-то стране и, конечно, за пределами рисунков, впадающая где-то в какое-то море. Но что же в этом удивительного? Удивительное, почти волшебное, заключается вот в чем. Я утверждаю, что тот, кто отлично знает географию, может, внимательно разглядев по очереди все эти картинки, безошибочно сказать — где, под какой широтой и какой долготой течет эта неизвестная река. Но ведь определить широту и долготу — это и значит установить, какая именно перед нами река.

Таким образом, после определения широты и долготы, река перестанет быть неизвестной, а заодно вы узнаете и страну, по которой она течет, и море, в которое она впадает.

Определите скорее, что это за река, и вы станете чемпионом географических знаний.

Ждем ваших писем.



В каком полушарии земли течет эта река?



Где, на ваш взгляд, расположены эти места — ближе к экватору, чем Ленинград, или дальше?



А в Ленинграде в это время веселый, солнечный полдень.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В „КОСТРЕ" № 1

Ответы к кроссворду „Путешествие по Европе"

По вертикали

1. Сан—река в Польше (приток Вислы).
2. Улео—озеро в Финляндии.
3. Арад—город в Румынии.
5. Псел—река на Украине (приток Днепра).
6. Урал—горы в европейской части СССР.
8. Альпы—горы в Швейцарии.
10. Гвадаррама — возвышенность в Испании.
11. Орел — город в Воронежской области.
12. Вена — город в Австрии.
14. Дакс — город во Франции.
15. Нива — река в Карелии.
16. Кан — город во Франции.
21. Ракоши — фамилия венгерского коммуниста, томящегося в застенках буржуазии.
25. Поти — приморский город на Кавказе.
26. Вотъ — народность СССР.
27. Сван — народность СССР.
28. Шуша — город на Кавказе.
29. Коми — народность СССР.

По горизонтали

1. Суна — река, знаменитая своим водопадом.
4. Нева — река в Ленинградской области.
7. Сура — правый приток Волги.
9. Лиль — город во Франции.
10. Гдов — город в Ленинградской области.
13. Ядрин — город в Горьковском крае.
16. Киев — столица Украины.
17. Рен — местность в Германии.
18. Ахен — город в Германии.
19. Шклов — город в Белоруссии.
20. Норд — фиорд в Норвегии.
22. Лан — река в Германии.
23. Сена — река во Франции.
24. Аа — река в Латвии.
25. Покровск — прежнее название столицы республики Немцев Поволжья — ныне Энгельс.
28. Шацк — город в центре европейской части СССР.
30. Орлов — город в Кировском крае.
31. Дуеро — река в Испании.
32. Таз — река в северо-западной части Азии.
33. Ишим — приток Иртыша.
34. Шавли — город в Литве.

РАЗГАДКА ФОКУСОВ

ОТГАДЫВАНИЕ ЧИСЕЛ

В первом фокусе вы умножили задуманную цифру сначала на 37, потом на 3. Это все равно, что умножить ее на трижды 37, т. е. на 111. Но при умножении однозначного числа на 111 получается задуманная цифра, написанная трижды. Если, например, вы задумали 4, то после умножения на 37 и на 3 получается 444. Вас просят в полученном числе зачеркнуть последнюю цифру; остается, конечно, число, написанное двумя одинаковыми цифрами (например, 44). Все такие числа при делении на эту цифру дают в частном 11.

Вот почему я заранее знал, что у вас получится 11, и вот почему у всех читателей составилось одно и то же число, хотя они и начинали свои расчеты с различных цифр.

Во втором фокусе вы задумали число из двух цифр и приписали его еще раз. Это все равно, что умножить задуманное число на 101. Если, например, вы задумали 29, то от умножения 29 на 101 получается 2929. Разделив такое число на первоначально задуманное (т. е. на 29), вы должны получить 101. Раз я это знаю наперед, я могу с уверенностью сказать, что от сложения цифр итога составится 1+0+1=2.

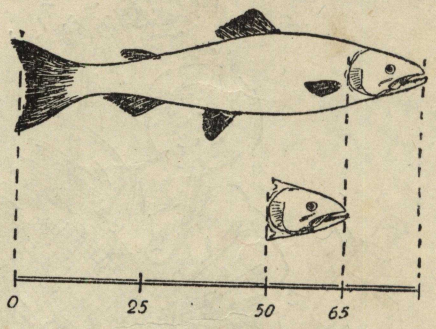
Итак, первое отгадывание основано было на свойствах числа 111, второе—на особенности числа 101. Дело обходится, как видите, без обмана.

РЕШЕНИЕ ГОЛОВОЛОМОК

РЫБЬЯ ГОЛОВА

Рыба без головы длиннее своей головы на длину рыбы без двух голов. Значит, разница в полметра (50 сантиметров)—это длина рыбы без двух голов. А так как полная длина рыбы 80 сантиметров, то 80—50, т. е. 30 сантиметров, это длина двух голов.

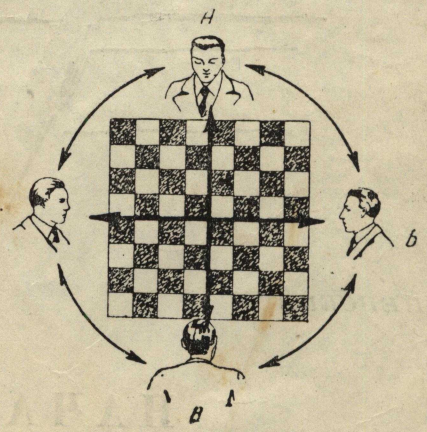
Отсюда узнаем длину головы: 30:2=15 сантиметров.



ДВА ЧИСЛА

Задача кажется невозможной: мы привыкли думать, что целые числа при перемножении дают больше, чем при сложении; в задаче же требуется, чтобы было наоборот. Однако, требуемые числа существуют: 6 и 1. В самом деле

$6 \times 1 = 6$ $\qquad$ $6 + 1 = 7$.



ИГРА В ШАШКИ

Играло четверо, каждый играл 3 раза, но всех партий было сыграно не 12, а только 6: ведь в партии участвует двое.

В самом деле. Пусть играют А, Б, В и Г. В шести партиях играли

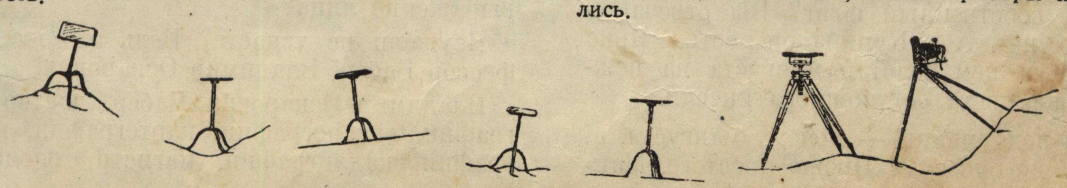
А с Б	Б с В
А с В	Б с Г
А с Г	В с Г

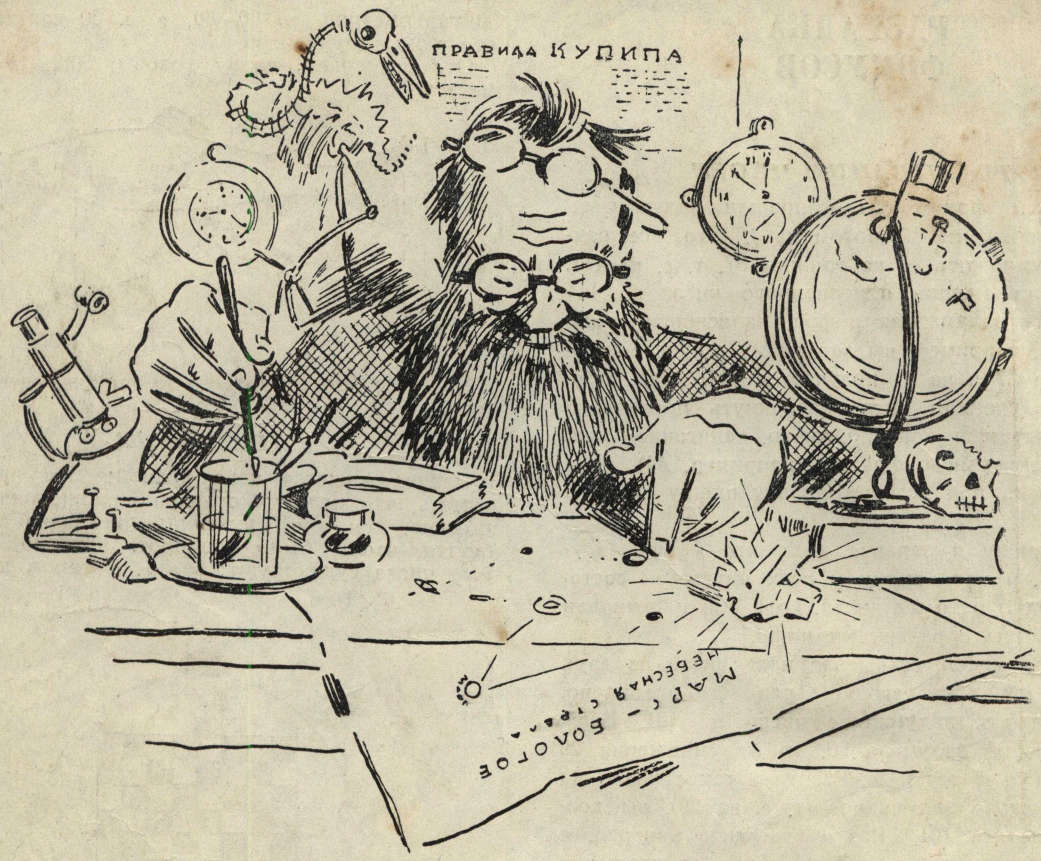
Легко убедиться, что каждый играл трижды.

ТРЕХНОГИЙ СТОЛ

Трехногий стол никогда не качается. Если вы спросите математика, почему это так, он ответит: «Потому что через три точки пространства может проходить только одна плоскость. Концы ног стола—это три точки пространства, а пол—плоскость.

Теперь вам должно быть понятно, почему фотоаппараты, землемерные и т. п. инструменты всегда устанавливаются на треногах. Делается это не из желания сэкономить материал четвертой ножки, а для того, чтобы приборы не качались.





Л. УСПЕНСКИЙ

Рисунки Е. КОСЯКОВОЙ

НАЧАЛО ПОВЕСТИ

Дорогие, многоуважаемые и достопочтенные ребята, читатели «Костра»! Известно ли вам, что такое «Купип»? Ку-пип! К. У. П. И. П!

Можно заранее поручиться, что неизвестно. Между тем, знать кое-что насчет Купипа следовало бы каждому.

Что же такое КУПИП? Это не страна. И не зверь. И не лавка. Это вовсе не от слова «купить», — о нет, ничего подобного! Это Комитет Удивительных Путешествий и Приключений. Вот что это такое.

Спрашивается теперь, есть ли у вас, например, собственный флаг? Вы отвечаете: конечно, нет. А у Купипа он есть. Ярко блестит на нем золотая мангуста на нежном фоне цвета остуженного киселя.

Вы в недоумении — почему мангуста, а, скажем, не опоссум? Проще простого. Мангуста упоминается в четвертом куплете Купипского купального гимна.

Начинается этот гимн так:

„Не найдете нигде,
Ни в земле, ни в воде,
Справедливей обычая нашего:
Не скучать, не ворчать,
Узнавать, изучать,
Обо всем непонятном расспрашивать!"

Понятно или непонятно?

Кстати, кто это такой? Кто изображен на этом рисунке? Чья это борода, чьи очки, чье добродушное, но вместе с тем строгое выражение лица?

Неужели не узнаете? Ведь это же профессор Бабер! Владимир Оскарович!

Владимир Оскарович Бабер, доктор географии, океанографии, картографии, номографии, каллиграфии, магистр биологии,